

9/С18)

049

№8224

**ОКТЯБРЬ
И ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА В СИБИРИ.**

**ИСТОРИЯ.
ИСТОРИОГРАФИЯ.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ**

9/с18/
049

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБИШЕВА

ОКТАБРЬ
И ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА В СИБИРИ.
ИСТОРИЯ.
ИСТОРИОГРАФИЯ.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1985

Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение: Сб. статей/Отв. ред. М. Е. Плотникова. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. — 144 с. — 1 р. 20 к. 500 экз. 0505030100.

Статьи сборника, подготовленного Проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете и сибирской секцией научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», посвящены актуальным вопросам истории Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции в Сибири. На конкретном материале характеризуются расстановка классовых сил, особенности классовой борьбы в моменты ее наивысшего напряжения, рассматриваются взаимоотношения внутренней контрреволюции и интервентов. Анализируется советская историография некоторых важных проблем социально-экономической и политической истории Сибири накануне и в период социалистической революции и гражданской войны. Ряд статей посвящен источниковедческим аспектам.

Для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических факультетов, пропагандистов и учителей истории.

Рецензент — канд. ист. наук Н. С. Ларьков

Редакционная коллегия: докт. ист. наук М. Е. Плотникова (отв. редактор), докт. ист. наук И. М. Разгон, канд. ист. наук Э. И. Черняк.

0 0505030100
177(012)—85 19—85

© Издательство Томского университета, 1985 г.

О. Н. РАЗУМОВ

ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В СИБИРИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (Исследования конца 50 — начала 80-х гг.)

Научная разработка истории Великой Октябрьской социалистической революции предполагает всестороннее изучение ее социально-экономических предпосылок, особенностей российского империализма и, в частности, роли в экономике России иностранного капитала.

Освещение событий периода гражданской войны и интервенции также требует обращения к данной проблеме. Экономические интересы зарубежных капиталистов в России, в том числе и в Сибири, были одной из причин интервенции, а среди ее активных вдохновителей и организаторов видное место занимали непосредственные представители монополий (Л. Уркарт, Г. Гувер, И. Лид и другие).

История иностранного капитала в Сибири давно вызывает большой интерес у советских историков, который особенно возрос с конца 50 — начала 60-х гг. По приблизительным подсчетам, только специальных публикаций (т. е. посвященных непосредственно иностранному капиталу в Сибири) насчитывается свыше 40, большая часть их относится именно к указанному периоду. Широко обращались к теме и авторы работ более общего характера, причем не только по собственно сибирской, но и общероссийской истории. Историографический анализ проблемы может уже подвести некоторые итоги ее изучения, выявить малонисследованные и спорные вопросы, наметить пути и перспективы дальнейшей работы в этом направлении¹.

¹ Характеристику некоторых работ об иностранном капитале в Сибири см.: Бовыкин В. И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России. — В кн.: Об особенностях империализма в России. М., 1963, с. 299, 311; Овсянникова Н. Д. Советская историография истории золотопромышленности России периода империализма. — В кн.: Вопросы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Предлагаемая статья является попыткой историографического анализа литературы конца 50 — начала 80-х гг. Основное внимание в ней уделяется освещению в литературе таких вопросов, как объем иностранных капиталовложений, их удельный вес и роль в экономике региона.

Изучение роли иностранного капитала в экономике Сибири, как и России в целом, имеет свою достаточно длительную и сложную историю. Известно, что на первых этапах советской историографии под влиянием буржуазной науки, а затем концепции о дочернем характере российского финансового капитала и тезиса о полуколониальной зависимости России широкое распространение получило ошибочное мнение о подчинении иностранным капиталом русских банков и важнейших отраслей промышленности. Применительно к Сибири оно в разной мере нашло отражение в работах П. В. Оля, А. Шиши, Н. Н. Ваняга, М. Гольмана, Ф. Г. Суховой, В. Бухиной, И. Г. Зобачева, П. И. Лященко, Н. Е. Рогозина, В. П. Киселева и других, вышедших в 20-х — первой половине 50-х гг. Хотя эта точка зрения вызвала серьезные возражения И. Ф. Гиндина, Е. Л. Грановского, Г. А. Мебуса, М. Я. Гефтера и других исследователей, она все же длительное время преобладала в историко-экономической литературе.

В конце 50 — начале 60-х гг. начинается новый этап в изучении истории российского империализма, в том числе иностранного капитала в России. Переломным моментом стало преодоление тезиса о полуколониальной зависимости России.

С этого времени значительно расширяется круг исследователей данной проблемы, усиливается координационная работа. В 1958 г. был создан научный совет по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», преобразованный затем в секцию «Основные закономерности и особенности развития России в период империализма» Научного совета по истории Октябрьской революции. Совет провел несколько сессий. Особый интерес

представляет сессия 1961 г. (г. Ленинград), посвященная особенностям империализма в России, на которой проблема иностранного капитала занимала одно из центральных мест.

Характерной чертой этого периода стало введение в научный оборот новых источников, особенно архивных материалов банков, акционерных обществ, государственных учреждений и т. д.

Исключительно важное значение имело более глубокое освоение ленинской теории империализма, его концепции российского империализма, большую роль в дальнейшем изучении темы сыграли и первые историографические обобщения советской литературы, по социально-экономической истории России конца XIX — начала XX вв². В. И. Бovyкин в статье «О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России», глубоко проанализировав взгляды В. И. Ленина на место России в системе мирового капитализма и его понимание термина «полуколония», убедительно доказал, что В. И. Ленин никогда не рассматривал Россию как полуколонию. Исследователь показал также негативное влияние на советскую историографию тезиса о полуколониальной зависимости России.

В итоге Б. В. Ананьичем, В. И. Бovyкиным, П. В. Волобуевым, В. С. Дьяковым, Р. Ш. Ганелиным, М. Я. Гефтером, И. Ф. Гиндиным, В. Я. Лаврычевым, Ю. Н. Нетесиним, А. Л. Сидоровым, Ю. Б. Соловьевым, К. Н. Тарновским, А. А. Фурсенко, К. Ф. Шацилло, Л. Е. Шепелевым и другими исследователями был преодолен ошибочный взгляд на российский империализм как на крайне отсталый, зависимый от западно-европейского и американского финансового капитала. Авторы показали, что Россия была страной среднеза развитого капитализма и почти одновременно с ведущими странами вступила в стадию империализма. По своей экономической природе российский монополистический капитализм принципиально не отличался от империализма, характерного для других стран. Русские банки, несмотря на участие в них иностранного капитала, в целом сохраняли свою самостоятельность, выступали как банковские монополии России. Взаимоотношения российского и иностранного капитала были значительно сложнее, чем это изображалось в литературе 20 — 50-х гг., и в целом они носили характер не подчинения, а союза, за которым скрывалось острое импе-

Калинин. 1977. с. 110, 116—118; Абрамова Н. Г. Источниковая база исследований о роли иностранного капитала в России. — В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1980, вып. XI. с. 180. Более специально вопрос рассматривался автором данной статьи: Разумов О. Н. Об оценке иностранных капиталовложений в горной промышленности Сибири периода империализма (из историографии проблемы). — Известия СО АН СССР, серия обществ. наук, 1982, вып. 2, № 6, с. 99—104.

риалистическое соперничество. Таковы в общем виде итоги проведенных исследований³.

Самой постановкой многих важных проблем, решением ряда вопросов методологии и методики эти исследования стимулировали дальнейшую разработку социально-экономической истории периода империализма на местах, в частности, в Сибири. Важные сдвиги в советской историографии совпали здесь с такими факторами, как создание СО АН СССР и формирование новых научных центров, дальнейшее развитие системы высшего образования, развертывание научно-организационной и исследовательской работы по подготовке коллективной обобщающей «Истории Сибири». Все это не могло не сказаться и на изучении иностранного капитала в экономике данного региона.

Именно с началом нового этапа проблема иностранного капитала в Сибири стала предметом целого ряда специальных статей А. А. Лукина, А. К. Борзова, И. Т. Белимова, Н. Д. Овсянниковой, В. М. Самосудова, А. Г. Патроновой, М. Ю. Лачаевой и других исследователей. Наиболее плодотворно в этом направлении работал А. А. Лукин. В 1959 г. он защитил кандидатскую диссертацию⁴. В дальнейшем, расширяя хронологические, территориальные и отраслевые рамки исследования, вводя в научный оборот новые источники, А. А. Лукин опубликовал более 10 статей. Он является одним из соавторов разделов по истории промышленности конца XIX — начала XX вв. в «Истории Сибири» (т. 3. Л., 1968).

Более широко, чем раньше, обращались к вопросу об иностранном капитале авторы общих работ по истории экономики Сибири, местных отрядов буржуазии, пролетариата и крестьянства, рабочего и революционного движения, событий Октябрьской революции и т.д. Иностранное предпринимательство в Сибири и планы зарубежных монополий в этом районе страны освещались в литературе, посвященной банковским и промышленным монополиям, финансовому капиталу в России, международным финансово-экономическим отношениям и внешней политике России.

³ Сидоров А. Л. В. И. Ленин о русском военно-феодальном империализме (о содержании термина «военно-феодальный империализм»). — В кн.: Об особенностях империализма в России. М., 1963, с. 11—52; Бровер И. М. Основные особенности империализма в России. — Там же, с. 53—72; Волобуев П. В. К вопросу о сущности военно-феодального империализма в России. — Там же, с. 73—85; Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М., 1964; и др.

Два подхода к проблеме, две точки зрения, сложившиеся в литературе 20 — 50-х гг., в полной мере проявились именно в последний (современный) период советской историографии. В целом для конца 50 — начала 80-х гг., характерно постепенное преодоление старых ошибочных представлений о «господстве» и «засилии» иностранного капитала, о «захвате» и «подчинении» им важнейших отраслей сибирской экономики. Однако это произошло далеко не сразу, и заметный перелом наступил лишь в 70-е гг. Причем старая точка зрения вплоть до последнего времени имела своих сторонников. Наиболее последовательно ее проводили А. К. Борзов, И. Т. Белимов, В. П. Киселев и некоторые другие историки и экономисты. Рассмотрим подробнее их исходные позиции, основные положения и аргументы.

В своих оценках роли иностранного капитала в Сибири исследователи часто исходили из тезиса о полукOLONиальной зависимости России. И. Т. Белимов в одной из своих статей писал: «Царская Россия являлась полукOLONией европейского и американского капитала»⁵. По мнению А. К. Борзова, дореволюционная Россия «была одним из основных объектов экспансии империалистических держав»⁶.

Многие авторы фактически отрицали какую-либо самостоятельность русских банков. Так, А. К. Борзов считает, что зависимость их «от иностранных держателей акций была весьма значительной»⁷. И. Т. Белимов еще более категоричен: «Накануне первой мировой войны французский капитал господствовал в 13 банках России, германский — в 8 бан-

³ См. сборники статей: Из истории империализма в России. М.—Л., 1959; Монополии и иностранный капитал в России. М.—Л., 1962; Об особенностях империализма в России. М., 1963; и др. В 60—70-е гг. вышло также немало монографических исследований названных авторов.

⁴ См.: Лукин А. А. Проникновение американского и английского капитала в Западную Сибирь накануне и в годы первой мировой войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Томск, 1959, 16 с.

⁵ Белимов И. Т. Экспансия иностранного капитала в Сибири в период империализма. — В кн.: Доклады II научн. конф. кафедр общественных наук. Томск, 1959, с. 19.

⁶ Борзов А. К. Иностранный капитал в промышленности дореволюционной Сибири. — В кн.: Вопросы марксистско-ленинской теории. Иркутск, 1960, вып. 17, с. 100.

⁷ Борзов А. К. Проникновение и деятельность иностранного банковского капитала в Сибири. — Учен. зап./Иркутск. сельскохоз. ин-т, 1958, вып. 12, с. 53.

ках и английский — в 1 банке»⁸. Примерно то же самое утверждает Н. Н. Мартынов, по мнению которого иностранцы владели 44,3% акций Сибирского торгового, Русско-Азиатского и Русского для внешней торговли банков, «что вполне было достаточно для обеспечения в них ведущей роли иностранного капитала»⁹.

Отталкиваясь от подобных общих представлений, А. К. Борзов, И. Т. Белимов и другие исследователи дали соответствующую оценку роли иностранного капитала в экономике Сибири. При этом они пытались обосновать свою позицию с помощью новых подсчетов. Так, А. К. Борзов, частично используя данные А. Шиши и дополняя их своими, определил иностранные капиталовложения в промышленности Сибири в 93 млн. р. (73 млн. — в горной и 20 млн. — в обрабатывающей)¹⁰. В основные отрасли торговли, по его мнению, было вложено 57 млн. р. (30 млн. — в экспорт масла и сбыт потребительских товаров и 27 млн. — в сбыт сельскохозяйственных машин)¹¹. Если суммировать эти цифры, получится 150 млн. р., что значительно превышает результаты известных подсчетов А. Шиши (110 млн. р.)¹².

Состав капиталовложений, источники и методику подсчета, что принципиально важно, автор почти не раскрывает. Если же проанализировать приведенные им факты, то частично можно выяснить, из чего складывалась эта сумма. Так, в «Лензото», по словам А. К. Борзова, из основного капитала в 16,5 млн. р. «англичанам принадлежало акций на сумму около 11,7 млн. р.» (т.е. 70%). Смешанное акционерное общество «Сибирская медь», по мнению автора, принадлежало «только английскому капиталу». Начало его деятельности (1911 г.) А. К. Борзов относит к 1900 г., основной капитал и производительность завышает¹³. Не различая экспорт капи-

тала и его миграцию, не отделимую от личной эмиграции капиталовладельцев, А. К. Борзов включил, видимо, в свои подсчеты предприятия иностранцев (в обрабатывающей промышленности и торговле), давно осевших в России и часто здесь же сколотивших свои капиталы, типа датчанина С. Х. Рандрупа. Все это в итоге и дало завышенную, на наш взгляд, оценку объема иностранных капиталовложений в экономике Сибири, даже с учетом широких административно-территориальных границ региона (собственно Сибирь, Дальний Восток и часть Казахстана).

По этим же причинам А. К. Борзов преувеличивает и удельный вес иностранного капитала. В золотопромышленности Сибири к 1914 г. иностранные капиталовложения составляли, по его подсчетам, 37,6% (32 млн. из 85 млн. руб.)¹⁴. Характеризуя роль иностранного торгового капитала, он утверждает, что в руках последнего находилась «почти вся» заготовка, оптовая скупка и экспорт масла, а также хлеба¹⁵. Данных, подтверждающих этот вывод, в статье А. К. Борзова нет.

Вызывают возражения и «подсчеты» И. Т. Белимова. Определяя место иностранного капитала в ведущей отрасли промышленности, он пишет: «Из 38,8 млн. р. основного капитала, вложенного в горную промышленность Сибири, на долю русского капитала приходилось только 4,5 млн. р., т.е. немногим более 10%»¹⁶. Отсюда вытекает вывод «о полном господстве иностранного капитала». При этом И. Т. Белимов совершенно не указывает, что именно и на основе каких источников он подсчитывал. В другой статье автор рисует мрачную картину «захвата» почти всей экономики Сибири: «Иностранный капитал захватил в свои руки экспорт масла, кож, щетины, пушнины, золотодобывающую, угольную и другие отрасли промышленности»¹⁷. Несколько позднее к «захваченным» отраслям добавлены горнорудная, лесоперерабатывающая и маслодельная промышленности¹⁸.

Подобные утверждения А. К. Борзова, И. Т. Белимова и некоторых других авторов или голословны, т.е. совершенно не подтверждаются фактическим материалом, или являются

⁸ Белимов И. Т. К вопросу об экспансии иностранного капитала в область железнодорожного транспорта Сибири в период империализма. — Труды Новосибирск. инж.-строит. ин-та, 1962, т. X, с. 23.

⁹ Мартынов Н. Н. Иностранный капитал в дореволюционном Омске (по архивным материалам и воспоминаниям автора). — Известия Омского отдела географического общества СССР. 1966, вып. 8(15), с. 63.

¹⁰ Борзов А. К. Иностранный капитал в промышленности..., с. 120.

¹¹ Борзов А. К. Роль иностранного торгового капитала в хозяйстве дореволюционной Сибири. — Научные доклады Высшей школы: Экономические науки, 1958, № 4, с. 158, 161.

¹² См.: Шиша А. Иностранный капитал. — Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931, т. 2.

¹³ Борзов А. К. Иностранный капитал в промышленности..., с. 114—115, 117—118.

¹⁴ Борзов А. К. Иностранный капитал в промышленности..., с. 115.

¹⁵ Борзов А. К. Роль иностранного торгового капитала..., с. 159, 161.

¹⁶ Белимов И. Т. Экспансия иностранного капитала..., с. 22.

¹⁷ Белимов И. Т. К вопросу об экспансии..., с. 22.

¹⁸ Белимов И. Т. Железнодорожный пролетариат Сибири в революции 1905—1907 гг. Новосибирск, 1967, с. 17.

результатом не критического отношения к источникам (особенно к сибирской периодике). Источниковая основа их работ крайне скудна. В. И. Бовыкин уже отмечал «случайный характер» ссылок А. К. Борзова на архивы¹⁹.

Мнение о подчинении иностранным капиталом экономики Сибири широко распространено и в более общей литературе. Возьмем, например, известные монографии по истории рабочих Сибири. В книге В. А. Кадейкина читаем: «Развивающаяся в Сибири промышленность сразу же попадала под власть монополий, в которых преобладал иностранный капитал»²⁰. И далее об итогах этого процесса: «Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции решающие отрасли сибирской экономики оказались в руках иностранного капитала...»²¹

То же пишет А. А. Мухин: «В зависимость от иностранного капитала попали важнейшие отрасли промышленности, крупные торгово-промышленные и транспортные предприятия»²². В более поздней работе он утверждает, что английским капиталистам принадлежали самые крупные вложения в золотопромышленных предприятиях «Лензото», «Золотороссе», «Обществе Маринских золотых приисков», а также в обществе «Сибирская медь» и т.д.²³

А. А. Мухин приводит новые сведения об иностранных инвестициях в экономике Сибири (в 1917 г.): в горной промышленности — 109,6 млн. р., в «торгово-промышленном деле» (?) — 98,5 млн., в металлургии — 37,5 млн. и в транспорте — 12,6 млн. р. Всего — 258,2 млн. р.²⁴. К сожалению, автор не раскрывает источник приведенных данных, ограничиваясь «глухой» ссылкой на архив. Не имея возможности проверить названные цифры, мы вынуждены констатировать, что они значительно превышают результаты всех прежних подсчетов (А. Шиши, А. К. Борзова, И. Т. Белимова).

Преувеличение абсолютного и удельного веса иностранного капитала в экономике Сибири было, таким образом,

¹⁹ Бовыкин В. И. Указ. соч., с. 299.

²⁰ Кадейкин В. А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917—август 1918 гг.). Кемерово, 1966, с. 37.

²¹ Там же, с. 43.

²² Мухин А. А. Рабочие Восточной Сибири на путях к Октябрю. Иркутск, 1966, с. 50.

²³ Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861—1917 гг.). М., 1972, с. 129.

²⁴ Там же, с. 130.

четко выраженной тенденцией. В какой-то мере это связано и с тем, что в исторической литературе часто занижался уровень развития экономики и социально-классовой структуры Сибири, местной буржуазии, а также масштабы проникновения сюда капитала из Европейской России. Последнее же во многом объяснялось неизученностью этих вопросов.

Однако доминирует в современный период советской историографии другая тенденция. Усилилось изучение буржуазии, акционерного и монополистического капитала как в России в целом, так и в Сибири. На этой основе стало возможно более глубокое исследование взаимодействия и соотношения российского и иностранного капитала. Значительно больше внимания уделяется самому характеру связей между ними. Такой подход позволил пересмотреть многие старые представления о месте и роли иностранного капитала в экономике Сибири.

Рассмотрим этот процесс подробнее на примере горной промышленности. Решение вопроса о месте и роли иностранного капитала в этой отрасли во многом зависит от определения доли иностранного участия в таких крупнейших предприятиях, как «Золоторосс», «Лензото», «Сибирская медь», «Копикуз» и др. Единого мнения по этому вопросу у исследователей по-прежнему нет.

Большинство авторов считают, что крупнейшее золотопромышленное предприятие России «Лензото» контролировалось английским капиталом. Это мнение основано на том, что финансовое акционерное общество «Лена-Гольдфильдс», с 1908 г. владевшее контрольным пакетом акций «Лензото», характеризуется как английское²⁵. В коллективной монографии «Горняки Кузбасса» утверждается даже, что английская компания «Лена-Гольдфильдс» контролировала и вто-

²⁵ См.: Вейдрих Г. А. Ленские события 1912 г. Иркутск, 1956, с. 5—6; История Якутской АССР. М., 1957, т. II, с. 311; Киселев В. П. Великая Октябрьская социалистическая революция и крах американских планов захвата и закабаления Сибири. — Труды Сибирского лесотехнического ин-та, сб. XXVIII, вып. 1. Красноярск, 1958, с. 246; Аксенов Ю. С. Ленские события 1912 года. М., 1960, с. 20—21; Овсянников Н. Д. Проникновение иностранного капитала в золотопромышленность Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. — Труды Иркутск. ун-та, сер. ист., 1961, т. XXIX, вып. 2, с. 190; История Сибири. Л., 1968, т. 3, с. 341, 345; Луккин А. А. Инвестиционная политика английских монополий в горном деле Сибири в 1917 г. — Вопросы истории Сибири. Томск, 1974, вып. 8, с. 67; и др.

рую крупную золотопромышленную монополию России — «Золоторосс»²⁶. Некоторые исследователи полагают, что иностранный капитал играл ведущую роль и в обществе «Сибирская медь»²⁷. По-прежнему в литературе встречается мнение о преобладании иностранного капитала в «Копикузе»²⁸.

Одним из первых шагов в преодолении этих взглядов стала специальная статья А. М. Соловьевой о «Копикузе», в которой показано, что это предприятие было русско-французским, и что главную роль в нем играли Петербургский Международный и Русско-Азиатский банки²⁹. К такому же выводу пришел и А. А. Лукин³⁰.

В 1960 г. была опубликована статья И. Ф. Гиндина и Л. Е. Шепелева о банковских монополиях в России. Авторы внесли ряд существенных поправок и уточнений по вопросу о влиянии русских банков в Сибирь. Они отметили сильные позиции банков в золотопромышленности, в том числе их полный контроль над «Золотороссом» и «Лензото», а также в угольной промышленности Кузбасса («Копикуз»), «значительное участие» в обществе «Сибирская медь» и т. д.³¹

Я. И. Лившин на основе нового фактического материала проанализировал взаимоотношения российского и иностранного капитала в «Лензото» и пришел к убедительному выводу, что никакого подчинения его английским капиталом в действительности не было. По мнению исследователя, пример «Лензото» показывает «переплетение русского и иностранного финансового капитала, ожесточенную борьбу между ними и возможность... при благоприятных обстоятельствах к освобождению от иностранной зависимости, к вытеснению иностранной группы, к установлению русской финансовой группой полного контроля над смешанным предприятием»³².

²⁶ Горняки Кузбасса. Новосибирск, 1971, с. 33—34.

²⁷ Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX вв. М., 1956, с. 476; Свешников Н. А. Экономика Сибири в период империализма. М., 1975, с. 91; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982, с. 295; и др.

²⁸ Мазюков А. Копикуз. — Огни Кузбасса, 1971, № 2, с. 80.

²⁹ Соловьева А. М. Из истории Копикуза (1912—1917 гг.). — Труды научн. конф. по истории черной металлургии Кузбасса. Кемерово, 1957, с. 159—161.

³⁰ Лукин А. А. Проникновение американского и английского капитала... с. 14—15.

³¹ Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — Исторические записки. М., 1960, т. 66, с. 23, 40—42, 71, 75—76.

³² Лившин Я. И. Монополии в экономике России. М., 1961, с. 61.

Характер взаимоотношений российского и иностранного капитала в «Золотороссе» подробно рассмотрен в статье Г. Х. Рабиновича и в монографии В. И. Бовыкина, где убедительно показано, что несмотря на участие в этом предприятии нескольких иностранных финансовых групп, доминировали в нем русские банки³³.

В 70-е гг. появились обобщающие работы о буржуазии и монополистическом капитале в Сибири. В диссертации С. В. Сергеевой сформулирован вывод о том, что иностранный капитал «глубоко проник в важнейшие сферы хозяйства Сибири. Однако он не смог занять здесь ключевых позиций. Русские монополии... умело ограничивали его деятельность, сохраняли за собой контрольный пакет акций»³⁴. Такая картина наблюдалась, по мнению автора, в «Золотороссе», «Копикузе», «Федоровском обществе».

Важным событием в сибирской историографии стал выход книги Г. Х. Рабиновича³⁵. Проведенное им исследование показало, что сибирская буржуазия, хотя и была в массе своей торговой и торгово-ростовщической, обладала немалой силой и влиянием. В конце XIX — начале XX вв. наметилась тенденция ее перерастания в торгово-промышленную и чисто промышленную буржуазию. Началось также вытеснение мануфактурной буржуазии, частичное превращение ее в фабричную. Хотя все эти процессы не получили своего завершения, в экономическом отношении к 1917 г. преобладали более зрелые слои буржуазии. Следовательно, даже местный (сибирский) капитал не был таким слабым и отсталым, как это нередко изображалось в литературе. Монография Г. Х. Рабиновича расширила и углубила наши знания о масштабах внедрения в Сибирь банковских и промышленных монополий Европейской России, подчинивших и контролирувавших крупнейшие предприятия и основные отрасли промышленности. В частности, исследователь убедительно показал, что «Лена-Гольдфильдс» и «Лензото» были русско-ан-

³³ Рабинович Г. Х. Технический переворот и его финансирование в золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX — начале XX вв. — В кн.: К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX — начала XX вв. Красноярск, 1962, с. 53—55, 68—69; Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967, с. 216—217.

³⁴ Сергеева С. В. Зарождение капиталистических монополий в Сибири (политэкономический анализ). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ир. кутск. 1970, с. 16.

³⁵ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975.

глийскими предприятиями, поскольку их контрольные пакеты акций находились в руках русских капиталистов. В обществе «Сибирская медь» преобладал Сибирский торговый банк, хотя большую роль играл и английский капитал³⁶.

Специальное исследование об английском капитале в меднорудной промышленности, проведенное М. Ю. Лачаевой, окончательно доказало, что уже в 1916 г. в обществе «Сибирская медь» ключевые позиции занимали российские банки³⁷.

Более полно в литературе последнего периода освещено и иностранное предпринимательство в других формах. Наиболее значительный вклад в разработку этого вопроса внес А. А. Лукин. Им проанализированы пути проникновения иностранного капитала, прослежена деятельность ряда предприятий, дана, в частности, принципиально важная оценка деятельности мелких иностранных предпринимателей, нередко фигурировавших в литературе в качестве доказательства «засилия» иностранного капитала. По мнению А. А. Лукина, «они не играли и не могли играть сколько-нибудь заметной роли в экономике, а лишь подготавливали почву для крупного капитала»³⁸.

Достигнуты определенные результаты в изучении иностранного предпринимательства в «чистом» виде — в форме акционерных обществ, учрежденных за границей. А. А. Лукин сделал попытку определить общее число иностранных обществ. По его приблизительным подсчетам, с 1906 по 1914 гг. русское правительство допустило к операциям в горном деле Сибири свыше 20 английских компаний³⁹. Убедительно показано, что в проникновении иностранного капитала преобладало спекулятивно-грюндерское учредительст-

³⁶ Там же, с. 141—145, 193.

³⁷ Лачаева М. Ю. Английский капитал в меднорудной промышленности Урала и Сибири в начале XX в. — Исторические записки, М., 1982, т. 108, с. 69.

³⁸ История Сибири, с. 193.

³⁹ Лукин А. А. Экономические интересы американского и английского капитала в Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Доклады и сообщения науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1960, с. 122. Эта цифра несколько завышена. По нашим подсчетам, с 1901 по 1913 гг. к действиям в горной промышленности Сибири было официально допущено 17 английских акционерных обществ с капиталом 46 590 тыс. р. См.: Разумов О. Н. Иностранные акционерные общества в горной промышленности Сибири периода империализма. — В кн.: Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983, с. 110—111.

во, и очень немногие компании приступили к производственной деятельности⁴⁰.

Одному из иностранных акционерных обществ посвящена специальная статья А. Г. Патроновой. Проанализировав финансовую и производственную деятельность «Нерчинского золотопромышленного общества», она показала, что доля английского капитала в золотодобыче Восточно-Забайкальского горного округа была не очень значительной⁴¹.

В совокупности исследования последних десятилетий показали, что взаимоотношения иностранного и русского капитала в крупнейших горнопромышленных предприятиях и в отрасли в целом носили характер не подчинения, а союза, за которым скрывалось острое соперничество. При этом решающую роль в горной промышленности Сибири к началу мировой войны играли банковские монополии России, подчинившие не только местный (сибирский), но и иностранный капитал.

Продвинулось вперед и изучение иностранного капитала в других отраслях сибирской экономики — в торговле, особенно в товарном обращении деревни, в речном транспорте, в железнодорожном строительстве и т. д. Не имея возможности в данной статье подробно рассмотреть литературу по этим отраслям, отметим лишь, что здесь наблюдается примерно та же картина, что и в работах по горной промышленности. Историки пересмотрели некоторые крайние точки зрения, по-новому подошли к оценке доли иностранного участия. Тенденция ослабления влияния иностранного капитала накануне и в годы мировой войны в той или иной мере была характерна практически для большинства отраслей народного хозяйства Сибири. Такой общий вывод можно сделать в результате анализа литературы.

Таким образом, в изучении иностранного капитала в Сибири сделан значительный шаг вперед. Накоплен большой фактический материал. В основном преодолена старая ошибочная точка зрения о подчинении иностранным капиталом важнейших отраслей сибирской экономики. Проведенные

⁴⁰ Лукин А. А. Проникновение английского капитала в горное дело Сибири (1900—1914 гг.). — В кн.: Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск, 1965, с. 115, 121—122; Он же. Концессионная политика Кабинета в Сибири. — Известия СО АН СССР, сер. обществ. наук, 1973, вып. 1, № 1, с. 74—79.

⁴¹ Патронова А. Г. О деятельности английского «Нерчинского золотопромышленного общества» в Забайкалье (1903—1909 гг.). — Уч. зап. Читинск. пед. ин-та, 1968, т. 18, с. 36—46.

исследования подтверждают сложившееся в советской историографии положение о том, что в России иностранный капитал функционировал принципиально иначе, чем в странах колониального и полуколониального типа.

Вместе с тем остается нерешенным ряд важных вопросов. Окончательно не определены абсолютный и удельный вес иностранного капитала в отдельных предприятиях и отраслях, нет общей картины динамики иностранных капиталовложений. Не раскрыт до конца и сложный характер взаимоотношений российского и иностранного капитала.

А. А. Лукин, основательно осветивший многие сюжеты и внесший значительный вклад в разработку проблемы, практически отказался от общих подсчетов иностранных капиталовложений. Исследователь, безусловно, прав в том, что такой подсчет, — «дело чрезвычайно трудное», что он «носит довольно условный характер»⁴². Все это объясняется сложностью объекта исследования, ограниченностью источниковой базы, неразработанностью методики. Однако, несмотря на все эти трудности, такой подсчет необходим. Он поставлен на повестку дня самой логикой развития исследований последних десятилетий. Без него нельзя окончательно преодолеть ошибочных положений, легко впасть в другую крайность — отрицание или принижение роли иностранного капитала.

Имеющиеся в этом отношении возможности далеко не исчерпаны. Расширение источниковой основы, дальнейшая разработка методики, использование всех последних достижений советской исторической науки позволит решить эту важную задачу и дать более полную картину динамики иностранного капитала, всестороннее определение его роли в экономике Сибири.

⁴² Лукин А. А. Проникновение английского капитала..., с. 121.

В. Г. ЗЫКОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРИ В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 60—80-х гг.

Образование крестьянских организаций началось после победы февральской революции и продолжалось весь период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Сменяя друг друга, а нередко и сосуществуя, крестьянские исполнительные и земельные комитеты, крестьянские союзы, земские собрания и Советы играли заметную роль в политической и хозяйственной жизни деревни.

История организаций крестьянства нашла отражение в большинстве исследований, посвященных крестьянскому движению, формированию союза рабочего класса и крестьянства, борьбе за установление Советской власти и первых социалистических преобразований в деревне. В некоторых статьях, вышедших в свет в 60-е гг., отдельные организации стали самостоятельным объектом освещения¹, в 70-е годы более значительное место начали отводить им авторы монографий, рассматривающие широкий комплекс вопросов двух револю-

¹ Боженко Л. И. Крестьянские союзы в Западной Сибири 1917 г. — В кн.: Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1960; Он же. Крестьянские земельные комитеты Западной Сибири в 1917 г. — В кн.: Вопросы истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966; Шейнфельд М. Б. Из истории организации Советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии в 1917 г. — Ученые зап./Красноярск. пединститут. 1964, т. 26, вып. 1; Агалаков В. Т. О времени создания и количестве волостных и сельских Советов в Сибири в 1917—1918 гг. — Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1971, № 5; Кордопский Г. А. Из истории практической работы сельских и волостных Советов крестьянских депутатов Западной Сибири в первой половине 1918 г. — Научн. труды Новосибирского пединститута. 1971, вып. 64; Горюшкин Л. М. Крестьянские комитеты в Сибири в 1917 г. — Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. общ. наук, 1978, № 1, вып. 1.

ций в Сибири². Данные о возникновении деятельности организаций в сибирской деревне шире стали привлекаться исследователями, занимающимися разработкой проблемы Октябрьской революции и крестьянства в масштабе всей страны³. Некоторые аспекты истории изучения крестьянских организаций освещены в вышедших в последние годы историографических статьях Ю. В. Журова, Т. В. Осиповой, Е. А. Луцкого⁴.

В 1974 г. была опубликована монография Г. А. Герасименко⁵, где детально, на основе тщательного изучения ценных первичных документов рассмотрены в развитии и совокупности их связей все низовые крестьянские организации. Это единственное исследование такого плана, и хотя работа написана по материалам Нижнего Поволжья, ее влияние, несомненно, сказывается на постановке и разработке вопросов темы и в работах о Сибири.

В данной статье автором предпринята попытка проанализировать работу, сделанную исследователями по изучению крестьянских организаций, действовавших в сибирской деревне с марта 1917 по июнь 1918 гг., подвести некоторые итоги историографии темы и по возможности определить задачи дальнейшего ее изучения.

Внимание сосредоточено на рассмотрении социального состава, классовой сущности, характера и степени влияния на крестьянское движение, места крестьянских организаций в системе органов государственной власти — вопросов принципиальных и в то же время спорных. Рассматривается исто-

риография двух наиболее массовых организаций, оказавших существенное влияние на развитие самосознания крестьянства и развитие классовой борьбы в деревне: крестьянских исполнительных комитетов и Советов крестьянских депутатов.

История разработки данной темы в основном укладывается в рамки принятой большинством исследователей периодизации советской исторической науки и делится на три периода⁶. Но, как представляется, хронологическая граница третьего периода должна быть отнесена к началу 60-х годов. Именно в это время помимо действия факторов общего характера (усиление интереса к проблеме Великого Октября, увеличение числа исследователей, повышение их квалификации, рост количества публикаций, начавших появляться несколько раньше) появились новые черты. Расширилась проблематика исследований как за счет увеличения круга изучаемых крестьянских организаций (ранее они ограничивались лишь Советами), так и, что особенно важно, постановки новых теоретических вопросов о сущности, роли, месте, значении организаций.

В эти годы увеличилось число исследований по аграрной и социально-политической истории буржуазно-демократической и социалистической революций, связывающих решение поставленных задач с основательным и разносторонним анализом крестьянских организаций. Изучение их истории перестало носить только иллюстративный характер, стало целью работ.

Публикация к 40-й годовщине Октябрьской революции документов и воспоминаний, широкое использование архивных материалов и периодической печати заметно увеличили источниковую основу, усилили аргументацию выводов. Возросло внимание к низовой (сельскому и волостному) звену крестьянских организаций.

В 60-х годах произошло расширение территориальных рамок, был преодолен локальный подход, характерный для работ 40 — 50-х годов⁷. Такой подход способствовал выявлению

⁶ Первый период охватывает время с 1918 г. до середины 30-х гг. Второй период приходится на время со второй половины 30-х гг. до середины 50-х гг. Третий период начался со второй половины 50-х гг. и продолжается до нашего времени.

⁷ Аифилофьев И. Кузбасс в борьбе за Октябрь. Новосибирск, 1942; Устинов А. Н. Установление Советской власти на юге Красноярского края, Красноярск, 1958; Чижов И. Г., Кондриков Б. В. Победа социалистической революции в Омской области. Омск, 1958; Хай-

² Шагин Э. М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. М., 1974; Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск, 1978; Бабикова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980.

³ Минц И. И. История Великого Октября. В 3-х т., М., 1967, т. 1; Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974; Малявский А. Д. Крестьянское движение в России в 1917 г. М., 1981.

⁴ Журов Ю. В. К историографии советского строительства в сибирской деревне в 1917—1918 гг. — В кн.: Вопросы методологии истории и историографии: Доклады научной конференции. Томск, 1974, вып. 1; Осипова Т. В. Союз рабочих и беднейших крестьян в Октябрьской революции. — История СССР, 1977, № 4; Луцкий Е. А. Современная советская историография истории аграрных преобразований Великого Октября. — В кн.: Великой Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе. Тбилиси, 1980.

⁵ Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 г. — первой половине 1918 г.: По материалам Нижнего Поволжья. Саратов, 1974.

и вводу в научный оборот новых фактов, углубленному изучению событий в рассматриваемом районе. Бесспорным достижением исторической науки явилось не только накопление значительного объема информации об образовании и деятельности крестьянских организаций, позволившей полнее и ярче представить охвативший деревню революционный процесс, но и решение ряда принципиальных вопросов истории крестьянских организаций. Так, были определены хронологические рамки существования исполнительных, земельных комитетов, земских собраний, круг их задач и полномочий, отношений к земству правительственных органов и крестьян, революционизирующее воздействие солдат-отпускников сибирских гарнизонов и фронтовиков на крестьянство и его организации. Утвердилась оценка земских собраний и их упор как организаций недемократических, отвечавших планам правительства и интересам деревенской буржуазии. Большинство исследователей пришли к выводу о том, что Советы крестьянских депутатов до лета 1918 г. решали в основном общедемократические задачи и всеобщего перераспределения земли не провели.

Но по ряду вопросов все еще высказываются противоречивые суждения. По-разному оцениваются роль организаций в крестьянском движении, классовая направленность их деятельности, отношение к правительственным распоряжениям и др.

Характер и эффективность деятельности, авторитет и влияние той или иной крестьянской организации, зависел от ее социального состава. Но определить его пока не удалось. Серьезная причина недостаточной изученности крестьянских организаций и как следствие ее расхождений в оценках заключается в состоянии источников по истории революции и гражданской войны в Сибири. Часть архивов погибла, часть была уничтожена. В. С. Познанский отмечал, что в условиях смертельной борьбы терпящая поражения сторона (Советы — летом 1918 г. и колчаковцы — летом 1919 г.) сознательно истребляла свои архивы⁸. Подтверждается эта мысль и архивными документами. В Иркутском областном архиве в деле переписки ликвидационных комиссий, действовавших

в Сибири после падения Советской власти, с торговцами, кулаками, сельскими предпринимателями прямо указывается на невозможность возвратить реквизированное имущество, так как сохранность и нахождение его установить невозможно, поскольку документы Советов были уничтожены, вывезены в Даурскую тайгу и т. п.⁹ С аналогичными фактами пришлось столкнуться и ликвидационной комиссии, действовавшей на юге Енисейской губернии¹⁰.

Даже в архивах, где отложились фонды тех или иных организаций (а архивов, где были бы сосредоточены фонды всех организаций, в Сибири нет), хорошо сохранились лишь материалы губернских и расположенных вблизи губернского центра уездных исполкомов и управ. Они представлены протоколами и журналами заседаний, резолюциями, инструкциями, копиями циркуляров, выходящей переписки, финансовыми сметами и пр.

Документов волостных крестьянских организаций очень мало. Чаще всего это протоколы сходов, производивших выборы исполнительного органа организации, наказания крестьян своим делегатам на съезды. Нередко они составлялись по единой схеме и отличаются друг от друга только названиями сел и фамилиями избранных. К тому же эти материалы рассредоточены по различным фондам, что затрудняет их выявление.

Главным недостатком сохранившихся источников по истории крестьянских организаций является отсутствие данных о их социальном составе. В фондах архивов и периодической печати содержатся именные списки членов исполкомов и управ, а иногда и полные списки организаций. Так, в Тобольском филиале архива Тюменской области есть почти полные списки волостных исполнительных комитетов Тобольского уезда, в Омском областном архиве — волостных земельных комитетов Омского уезда, в Алтайском краевом архиве — волостных земских собраний и т. д. В этих списках нередко фиксировалось место жительства, возраст, уровень грамотности избранных, иногда род занятий и даже партийная ориентация, но данных о имущественном положении или степени хозяйственной состоятельности в них никогда не включалось. Вследствие этого при определении социального состава кре-

руллин Н. Б. Большевики Омока в период Октябрьской революции. Омск, 1958; Шелестов Д. К. Борьба за власть Советов на Алтае в 1917—1919 гг. М., 1959.

⁸ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск, 1973, с. 7.

⁹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. Р-2, оп. 1, д. 100, л. 37, 46—47.

¹⁰ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 144, сп. 1, д. 14, л. 13—14.

стьянских организаций историки вынуждены оперировать косвенными материалами, главным образом сведениями о деятельности организаций, что нередко приводит к произвольному отбору и толкованию фактов.

Изучение крестьянских исполнительных комитетов началось в связи с разработкой проблемы социально-политических предпосылок Октябрьской революции и развития классово-борьбы в деревне. В. А. Соловьевой, Л. И. Боженко, В. П. Сафроновым, С. А. Сидоренко, Л. М. Горюшкиным, Е. Н. Бабиковой, А. Н. Сагайдачным и др. за сравнительно короткий период была проделана большая работа по сбору и обобщению материалов о времени возникновения и деятельности исполнительных комитетов, их составе, функциях, отношениях с правительственными комиссарами.

Исследователи сходятся в том, что избираемые демократическим путем исполнительные комитеты являлись самыми массовыми крестьянскими организациями. Они брали в свои руки руководство административно-политической жизнью деревни и до выборов земства были фактически органами власти. Все авторы с большей или меньшей степенью определенности высказывают мнение, что в районах активного крестьянского движения комитеты, часто вопреки интересам засевавших в них торговцев, кулаков и эсеров, действовали в контакте с общинами, выступали организаторами, а иногда и руководителями крестьянского движения¹¹.

Важно отметить, что в последнее десятилетие в литературе определился новый подход в исследовании социального состава комитетов. Если в 60-х годах историки ограничивались констатацией фактов о выборах в комитеты зажиточных крестьян, сельской интеллигенции, кооператоров, то в настоящее время все авторы, признавая несомненный и кулацкий характер комитетов первого состава, говорят о их демократизации, развернувшейся вследствие крестьянского движения, роста политического самосознания крестьянства и под влиянием большевистски настроенных солдат. Такая постановка вопроса верно указывает общее направление развития крестьянских исполнительных комитетов, но еще не служит до-

¹¹ Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. (Февраль 1917—март 1918 гг.). Красноярск, 1962, с. 245; Бабикова Е. Н. Указ. соч., с. 83; Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. (периодизация, численность, формы выступлений). — Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. общ. наук, 1983, № 1, вып. 1, с. 79.

стоверным свидетельством изменения социального состава большинства комитетов в пользу трудового крестьянства.

Кроме того, не определено время начала обновления комитетов. Некоторые авторы полагают, что уже с середины апреля перевыборы комитетов стали массовым явлением, большинство исследователей вовсе обходят этот вопрос, и лишь немногие считают решающим рубежом в борьбе трудящегося крестьянства за преобладание в комитетах летние месяцы 1917 г.¹² Последнее мнение более соответствует расстановке классовых и политических сил в сибирской деревне и опирается на конкретно-исторический анализ крестьянского движения, развития второй социальной войны, факты перевыборов комитетов.

В литературе односторонне оценивается роль такого субъективного фактора, каким явилась умелая агитация. Историки справедливо считают, что чаще всего инициаторами, организаторами перевыборов, а затем и руководителями новых комитетов выступали солдаты-фронтовики, прибывшие в отпуск, и солдаты-отпускники запасных сибирских гарнизонов. Но надо учитывать и то, что несмотря на многочисленные ходатайства крестьянских сходов перед военными властями о предоставлении отсрочек солдатам, избранным на общественные должности в деревне, вопрос этот в централизованном порядке не был решен. Поэтому факт переизбрания кулацкого комитета не всегда может служить достоверным доказательством устойчивой победы трудового крестьянства. Новые перевыборы, а они в 1917 г. проводились очень часто, нередко возвращали к власти прежних деревенских заправил.

Вопрос о численности крестьянских исполнительных комитетов в Сибири спорным не является, и необходимость оставаться на нем вызвана замечанием А. Н. Сагайдачного. Он относит этот вопрос к трудным и нерешенным¹³. Подмечая, очевидно, понятие общей численности и численности комитетов, данные о деятельности которых исследователям известны, А. Н. Сагайдачный в подтверждение своего мнения ссылается на работу Е. Н. Бабиковой. Но Е. Н. Бабикова, говоря о малочисленности сведений об образовании крестьян-

¹² Сагайдачный А. Н. Большевистская пропаганда в сибирской деревне и крестьянское движение в 1917 г. (По материалам периодической печати). — В кн.: Большевики Сибири в трех революциях. Новосибирск, 1981, с. 59; Он же. Крестьянское движение..., с. 79.

¹³ Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение..., с. 79.

¹⁴ Бабикова Е. Н. Указ. соч., с. 79, 61.

янских комитетов, имеет в виду данные о реализации постановления Временного правительства, касающегося состава комитетов. Всего несколькими страницами раньше она прямо отмечает, что к июлю 1917 г. на огромной территории Сибири комитеты были созданы во всех селах и волостях¹⁴. Действительно, о повсеместном создании исполнительных комитетов сообщали в своих отчетах уездные комиссары, а фактов, которые бы свидетельствовали об отсутствии комитетов, в литературе и источниках не встречается, и это дает основание полагать, что созданы они были повсюду.

Основной задачей изучения каждой крестьянской организации, в том числе и исполнительных комитетов, является определение классового характера и политической сущности их деятельности. Но не все авторы, пишущие об этом, достаточно точно формулируют свои выводы. Позитивное стремление отразить при характеристике организации ее особенности, оттенки роли в общественной жизни, порой уводит исследователей от четкого определения их классовой сущности. В научной литературе встречаются такие определения, как «народные», «подлинно крестьянские», «истинные органы самоуправления крестьянства» и т. п., ограничиваясь которыми, авторы не учитывают социальную неоднородность крестьянства, противоположность экономических интересов эксплуататорской части деревни и трудящихся масс, неизбежно приводившую к борьбе за влияние в комитетах.

Особое положение исполнительных комитетов в системе органов государственного управления, многообразие форм и неоднозначность характера их деятельности, а также трудности, связанные с ограниченностью источников, находят выражение в противоречивых оценках комитетов даже в лучших работах, написанных по материалам Сибири и страны в целом. Так, академик И. И. Минц относит волостные комитеты к низовому звену аппарата власти буржуазного государства, но в то же время отмечает, что бедняцко-середняцкие комитеты работали по своему усмотрению и «по существу не только выполняли функции Советов крестьянских депутатов, но и были ими»¹⁵. И. И. Минц не счел возможным определить удельный вес таких бедняцко-середняцких комитетов в общей массе организаций, но выделение им этой группы комитетов — Советов, переходя в дальнейшем из работы в работу, стало служить почти единственным обоснованием тезиса о ма-

лочисленности крестьянских Советов до Октябрьской революции, что приводит к преувеличению численности революционно-демократических организаций.

Т. В. Осипова отмечает, что исполнительные комитеты были наиболее демократическими органами в системе буржуазного государства, но объясняет причину слабой организации Советов созданием к тому времени волостных исполнительных комитетов, которые во многих местах выполняли функции революционно-демократических низовых крестьянских организаций¹⁶. В дальнейшем ее взгляд на характер исполнительных комитетов нашел четкое и однозначное выражение. В историографической статье Т. В. Осипова пишет: «Все специалисты-аграрники сходятся в том, что низовые комитеты создавались вопреки воле Временного правительства по инициативе самих крестьян, являлись революционно-демократическими органами и сыграли большую роль в развитии аграрного движения в деревне»¹⁷.

Н. А. Кравчук считает, что комитеты создавались при прямом участии Временного правительства, входили в систему государственного аппарата, но пишет и о том, что в деятельности организаций, «проводивших на практике захват помещичьих земель, проявилось существо той революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, которая выступала в форме Советов»¹⁸. Однако данных о соотношении верных буржуазному правительству и революционных комитетов он не приводит.

Разделяя мнение о революционно-демократическом характере исполнительных комитетов, Е. Н. Бабилова в то же время полагает, что из-за малочисленности крестьянских Советов двоевластие в сельской местности складывалось медленно¹⁹. Но ведь и Советы рассматриваемого периода могли быть только революционно-демократическими органами, следовательно, между одинаковыми по характеру крестьянскими организациями Е. Н. Бабилова усматривает различие, не позволившее поставить знак равенства, и противопоставить исполнительные комитеты буржуазной власти губернских и уездных комитетов и правительственных комиссаров.

¹⁶ Осипова Т. В. Классовая борьба..., с. 60, 61, 116.

¹⁷ Осипова Т. В. Союз рабочих и беднейших крестьян..., с. 43.

¹⁸ Кравчук Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. М., 1971, с. 99, 146.

¹⁹ Бабилова Е. Н. Указ. соч., с. 61.

¹⁵ Минц И. И. Указ. соч., с. 835—842, 861.

Анализируя взгляды сибирских историков на крестьянские комитеты, Л. М. Горюшкин отмечает: «Е. Н. Бабилова, Э. М. Шагин, Э. Ш. Хазнахметов считают их революционно-демократическими учреждениями, а В. А. Соловьева и Л. И. Боженко — органами буржуазной власти. (Л. И. Боженко оговаривается, что «ряд волостных комитетов стал центром крестьянского движения»)»²⁰. Сам Л. М. Горюшкин склоняется к первой, преобладающей в современной историографии точке зрения. Он четко формулирует принципы подхода к оценке характера крестьянских комитетов, считая главным методологическим критерием уровень крестьянского движения и остроту второй социальной войны, и справедливо полагает, что альтернативная постановка вопроса — комитеты носили только буржуазный или только революционно-демократический характер — должна быть исключена. По его мнению, в районах развитого крестьянского движения комитеты в большинстве своем действовали как народно-революционные органы, но наряду с ними имелось немало и кулацко-эсеровских комитетов. Обе группы активной деятельностью своей оставили заметный след в истории, существование их нашло отражение в документах и материалах. Л. М. Горюшкин выделяет и третью группу комитетов, которые существовали в районах со слабым крестьянским движением и ничем себя не проявили или выполняли только хозяйственные функции, и считают, что большинство из них следует относить к организациям буржуазным²¹.

Нельзя не согласиться с дифференцированным подходом Л. М. Горюшкина к оценке характера комитетов, но закономерно возникают вопросы о соотношении и удельном весе в общей массе организаций противоположных групп комитетов. Насколько значительна третья группа комитетов и куда должна быть отнесена она? Правомерно ли, причисляя основную часть наиболее многочисленной третьей группы комитетов к организациям буржуазным, оценивать крестьянские исполнительные комитеты Сибири в целом как революционно-демократические организации? Должны ли исследователи исходить прежде всего из количественного показателя или основополагающими моментами считать активное самопро-

²⁰ Горюшкин Л. М. Вопросы изучения истории крестьянства в 1917 г. (март — октябрь). — В кн.: Великой Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Новосибирск, 1980, с. 20.

²¹ Там же, с. 20—21; Горюшкин Л. М. Крестьянские комитеты в Сибири..., с. 77—78.

явление и революционизирующую силу примера деятельности революционно-демократических комитетов?

При определении количественного соотношения буржуазных и революционных комитетов нужно учитывать характер и специфику источников. Большинство фактов об антиправительственной, революционной деятельности комитетов почерпнуто исследователями в архивах из жалоб лесничих, духовенства, торговцев, коннозаводчиков, протоколов уездных и губернских комитетов, донесений и отчетов правительственных комиссаров, т. е. всех тех лиц и организаций, которые требовали принятия санкций и не могли быть заинтересованы в утаивании случаев революционных выступлений. Это дает основание предполагать, что исследователи располагают относительно полной информацией о деятельности революционных комитетов.

По материалам периодической печати из корреспонденций и жалоб крестьян, писем солдат-отпускников, впечатлений разного рода агитаторов, инструкторов, уполномоченных, посещавших деревню, напротив, устанавливаются преимущественно факты активной деятельности кулаков, контрреволюционности комитетов, их перевыборах. Имея в виду, что преобладала в этот период мелкобуржуазная печать, искажавшая и, вероятно, замалчивавшая подобные факты, можно предположить, что кулацко-эсеровских комитетов было значительно больше, чем известно исследователям.

Все авторы признают, что после февральской революции крестьянская борьба велась главным образом за немедленное улучшение условий жизни: захват казенно-кабинетских земель, ликвидацию лесничеств и полufeодальной системы повинностей, устранение старой администрации. Она отвечала интересам всего крестьянства, была направлена на доведение до конца буржуазной революции и объективно носила буржуазный характер. Серьезное изучение крестьянского движения показало, что вторая социальная война, включая и борьбу за демократизацию комитетов, весной — летом 1917 г. хотя и достигла в Сибири высокого уровня, но составляла не более одной пятой всех крестьянских выступлений²².

Учитывая, что позицию крестьянских исполнительных комитетов определяла степень остроты классовой борьбы в деревне и ее характер, следует признать, что деятельность

²² Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири..., с. 76.

большинства комитетов в районах развитого крестьянского движения проходила в рамках буржуазных задач и требований. Сказанное позволяет сделать вывод, что до осени 1917 г. абсолютно преобладающим в сибирской деревне типом крестьянских организаций были буржуазные по характеру решаемых ими задач и общедемократические по составу комитеты. Они входили в систему местного аппарата государственной власти и пассивно выполняли ее распоряжения.

Анализ состояния изученности исполнительных комитетов показывает, что работа эта только начата и даже в лучших исследованиях выводы о их составе и характере все еще основываются на весьма ограниченном фактическом материале. Так, Л. М. Горюшкин отмечал, что он располагает сведениями о 30 волостных и 40 сельских исполнительных комитетах²³, А. Н. Сагайдачный — более 100 комитетах²⁴. Эти, впечатляющие на первый взгляд, данные теряются в масштабах огромного края. В изучаемый период в Сибири интенсивно проводилось новое районирование, и невозможно точно подсчитать количество волостей. Но даже по заниженным примерно на четверть сведениям С. И. Сулькевича, только в Тобольской губернии, Омском уезде и Томской губернии до ее раздела насчитывалась 661 волость²⁵ и 286 волостей было в Енисейской и Иркутской губерниях вместе взятых²⁶.

Уже простое сопоставление приведенных цифр показывает, что важным средством на пути решения спорных вопросов остается дальнейший поиск конкретных фактов, и появление в исследованиях последних лет новых, ранее неизвестных сведений убеждает в том, что возможности этого плана еще не исчерпаны.

Из низовых крестьянских организаций лучше других изучены Советы крестьянских депутатов. В настоящее время общие вопросы организации и деятельности Советов: роль большевиков, Советов рабочих и солдатских депутатов, пролетариата, крестьянских съездов в их создании, значение Советов в упрочении союза пролетариата и крестьянства, их

²³ Горюшкин Л. М. Вопросы изучения истории крестьянства..., с. 20.

²⁴ Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири..., с. 79.

²⁵ Сулькевич С. И. Административно-политическое строение СССР. Л., 1926, с. 223, 239, 256, 262.

²⁶ Подсчитано по: Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 904, оп. 1, д. 19, лл. 56—63; ГАИО, ф. Р-2, оп. 1, д. 335, л. 1.

роль в развертывании аграрной революции и другие могут считаться в целом выясненными.

Пришли историки к единому мнению по вопросу об отношении эсеров к низовым крестьянским Советам. Нет более категоричных утверждений, что малочисленность Советов до Октября 1917 г. являлась следствием отрицательного отношения эсеров к их образованию. Эта мысль, высказанная Т. А. Ремизовой²⁷, подчеркнутая и развитая Х. А. Ерицяном²⁸, на протяжении ряда лет с оговорками об особой роли, отводимой эсерами Советам, служила единственным объяснением слабой организации Советов в деревне. Эта точка зрения не изжита и напоминает о себе в новейшей литературе²⁹.

Думается, что ближе других к решению данного вопроса подошел Г. А. Кордонский, считающий, что незначительная организация низовых Советов объясняется слабым примером действовавших крестьянских Советов, тем, что сами крестьяне не видели существенной разницы в деятельности всех общественных и политических организаций³⁰.

Анализ литературы убеждает в том, что недостаточно еще изучены и конкретные пути организации Советов, особенности их возникновения в отдельных районах. Нет пока единой точки зрения по таким вопросам, как хронологические рамки образования Советов и количественной динамики их роста, социальный и партийный состав, классовая сущность и место их в системе органов государства нового типа.

Серьезной задачей остается определение хронологических рамок массового образования Советов после Октябрьской революции. В последние годы в научной литературе наметилось расширение границ процесса советизации деревни до лета 1918 г., но вывод этот нуждается в подкреплении конкретными материалами.

²⁷ Ремизова Т. А. Советы крестьянских депутатов в 1917 г. — Исторические записки, 1950, т. 32, с. 17.

²⁸ Ерицян Х. А. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М., 1960, с. 16.

²⁹ Бабикина Е. Н. К вопросу о двоевластии в Сибири. — В кн.: Большевики Сибири и Дальнего Востока в борьбе за массы (1903—1917 гг.). Томск, 1976, с. 158.

³⁰ Кордонский Г. А. Крестьянские организации Западной Сибири в период подготовки Октябрьской революции. — В кн.: Советское крестьянство — активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969, с. 49.

Большая и очень трудоемкая работа по выявлению и обработке сведений о крестьянских Советах в Сибири проделана В. Т. Агалаковым, но проведенные им подсчеты общей численности Советов в Сибири едва ли могут удовлетворить³¹. Чтобы получить более точные данные о количестве Советов и обозначить этапы их образования, следует сгруппировать имеющиеся сведения по отдельным уездам и губерниям и попытаться определить для этих районов соотношение факторов, влиявших на сроки образования Советов и их количество. Это позволит выделить районы, схожие между собой с точки зрения географического положения, близости пролетарских центров, численности и активности большевистских организаций в городе и уезде, позиции губернских и уездных исполкомов крестьянских Советов, времени проведения и представительности крестьянских съездов, принявших постановления об организации Советов в деревне и т. д. Лишь учет многих факторов и применение принципа экстраполяции могут дать сколько-нибудь достоверные результаты.

По-прежнему остро стоит принципиальнейший вопрос о социальном составе низовых крестьянских Советов в первый период существования Советской власти.

Большинство исследователей пришли к заключению, что волостные и сельские Советы по составу и по содержанию деятельности были общекрестьянскими. Первым к такому выводу пришел П. И. Абрамов³² на основе анализа опросных листов и анкет Наркомзема и Наркомвнудела. В настоящее время этот вывод не вызывает серьезных возражений ни в сибирской, ни в общесоюзной литературе. Он подтверждается конкретно-историческими исследованиями М. Б. Шейнфельда, В. И. Бочарниковой, В. М. Самосудова, В. М. Суверова, Г. А. Кордонского, Ю. В. Журова. Точка зрения об общекрестьянском составе Советов широко обосновывается в историографических статьях В. П. Данилова и Ю. В. Журова³³.

Ю. В. Журов, исследовав проблему, пришел к заключению, что социальный и партийный состав крестьянских Со-

ветов представлял сложную и пеструю картину. Самым распространенным типом низовых крестьянских Советов были такие, где у руководства и в большинстве были середняки³⁴.

Разделяя это мнение, Э. М. Шагин отмечает, что сторонники всекрестьянского состава Советов в Сибири ссылаются на определение В. И. Ленина о том, что Советы объединяли крестьянство вообще, что классовое деление внутри него еще не назрело, имеют в виду решение общедемократических задач. Но в Сибири, где из-за отсутствия помещичьего землевладения объем буржуазно-демократических задач был гораздо меньшим, чем в центре страны, указанное В. И. Лениным обстоятельство проявляется особенно рельефно. Э. М. Шагин оттеняет новую грань и подчеркивает, что речь прежде всего идет о политическом размежевании внутри крестьянства, а не о глубине социально-экономического расщепления, как порой неправильно интерпретируется ленинская мысль³⁵.

Все исследователи связывают с образованием Советов крестьянских депутатов утверждение принципиально новой власти в деревне, но оказываются на различных позициях при определении характера этой власти. Наиболее определенно высказывает свою точку зрения Ю. В. Журов. Он исходит из посылки, что лишь меньшая часть крестьянских Советов первого периода существования Советской власти объединяла представителей деревенской бедноты, лишь она была органами социалистической пролетарской власти. Остальные крестьянские Советы «носили характер переходных подготовительных форм социалистической государственности. Большинство крестьянских Советов Сибири... остались на позициях революционно-демократического и даже буржуазно-демократического подхода к основным социально-политическим задачам»³⁶.

В большей или меньшей степени это мнение разделяют В. М. Самосудов, М. Б. Шейнфельд, В. М. Суверов, Г. А. Кордонский. Оно находится в соответствии с выводами, к которым на основе конкретно-исторического анализа материалов о волостных Советах Европейской России пришел П. Н. Соболев. Он отмечает, что «примерно лишь 15 — 20% волост-

³¹ Агалаков В. Т. О времени создания и количестве волостных и сельских Советов..., с. 44—45; Он же. Советы Сибири..., с. 155—156.

³² Абрамов П. И. Советское строительство на селе в докомбедовский период. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 6, с. 73.

³³ Данилов В. П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. — В кн.: Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971; Журов Ю. В. Указ. раб.

³⁴ Журов Ю. В. Большевистские организации и первые революционные преобразования в сибирской деревне. — В кн.: Из истории Красноярской партийной организации Красноярск, 1974, вып. 6, с. 40, 42.

³⁵ Шагин Э. М. Указ. соч., с. 261.

³⁶ Журов Ю. В. К историографии советского строительства..., с. 26.

ных Советов боролось под руководством рабочего класса за развитие социалистической революции в деревне»³⁷. В. П. Данилов считает, что только с глубоким размежеванием классовых сил деревни, ставшим результатом деятельности комбедов и продотрядов, сложились объективные условия для превращения низовых крестьянских Советов в подлинные органы диктатуры пролетариата³⁸.

Немало авторитетных сторонников (Е. Г. Гимпельсон, Е. Н. Городецкий)³⁹ и у противоположной точки зрения, полагающей, что вопрос о власти и в городе, и в деревне был решен однозначно и сразу.

Особого мнения в этом вопросе придерживается В. Т. Агалаков. Полемизируя с Ю. В. Журовым, он отмечает, что крестьянские Советы складывались в соответствии с первым этапом развития революции и «в большинстве являлись государственными органами, естественным в то время звеном социалистической государственной системы». И заключает: «В противном случае чьим же звеном они были?»⁴⁰ Однако далее в работе автор пишет: «...низовые Советы на селе, будучи в системе Советского государства, в большинстве являлись органами народовластия»⁴¹. Такая формулировка затушевывает классовую сущность Советов и недостаточно четко выражает позицию самого В. Т. Агалакова.

Большинство историков подчеркивает, что весной 1918 г. классовая борьба вокруг Советов в Сибири усилилась, кулаки шли на все, чтобы ликвидировать Советы или подорвать их изнутри. В доказательство этого положения авторы ссылаются на постановления крестьянских съездов и исполкомов губернских, уездных Советов, их циркуляры и инструкции, направленные на улучшение состава Советов, приводят разрозненные факты о реорганизации Советов как в пользу бедноты, так и кулаков, но вопрос о том, в чью пользу ре-

шался исход борьбы, какова определяющая тенденция развития Советов в тот период, остается открытым. Между тем в общесоюзной литературе появилась новая точка зрения, высказанная Г. А. Герасименко и В. П. Семьяниновым. Исследователи пришли к заключению, что вследствие тяжелого финансового положения Советов, осереднячивания деревни, усилившейся пропаганды кулаков и с началом полевых работ наблюдался массовый выход из Советов полупролетарских элементов, происходило изменение их состава, ослабление пролетарского ядра в крестьянских Советах⁴².

Серьезным недостатком литературы о низовых крестьянских организациях Сибири все еще остается иллюстративность в освещении ряда вопросов, выборочность фактов вместо анализа их во всей совокупности, отсутствие в научном обороте материалов, позволяющих получить обобщающие данные, достаточные для обоснования выводов.

Современное состояние историографии рассматриваемой проблемы дает возможность заключить, что дальнейшее ее развитие упирается в решение следующих задач:

- 1) расширения источниковой базы исследований;
- 2) комплексного изучения всех крестьянских организаций, в их взаимосвязи, преемственности, развитии;
- 3) пересмотра ряда сложившихся представлений с учетом достижений в изучении смежных проблем и прежде всего крестьянского движения, деятельности большевиков и эсеров в деревне, политических настроений крестьянства, формирования союза рабочего класса и крестьянства;
- 4) уточнения и унификации понятийного аппарата определений, формулировок, выводов.

³⁷ Соболев П. Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977, с. 128—129.

³⁸ Данилов В. П. Указ. соч., с. 218.

³⁹ Гимпельсон Е. Г. Литература о Советах первого года социалистической революции (ноябрь 1917—1918 гг.). — В кн.: Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975, с. 280; Городецкий Е. Н. Некоторые черты современной советской историографии Октябрьской революции. — История СССР. 1967, № 5, с. 20; Он же. Новое в изучении истории Великого Октября. М., 1968, с. 44.

⁴⁰ Агалаков В. П. Советы Сибири..., с. 15.

⁴¹ Там же, с. 210.

⁴² Герасименко Г. А., Семьянинов В. П. Советская власть в деревне на первом этапе Октября. Саратов, 1980, с. 226—227.

Т. В. ЯКИМОВА

МАТЕРИАЛЫ УЕЗДНЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ СЪЕЗДОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1917 г.

В документально-источниковой базе по истории крестьянства Западной Сибири в период подготовки и проведения Октябрьской революции особое место занимают документы, исходящие из крестьянской среды. В этой группе источников выделяются материалы уездных крестьянских съездов, объединяющие такие документы, как наказы крестьян своим делегатам, протоколы, резолюции и постановления, информационные сообщения, приветственные телеграммы и т. д. Периодическая повторяемость созыва съездов практически во всех уездах Западной Сибири, широкий круг вопросов повестки дня, решения, принимаемые от имени сотен тысяч крестьян, дают уникальную возможность использовать материалы крестьянских съездов для изучения целого ряда явлений и процессов общественно-политической жизни сибирской деревни в динамике и широком географическом диапазоне их развития.

Значимость этого вида документальных источников определяется и той ролью, которую сыграли многочисленные крестьянские съезды в развитии политического сознания крестьянства и крестьянского движения, в организационном строительстве сибирской деревни, в борьбе политических партий за влияние на крестьянство.

Между тем в обширной исследовательской литературе по общим проблемам Октябрьской революции в Сибири и специальных работах по истории крестьянства того периода материалы уездных крестьянских съездов использовались недостаточно широко. В общем ряду исследований следует выделить работы В. П. Сафронова, М. М. Шорникова, Л. М. Горюшкина, П. И. Рощевского, В. А. Соловьевой, Е. Н. Бабиковой, в которых в той или иной степени рассматривалась работа крестьянских съездов, причем в большей сте-

пени привлекались материалы уездных крестьянских съездов Восточной Сибири, чем аналогичные материалы по Западной Сибири¹. В целом обращение к этому источнику носило преимущественно фрагментарный и иллюстрационный характер.

До сих пор в исторической литературе отсутствует общая картина работы всех уездных крестьянских съездов, не названо число съездов, состоявшихся в Сибири в 1917 г. (послеоктябрьские съезды изучены более основательно)². Крестьянские съезды Западной Сибири тоже не являлись пока объектом специального изучения. В научный оборот введена лишь часть материалов, не более 20 съездов, тогда как в марте — октябре 1917 г. состоялось 47 крестьянских съездов во всех уездах (кроме Сургутского) Тобольской, Томской и Алтайской губерний и Омском уезде Акмолинской области³.

Интересная попытка рассмотреть материалы сибирских крестьянских съездов в общем контексте анализа роли и места губернских и уездных крестьянских съездов в России в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции предпринята в монографии А. С. Смирнова⁴. Однако внимание автора было отдано главным образом гу-

¹ Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962; Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963; Бабикова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980, с. 65, 86, 106; Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1975, с. 142, 144, 150, 252, 253 и др. Рощевский П. И. Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959, с. 22, 43, 44; Соловьева В. А. Революционизирование трудящихся масс Томской губернии в дни корниловского мятежа в стране и после его разгрома (август—октябрь 1917). — В кн.: Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975, с. 115 и др.

² Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск, 1978, с. 255; Горюшкин Л. М. Деятельность Советов Сибири по организации сельскохозяйственного производства в первой половине 1918 г. — В кн.: Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975, с. 373—389 и др. Кордонский Г. А. Роль крестьянских съездов в установлении Советской власти в сельской местности Алтайской и Томской губерний (дек. 1917—март 1918 гг.). — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1965, вып. 2, с. 113—124; и др.

³ К крестьянским съездам нами отнесены все уездные съезды, независимо от наименования, которое они принимали на себя, и цели, которую преследовали инициаторы их подготовки и проведения, если на них была представлена значительная часть крестьянского населения уезда и на повестке дня стояли наиболее острые вопросы крестьянской жизни. С известной оговоркой к числу таких съездов могут быть отнесены уездные народные собрания Томской губернии.

⁴ Смирнов А. С. Крестьянские съезды в 1917 году. М., 1979, с. 245.

бернским крестьянским съездам, а также съездам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Уездные съезды Западной Сибири не получили серьезного освещения еще и потому, что А. С. Смирнов использовал в основном материалы, привлеченные далеко не полностью сибирскими исследователями и опубликованные в сборниках документов. Между тем в этих сборниках материалы о крестьянских съездах представлены крайне незначительно. Так, в сборнике «Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.)» приводится часть материалов только 4 уездных крестьянских съездов, тогда как в марте — октябре 1917 г. в Тобольской губернии состоялось не менее 17 подобных съездов⁵. В других аналогичных документальных публикациях по другим районам Западной Сибири материалы съездов почти вовсе не представлены.

Данная статья является попыткой рассмотреть материалы уездных крестьянских съездов в качестве источника по истории общественно-политической жизни крестьянства в период подготовки Октябрьской революции (март — октябрь 1917 г.).

Известная сложность в изучении уездных крестьянских съездов состоит в том, что материалы о них разбросаны по различным местам хранения. Протоколы и наказы делегатам ряда съездов имеются в фондах различных архивов Западной Сибири (ГАТО, ГАОО, ТФ ТАТюО), резолюции и сообщения о некоторых съездах встречаются на страницах газет различных партийных направлений, информация о работе отдельных съездов содержится в донесениях уездных комиссаров, в воспоминаниях участников революции и гражданской войны.

Удалось выявить протоколы 20 съездов, которые дают наиболее полное представление о работе съездов. Они сообщают повестку дня, сведения о составе и количестве делегатов и гостей съезда, содержат запись выступлений докладчиков по основным вопросам, доклады с мест, тексты приветственных телеграмм, отправленных от имени съезда, принятые резолюции, ход обсуждения их и результаты голосования по ним и т. д. Практически все протоколы являются не рукописными, а машинописными или типографскими вариантами, черновые, подготовительные материалы съездов

⁵ См.: Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.). Свердловск, 1967.

Таблица 1
Уездные крестьянские съезды Западной Сибири (март—октябрь 1917)

Административная единица (уезды)	Март — апрель		Май — июнь		Август — октябрь	
	Время работы	К-во и состав делегатов	Время работы	К-во и состав делегатов	Время работы	К-во и состав делегатов
1	3	4	5	6	7	8
Тобольская губерния						
1. Тарский			23—27 мая	220 дел. около 120 кр.		
2. Тобольский			21—26 мая	125 дел., от 27 вол.		
3. Тюменский	16—18 марта	Более 200 делегатов	12 июня	39 дел., 22 от вол.; 17 от Совета кр. д.		
4. Тюкалинский					6—7 авг.	Нет св.
5. Туринский		84 делег.	17—18 апреля			
6. Курганский	8—9 апр.	Около 233 делег.	25—26 июня	500 дел.	23—24 сент.	Около 150 дел., в т. ч. кр., солд., горожане
	23—24 апр.*	Нет св.				

1	2	3	4	5	6	7	8
7. Ишимский	2	25—28 апр.	Нет св.			9—10 окт.	нет св.
8. Ялуторовский	4	16 марта	Более 500 ч. от 200 тыс. населения	21—22 мая	600 дел.	9 авг. 1—2 окт.	Нет св. Нет св.
9. Березовский	1			25—29 мая	Нет св.		
Томская губерния							
10. Томский	1	25—28 марта	215 дел. от 31 вол. Томск. и Кузн. уез-в. В т. ч. 170 кр-н				
11. Маринский	3			18—19 июня	67 дел. с реш. голосом	15—17 авг.	69 дел. от 27 вол. и 16 вол. Советов кр. дел.
12. Новониколаевский	2			25—28 июня	Более 200 дел. от 42 вол.	9 сент. 8—13 сент.	Нет св. Около 300 дел. почти от всех вол. Нет св.
13. Каинский	3			5—11 июня	107 дел. от 39 вол.	15 авг.	Нет св.

1	2	3	4	5	6	7	8
14. Кузнецкий	3	9—15 апреля	35 дел. от 25 вол.	10 мая 10—16 июня	Нет св. 48 дел.	20—24 сент.	49 дел. от 42 сел. об-в, Кетского вол. к-та, г. На- рыма
15. Нарымский (Тогурский)	3						
16. Татарский рай. он Канского уезда (20 вол.)	3	24—25 марта 10—13 апреля	от 20 вол. нет св.	1—5 июня	Нет св.		
17. Алтайская гу- берния ** Барнаульский уезд	2			середина июня	Нет св.	31 июля— 3 августа	111 чел., от 48 вол. и Барнауль- ский гарни- зон
18. Бийский уезд	2			25—27 июня	Нет св.	12—14 авг.	102 чел., в т. ч. 72 от крестьян 428 дел.
19. Славгородский уезд	2			18—24 июня	350 дел. от 33 вол.	13—15 авг.	428 дел.
20. Змеиногорский уезд	2	15—19 апреля	31 дел.			9 августа	Нет св.
21. Каменский уезд	3***					2—4 авг. 15—19 окт.	150 дел. Нет св.

1	2	3	4	5	6	7	8
22. Омский уезд Акмолинской области							
1						3 сент.	30 дел., от 14 вол., и 2 самост. сел. общества
Всего:	47	11		15		17	

Примечания:

* В источнике говорится, что II Курганский уездный съезд (крестьянский) состо-
ялся через 2 недели после I съезда.

** Чтобы избежать повторения уезды Томской и Алтайской губерний даны с уч-
том состоявшегося в июне 1917 г. раздела Томской губернии на две губернии.

*** Имеющиеся данные позволяют предположить, что в указанных уездах со-
стоялось названное количество съездов. Другие сведения отсутствуют.

Таблицы 1 и 2 составлены на основании материалов статьи.

обнаружить не удалось. Секретарями съездов нередко ста-
новились люди, не имеющие навыка в ведении протоколов,
не знакомые со стенографией, отсюда вероятность неточно-
стей в изложении материалов работы съезда. То, что в про-
токолах указывались фамилии секретарей и председателя
съезда, имелись их подписи, позволяет, в случае установле-
ния их партийной ориентации, учитывать их пристрастность
при составлении протоколов.

Подробные газетные отчеты о работе 6 съездов по виду и
содержанию близки протоколам, но не могут служить офици-
альными документами. Они печатались под следующими за-
головками: «От крестьянского съезда», или «уездный съезд
крестьянских депутатов», или даже «Протоколы заседаний
крестьянского съезда», были подготовлены, вероятно, по за-
данию редакции и вполне соответствовали, особенно в оцен-
ке работы съезда, партийной ориентации газеты. Однако от-
сутствие других документальных источников о работе мно-
гих крестьянских съездов делает газетные отчеты важным, а
порой единственным и достаточно информативным источни-
ком.

Отрывочные сведения имеются еще о 17 съездах. По ним
нельзя полностью восстановить ход съездов, но и они содер-
жат полезную информацию: резолюции по основным вопро-
сам повестки дня, тексты телеграмм, иногда сведения о ко-
личестве делегатов, составе исполнительных органов, избран-
ных на съездах.

На основании косвенных данных удалось установить факт
созыва и работы еще 4 съездов (сведениями о времени их ра-
боты, ее направленности и результатах мы не располагаем.
— Т. Я.). Возможно, что материалы ряда съездов еще не вы-
явлены.

Анализ сроков созыва крестьянских съездов показывает,
что их организаторы учитывали сезонность сельскохозяйст-
венных работ (весенние полевые работы — конец апреля —
21 мая, сенокос и уборка озимых — конец июня — июль,
осенние полевые работы — август — середина сентября)⁶.
Они старались не отрывать крестьян в период напряженных
сельскохозяйственных работ, обеспечивая себе, таким обра-
зом, авторитет защитников крестьянских интересов. Однако
имелись случаи нарушения этого принципа, что сказывалось
на составе делегатов и общей направленности работы съез-

⁶ Сроки указаны по старому стилю.

да. Так, газета «Сибирская жизнь» сообщала, что 8 сентября 1917 г. открылся Новониколаевский уездный съезд крестьянских депутатов. Большинство из «72 съехавшихся депутатов состояло из крестьян — стариков». Несомненна зажиточность большинства депутатов, поскольку малосостоятельные крестьяне не могли приехать на съезд, лишив хозяйство собственных рабочих рук, поставив тем самым под угрозу его жизнеспособность. Далее газета с досадой отмечала, что для «омоложения» съезда и представления непредставленных (вследствие уборки полей) на съезде сел и деревень уезда на съезд стали прибывать солдаты местного гарнизона, подобранные исполнительным комитетом Совета»⁷. Таким образом, попытка эсеров — организаторов съезда — использовать фактор времени созыва съезда для обеспечения своих позиций была сорвана большевиками и Советом рабочих и солдатских депутатов Новониколаевска. Изменение числа и состава делегатов, активизация сторонников левого крыла положительно сказались на всей работе съезда. Так, по текущему моменту была принята большинством голосов (305 — за, 3 — против, 35 — воздержались) резолюция, предложенная эсерами-интернационалистами, которая требовала передачи всей полноты власти Советам⁸.

Материалы большинства крестьянских съездов сообщают количество делегатов, иногда указывают количество вполне положительно сказались на всей работе съезда. Так, по телегатов (от 35 до 500 — 600 человек) определялось, видимо, нормой представительства, принятой в данном уезде, а также уровнем активности крестьянства. Данные о количественном составе съездов служат показателем степени вероятного распространения политико-просветительного и организационного влияния съездов (по следующей схеме: съезд — делегат съезда — сельский или волостной сход).

Уездные крестьянские съезды Западной Сибири в 1917 г. в большинстве своем не были однородны по социальному составу делегатов. Но определить точное соотношение крестьянских делегатов и представителей других групп населения не представляется возможным. Еще более трудно установить представительство отдельных слоев крестьянства, сельской интеллигенции и т. д.

⁷ Сибирская жизнь (Томск), 1917, 14 сентября.

⁸ Земля и воля (Новониколаевск), 1917, 18 сент. (10 окт.); Знамя свободы (Новониколаевск), 1917, 2 сент..

В работе съездов участвовали представители Временного правительства, общественных организаций и политических партий, профессиональных союзов, Советов рабочих и солдатских депутатов, исполнительных комитетов Советов крестьянских депутатов других уездов и т. д. Доля гостей в общем числе участников съездов была иногда весьма значительной: 25 из 102 делегатов Бийского уездного съезда (12—14 августа), 45 из 215 на крестьянском съезде Томского и Кузнецкого уездов, Томской губернии (25 — 28 марта)⁹.

Свержение самодержавия, отмечал В. И. Ленин, заставило потянуться многомиллионные массы крестьянства «к активному, самостоятельному, действительному участию в политической жизни, в устройстве государства»¹⁰, что наглядно подтверждается составом вопросов повестки дня и решений съездов. Для их анализа может быть применен метод формализации имеющихся данных с последующим сведением их в таблицу, что позволит наиболее продуктивно использовать фактический материал, не прибегая к традиционному иллюстративному методу. В табл. 2 сведены все вопросы, по которым были приняты решения на уездных съездах Западной Сибири в 1917 г., в том числе и по отдельным периодам. В силу того, что полными данными о всех уездных съездах мы не располагаем, полученные результаты нельзя считать окончательными, но едва ли следует предполагать, что отсутствующие данные могут резко изменить намечившуюся общую тенденцию.

Интерес к вопросам, обсуждавшимся на съездах, был обусловлен всем ходом развития крестьянского движения, общественно-политической обстановкой в стране, растущим экономическим кризисом, наконец, агитационно-пропагандистской деятельностью представителей различных политических партий, в первую очередь эсеров. Имеющиеся данные позволяют получить известное представление о динамике крестьянских интересов от Февраля к Октябрю 1917 г.

На протяжении всего этого периода сохранялся устойчивый интерес к земельному и тесно связанному с ним для большинства сибирского крестьянства лесному вопросам, к проблемам войны и мира, отношения к Временному правительству, продовольственному вопросу, тогда как доля

⁹ ГАОО, ф. р. 19, оп. 1, д. 100, л. 129; Томский крестьянский съезд, 1-й, Томск, 1917, с. 1.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.

Таблица 2

Соотношение вопросов, обсуждавшихся на уездных крестьянских съездах Западной Сибири (март—октябрь 1917)

Вопросы, по которым были приняты решения на уездных крестьянских съездах	Число съездов, принявших эти решения				
	За весь период		В марте —апреле	В мае— июне	В августe— окт.
	К-во	% от общего чис.			
1	2	3	4	5	6
1. Земельный и лесной вопрос	25	58,1	8	12	5
2. Отношение к Временному правительству	23	53,6	8	8	7
3. Подготовка к Учредительному собранию	22	51,1	3	6	13
4. Отношение к войне и миру	21	48,8	8	8	5
5. Создание уездных Советов крестьянских депутатов	21	48,8	3	10	8
6. Продовольственный вопрос	16	37,2	7	6	4
7. Упразднение старого административного аппарата (крестьянских начальников, лесной стражи, полиции и т. д.)	14	32,5	9	5	—
8. Создание крестьянских союзов	13	30,2	2	6	5
9. Борьба с самогоноварением, пьянством, спекуляцией	13	30,2	5	7	1
10. О партийных программах и отношении крестьянства к политическим партиям	12	27,9	—	2	10
11. О будущем государственном устройстве	11	25,6	7	2	2
12. Введение земства	11	25,6	2	5	4
13. Создание земельных комитетов	7	16,2	—	6	1
14. О платеже податей	7	16,2	2	5	—
15. О самоуправлении	6	13,9	4	2	—
16. Об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов	6	13,9	2	2	2

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6
17. Отделение церкви от государства	5	11,6	2	2	1
18. О «Займе свободы»	4	9,3	—	4	—
19. О Всероссийском Совете крестьянских депутатов	3	6,9	—	3	—
20. Введение всеобщей трудовой повинности, контроль над капиталом, огран. прибыл.	2	4,6	—	—	2
21. Вопросы, касающиеся местных крестьянских нужд (ямщина, постройка мостов, организация телеграф. сообщен. и пр.)	18	41,9	9	8	1

других вопросов в решениях уездных съездов весной, летом и осенью колебалась. Так, в первые месяцы после победы февральской революции крестьян особенно волновало упразднение старого административного аппарата, прежде всего института крестьянских начальников и полиции, а также устранение наиболее ненавистных чинов лесной администрации, переселенческого управления и т. п. Об этом свидетельствуют не только решения 9 из 11 съездов, состоявшихся в марте — апреле 1917 г., резолюции 5 съездов следующего периода (из числа тех, которые созывались в первый раз), телеграммы, посланные в адрес Временного правительства с требованием немедленно устранить крестьянских начальников, но и широкое крестьянское движение. Результатом крестьянской борьбы явилось то, что уже к 31 марта 1917 г. в Тобольской губернии были лишены своих полномочий 9 крестьянских начальников; к началу мая были устранены, по сообщению губернского комиссара, «губернатор, полиция, жандармы, крестьянские начальники и их съезды» в Томской губернии. На Алтае в течение второй половины марта были отозваны со своих мест и заменены 14 лесничих¹¹.

¹¹ Горюшкин Д. М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г., с. 71; ГАТО, ф. р. —166, оп. 1, д. 11, л. 59; ГААК, ф. 4, оп. 8, д. 176, л. 44.

В мае — июне 1917 г. в центре внимания большинства уездных крестьянских съездов — создание крестьянских организаций, которые должны были представлять интересы крестьянства. Данные табл. 2 позволяют сделать вывод о том, что среди решений съездов преобладали резолюции о создании уездных крестьянских Советов с требованиями либо немедленного создания их, либо скорейшей разработки этого вопроса. Решения подобного рода были приняты на 10 из 15 съездов, состоявшихся в мае — июне, а всего на 21 съезде. Тюменский уездный крестьянский съезд (12 июня 1917 г.) даже объявил уездный Совет крестьянских депутатов высшим органом власти в уезде. Вместе с тем создание волостных и сельских крестьянских Советов летом и даже осенью 1917 г. продолжало носить единичный характер. Обсуждение этой важнейшей проблемы революции на крестьянских съездах завершалось скорее декларативными призывами, чем выработкой практических мер к созданию низовых крестьянских Советов. Известно, что интенсивное строительство волостных и сельских Советов в Сибири развернулось уже после победы Октябрьской революции, основная масса их была создана в январе и главным образом феврале — марте 1918 г.¹²

Одним из главных вопросов повестки дня на уездных съездах Западной Сибири уже летом 1917 г. являлась подготовка Учредительного собрания. Осенью 1917 г. эта проблема стала первостепенной. По имеющимся данным, она обсуждалась на 22 крестьянских съездах, в том числе на 13 съездах осенью.

Большой интерес к Учредительному собранию был обусловлен рядом факторов. Во-первых, делегаты крестьянских съездов, разделяя присущие всему крестьянству конституционные иллюзии, наивно связывали с ним решение всех острых вопросов. Крестьяне ждали от Учредительного собрания новых законов, закрепляющих изменение политического строя, гарантирующих права на землю и лес, уравнивающих крестьян в экономическом и политическом отношении с другими слоями населения. Во-вторых, наибольшую активность в пропаганде Учредительного собрания — «хозяйина земли русской» — проявили эсеры, имевшие большие возможности для работы в деревне, являвшиеся руководителями большинства крестьянских съездов Западной Сибири в 1917 г. Все-

мерно укрепляя в крестьянстве иллюзию «всемогущности» Учредительного собрания и в то же время умело используя предвыборную кампанию для усиления своего влияния в деревне, социалисты-революционеры добивались известных результатов. Делегаты крестьянских съездов в августе — октябре 1917 г. не только выслушивали пространные доклады об Учредительном собрании, обсуждали тексты наказов и списки кандидатов в Учредительное собрание, но и принимали решения идти на выборах «рука об руку» с партией социалистов-революционеров. В-третьих, идея созыва Учредительного собрания была удобным пропагандистским трюком в руках Временного правительства, которым оно стремилось сдержать рост крестьянского движения, отколоть от него наиболее политически отсталые слои крестьянства, уговаривая крестьян подождать законного окончательного решения земельного вопроса Учредительным собранием.

Приветствия представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, губернских исполнительных комитетов Советов крестьянских депутатов, крестьянских Советов других уездов, профессиональных и кооперативных союзов, организаций партии социалистов-революционеров и социал-демократов, губернских и уездных комиссаров Временного правительства и пр., обращенные к участникам крестьянских съездов, были фактором сильного эмоционального воздействия, создавали определенную настрой у крестьянских депутатов, способствуя складыванию их отношения к тем общественным организациям и партиям, представители которых присутствовали на съездах, а также к политическим событиям и процессам. Они являются своеобразным источником информации о развернувшейся в 1917 г. борьбе за влияние на крестьянство. Однако полный текст приветственных выступлений или подробное их описание, даже просто перечень представителей, выступивших с приветствиями, содержатся далеко не во всех сохранившихся материалах, хотя они, безусловно, имели место на всех съездах.

В состав материалов о съездах входят также приветственные телеграммы, отправленные от имени съезда, в которых отражался общий настрой съезда, решения по наиболее важным вопросам. Телеграммы, посланные по решению съездов, несколько выделялись из общего потока приветственных посланий, хлынувших в адрес Временного правительства из разных концов страны, в том числе и Сибири. Они отличались уже по многочисленности и разнообразию

¹² Агалаков В. Т. Указ. соч., с. 154.

адресатов. Так, Ишимский уездный съезд (25 — 28 марта) отправил 12 приветственных телеграмм с выражением глубокой признательности новому правительству¹³. Весной и летом 1917 г. наиболее часто телеграммы посылались Председателю Государственной думы, председателю Совета министров Временного правительства, министрам Керенскому и Чернову, Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, исполкому Всероссийского крестьянского Совета, местным Советам рабочих и солдатских депутатов и пр.

Содержание большинства приветственных телеграмм являлось выражением готовности крестьянства Западной Сибири всемерно поддерживать Временное правительство, т.е. проявлением «бессознательной доверчивости» масс, их политической незрелости. В то же время в ряде телеграмм содержались требования о немедленном упразднении крестьянских начальников, о демократическом образе правления, о скорейшем созыве Учредительного собрания, о предании суду бывшего царя, царицы и министров. Имеющиеся данные позволяют судить, что такая форма выражения поддержки Временному правительству была распространена в большей степени весной и летом 1917 г. В марте — апреле 8 из 11 съездов отправили приветственные телеграммы, в мае — июне — 7 из 15, в августе — октябре — 1 из 17. Эти сведения говорят о заметных изменениях в политических симпатиях крестьянства к осени 1917 г., о ровном снижении влияния эсеров на крестьян.

Резолюции уездных крестьянских съездов, несомненно, являются сердцевинной всего комплекса материалов съездов. Они служат не только показателем результатов работы съезда, но и отражают уровень развития политического сознания делегатов и крестьян, которых они представляли, несут отпечаток событий и процессов, происходивших в стране, и борьбы политических партий за крестьянство.

Анализ резолюций по земельному вопросу показывает, что все они испытывали сильное влияние аграрной программы партии социалистов-революционеров и ее тактических установок. Наиболее осторожный характер они носили весной 1917 г. Так, Ишимский съезд крестьянских депутатов (25 — 28 марта) лишь высказал пожелание о том, что вопрос о казенных и церковных землях может быть

решен только в законодательном порядке¹⁴. Более пространной характер имела резолюция крестьянского съезда Томского и Кузнецкого уездов (25 — 28 марта). В ней указывалось, что «земля должна быть передана в общенародное достояние с уничтожением купли-продажи ее», что «вся земля передается в распоряжение местных, областных и центральных органов самоуправления, построенных на широких демократических началах». Далее начинались оговорки и уточнения. Так, выяснилось, что только «кабинетские и удельные земли передаются в общенародное достояние без выкупа», не ясна была судьба казенных, церковных, монастырских и частновладельческих земель. Местным народным собраниям предоставлялось право устанавливать порядок пользования всеми категориями земель до созыва Учредительного собрания, но выработанные ими условия предварительно должны были утверждаться губернскими комитетами и центральным правительством. Решение вопроса о переселенцах съезд отложил до Учредительного собрания, рекомендуя им оставаться на своих местах¹⁵.

Однако, оставляя право окончательного решения земельного вопроса за Учредительным собранием, уездные крестьянские съезды высказывались за проведение ряда временных мероприятий. Кузнецкое уездное народное собрание (9 — 15 апреля) постановило бывшие кабинетские земли, прилегающие к селениям, сдавать нуждающимся в земле крестьянам в краткосрочную аренду (до 2-х лет) под пашню, сенокос и выгон. Определялась арендная плата в размере 1 р. за дес. пахотной земли, 50 к. — сенокосной. Вместе с тем ряд положений этой резолюции был призван обеспечить интересы зажиточного крестьянства и коннозаводчиков (размеры новых арендных договоров не ограничивались и определялись возможностью арендатора обработать новый участок; старые крупные договора продлевались, если арендованные земли полностью использовались в сельскохозяйственном отношении¹⁶. Змеиногорское народное собрание (15 — 19 апреля) признало возможным в качестве временной меры изъятие из церковных и монастырских земель той части земли, которая останется после наде-

¹⁴ Крестьянская газета (Тобольск), 1917, 1 мая.

¹⁵ Томский крестьянский съезд, 1-й. Томск, 1917, с. 5—7.

¹⁶ ГАТО, ф. р. 166, оп. 1, д. 22, л. 4.

¹³ Корушин Т. Д. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917—1926 гг.), Ишим, 1926, с. 7.

ления бывших владельцев земель из расчета по установленной в данном районе норме крестьянского надела. Остальную землю предполагалось передать тем непричисленным крестьянам, разночинцам и инородцам, которые, имея хозяйство, были лишены земельного надела¹⁷.

Постановление об отмене частной собственности на землю в Западной Сибири первым принял I Курганский крестьянский съезд (8 — 9 апреля), затем Ялуторовский (21 — 22 мая), Тарский (23 — 27 мая), Славгородский (18 — 24 июня), Бийский (12 — 24 августа) уездные крестьянские съезды. Но в резолюциях, принятых на этих съездах, а также в постановлениях II Каинского (5 — 11 июня), III Курганского (25 — 26 июня), I Новониколаевского (25 — 28 июня) съездов «органически» входил пункт, порицающий земельные захваты и лесные порубки¹⁸.

В целом решения большинства уездных крестьянских съездов Западной Сибири в 1917 г. по земельному вопросу отличались непоследовательностью и половинчатостью, они отставали от требований крестьянского движения. Постановления крестьянских съездов, по замыслу их руководителей, призваны были сдерживать развитие крестьянского движения, но не достигли своей цели¹⁹.

Практически все крестьянские съезды Западной Сибири, сведениями о которых мы располагаем, весной — летом 1917 г. высказались за продолжение империалистической войны, заявили о поддержке Временного правительства, видя прямую взаимосвязь этих двух вопросов. Это было следствием добросовестного оборончества и бессознательной доверчивости масс, которые преобладали в настроениях значительной части мелкобуржуазного населения России, а также почти полного отсутствия политического опыта у сибирского крестьянства.

¹⁷ ГАТО, ф. р. 1138, оп. 1, д. 15, л. 130.

¹⁸ Наш край в документах и иллюстрациях. Тюмень, 1966, с. 505; Народная воля (Ялуторовск), 1917, 26 мая; ГАОО, ф. р. 19, оп. 1, д. 100, л. 56—59; ГАТО, ф. р. 549, оп. 1, д. 11, л. 63—72; ГАОО, ф. р. 19, оп. 1, д. 100, л. 129—131; Голос свободы (Томск), 1917, 24 июня; Крестьянский союз (Курган), 1917, 26 июля; ГАОО, ф. р. 19, оп. 1, д. 100, л. 112 об. и др.

¹⁹ См.: Горюшкин Л. М. Указ. соч.; Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. — Изв. СО АН СССР. Серия общ. наук, вып. 1, 1983, № 1, с. 75—80 и др.

Доверие к Временному правительству в сознании сибирского крестьянства весной и даже летом связывалось с наивной убежденностью в том, что оно не допустит победы Германии над Россией, обеспечит созыв Учредительного собрания и демократический образ правления. «Всякий царизм в России упраздняется навсегда» — постановил крестьянский съезд Томского и Кузнецкого уездов (25 — 28 марта) и призвал поддержать Временное правительство исправным платежом податей. Ишимский съезд (25 — 28 марта) высказался за продолжение войны до победного конца, чтобы Германия не смогла способствовать возвращению прежнего монархического правления²⁰. Об этом же говорят резолюции I и II Ялуторовских, I Курганского, Кузнецкого, Тобольского, Тарского уездных съездов²¹.

В постановлениях крестьянских съездов летом 1917 г. там, где давалась оценка политического положения в стране, все чаще наряду с Временным правительством выражались, иногда весьма своеобразно, доверие Советам рабочих и солдатских депутатов. Впервые эта мысль прозвучала на Ялуторовском уездном съезде (16 марта). «Принося клятву верности новому строю и Временному правительству, мы (делегаты съезда — Т. Я.) в единении с вами и Советом рабочих и солдатских депутатов сделаем все от нас зависящее, чтобы поддержать вас в укреплении нового порядка и помочь нашей доблестной армии победить немцев и союзников»²². Кузнецкое уездное народное собрание (10 — 16 июня) потребовало от Временного правительства «упразднить государственный Совет, Сенат и Синод, распустить государственную Думу как учреждения совершенно не нужные при существующем Совете рабочих и солдатских депутатов и Временном правительстве»²³. О необходимости согласованности действий Советов крестьянских депутатов и Советов рабочих и солдатских депутатов и совместной поддержке ими Временного правительства приняли решения

²⁰ Томский крестьянский съезд, 1-й, с. 10, 16; Крестьянская газета (Тобольск), 1917, 1 мая.

²¹ Народная воля (Ялуторовск), 1917, 20 марта, 26 мая; ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, д. 1327, л. 122; ГАТО, ф. р. 166, оп. 1, д. 23, л. 7; Крестьянская газета (Тобольск), 1917, 29 мая; ГАОО, ф. р. 19, оп. 1, д. 100, л. 59 об.

²² Народная воля (Ялуторовск), 1917, 20 марта.

²³ ГАТО, ф. р. 549, оп. 1, д. 11, л. 40.

Славгородский и Новониколаевский съезды в июне 1917 г.²⁴.

Заметное полевенне уездных крестьянских съездов осенью 1917 г. проявилось в том, что выражение доверия к Временному правительству все чаще сочеталось с оговорками. Будем доверять и подчиняться, говорилось в резолюциях, если оно «пойдет рука об руку с Советами крестьянских, рабочих и солдатских депутатов на завоевание и укрепление добытых свобод и на борьбу с контрреволюцией, с какой бы стороны она не исходила»; если оно откажется от сотрудничества с буржуазией, обеспечит защиту Советов, проведение в жизнь неурезанных законов Чернова, ограничения сверх прибылей капиталистов и т. п., Славгородский и II Новониколаевский съезды потребовали подотчетности Временного правительства ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов²⁵. Названные выше съезды высказались также за скорейшее окончание войны и заключение мира на основе демократических принципов, призвали напрячь все силы для спасения страны и революции, однако, заявить открыто «долой войну» смелости все-таки не хватило.

Тюкалинский уездный крестьянский съезд (6 — 7 августа) принял резолюцию, призывающую не подчиняться распоряжениям и указам Временного правительства и выразить недоверие губернскому комиссару. Об этом сообщил в своем донесении Тобольскому губернскому комиссару начальник милиции Тюкалинска (другие сведения об этом съезде отсутствуют)²⁶.

В целом резолюции уездных съездов дают возможность проследить развитие взглядов крестьянства по вопросу о войне и мире, изменение его отношения к Временному правительству, растущее умение оценивать политическое положение в стране. Они верно отражали общее направление развития политических настроений, но имели некоторые отклонения во времени и силе этого настроения. Так, антивоен-

²⁴ ГАТО, ф. р. 549, оп. 1, д. 11, л. 67; ГАОО, ф. р. 19, оп. 1, д. 100, л. 106 об.

²⁵ Жизнь Алтая (Барнаул), 1917, 9 авг.; Социалист-революционер (Мариинск), 1917, 27 авг.; Земля и воля (Новониколаевск), 1917, 18 сент. (10 окт.); Земля свободы (Новониколаевск), 1917, 13 сент.; ГАОО, ф. р. 19, оп. 1, д. 100, л. 226 об.

²⁶ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии... с. 71.

ные настроения и чувство недоверия к Временному правительству, неодобрения его политики начали складываться уже весной 1917 г., но они звучали резче, чем в резолюциях на сельских и волостных сходах, в ходе крестьянской борьбы, направленной на слом старого аппарата управления, в неприятии политики Временного правительства в земельном, лесном, продовольственном вопросах.

Комплексный анализ материалов съездов имеет большую ценность для изучения и других аспектов политической истории крестьянства Западной Сибири в 1917 г. Особое место в этом ряду занимает проблема взаимовлияния и взаимоотношений организаций ПСР и крестьянства.

Уже в марте — апреле 1917 г., опередив по времени все другие политические партии, эсеры развернули работу среди крестьянства. Они приступили к возобновлению организаций крестьянского союза, подготавливали и приводили уездные крестьянские съезды, которые позволяли им от имени крестьянства занимать всевозможные посты в губернских и уездных органах власти и общественных организациях. Успеху эсеров способствовало то, что они могли использовать в своих целях хорошо налаженный кооперативный аппарат, его периодическую печать, широко привлекать сельскую интеллигенцию. Существенной опорой эсерам служила их аграрная программа, точнее комплекс лозунгов и девизов, которые в значительной степени соответствовали особенностям мелкобуржуазной психологии крестьянства.

Присутствие эсеров, их деятельность и ее результаты можно обнаружить на всех уездных съездах (в сообщениях об инициаторах созыва съезда, его президиуме, присутствующих гостях, в протокольных записях докладов по основным вопросам и выступлений в прениях, в резолюциях и приветственных телеграммах и т. д.). Материалы уездных крестьянских съездов показывают, что влияние эсеров в сибирской деревне было реальным и неизбежным фактом и сохранилось в известной степени до осени 1917 г. Об этом говорят решения съездов голосовать за кандидатов от ПСР в ходе выборов в Учредительное собрание, а также результаты этих выборов.

Вместе с тем по материалам осенних съездов можно проследить начавшийся процесс падения авторитета ПСР в крестьянстве. Так, видный представитель эсеров в докладе об Учредительном собрании на Омском уездном съезде

(3 сентября) сделал вынужденное признание о возникающем иногда «безосновательном недоверии» между крестьянством и партией и о том, что «не исключена возможность выступления части крестьянства с другими партиями»²⁷. В выступлениях крестьянских делегатов сквозила неудовлетворенность, они обвиняли своих эсеровских руководителей в бездеятельности, отказывались слепо подчиняться их призывам. Крестьянин Бондаренко (представитель Добровольской волости), обращаясь к руководителям съезда, говорил: «Народ спрашивает, что вы депутаты сделали и делаете, решения вынесены, но ни одно не приведено в жизнь, между тем жизнь не улучшается, а ухудшается, расходы увеличиваются, все несут тяготы, а результатов не видно»²⁸. Он же, выступая в прениях по докладу о текущем моменте, сказал: «Мы выносим доверие Временному правительству, а тем временем около Временного правительства мрак, темнота и кадеты все-таки хотят захватить власть... Не верю во Временное правительство, в которое входят кадеты и капиталисты»²⁹. Крестьянин Додонов (Борисовская волость), выступая на съезде, сожалел о том, что «нет партии», которая отстаивала бы интересы именно крестьян и указывал, что в программе ПСР есть пункты, с которыми нельзя согласиться»³⁰.

Делегаты Ялуторовского и Ишимского уездных съездов в октябре 1917 г. и Мариинского съезда, состоявшегося в июне, заявили о своем недоверии к ПСР несмотря на то, что программные положения этой партии и совпадали с крестьянскими наказами. III Каменский уездный съезд принял решение переизбрать Совет, изгнать из него эсеров и меньшевиков и образовать Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов³¹. Вероятно, подобные настроения имели место и на других уездных съездах, однако не отразились в их документах.

Значимость материалов уездных крестьянских съездов как исторического источника определяется местом, которое

²⁷ ГАОО, ф. р. 19, оп. 1, д. 29, л. 13 об.

²⁸ ГАОО, ф. р. 19, оп., д. 11, л. 13 об.

²⁹ ГАОО, ф. р. 19, оп. 1, д. 29, л. 11.

³⁰ ГАОО, ф. р. 19, оп. 1, д. 11, л. 14.

³¹ Земля и воля (Курган), 1917, 22 октября; Сибирская жизнь (Томск), 1917, 28 июня; Кадыкова-Городецкая Е. А. Большевики Камня в борьбе за Советскую власть. — В кн.: Незабываемое Барнаула, 1960, с. 11—12.

занимали уездные крестьянские съезды в политической жизни сибирской деревни, и ролью, которую они сыграли в политическом просвещении и организации крестьянства. И так, разнообразие документов о работе съездов, периодическая повторяемость съездов практически во всех уездах Западной Сибири позволяют не только выявить, но и проследить в динамике отношения крестьянства к различным вопросам политической действительности, сложную эволюцию политического сознания крестьянства, ход и результаты борьбы политических партий, Временного правительства, Советов рабочих и солдатских депутатов за крестьянство, процесс революционизирования последнего.

Дальнейшее изучение материалов уездных крестьянских съездов будет способствовать углублению представлений о политической жизни сибирского крестьянства, о складывании предпосылок победы Октябрьской революции.

Э. И. ЧЕРНЯК

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ИЗУЧЕННОСТИ ЭСЕРОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРИ В 1917 — НАЧАЛЕ 1918 гг.

История эсеровской партии в целом и ее отдельных региональных подразделений имеет на сегодняшний день значительную по объему и позитивным результатам историографию¹. Исследовательскому анализу подвергнуты практическая деятельность партии, происходившие в ней процессы, причины и пути ее эволюции и исчезновения с политической арены. Создано большое количество работ — от монографий до тезисов выступлений, в которых объектом исследования выступает партия в целом на всем протяжении ее истории или на различных хронологических отрезках. В ряде работ, опубликованных относительно недавно, освещается история организаций этой партии в крупных регионах страны, в том числе и в Сибири.

В настоящем сообщении предпринимается попытка осветить современное состояние изученности эсеровских организаций Сибири в 1917 — начале 1918 гг.

Современное состояние разработки темы определяется в основном исследованиями последних 15 — 20 лет. Но следует учитывать и целый ряд работ, опубликованных в предшествующее время, прежде всего в 20 — начале 30-х годов². В них содержится много фактического материала о

¹ Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России, М., 1981; Великий Октябрь и непролетарские партии. Матер. конф., М., 1982; Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Материалы конф. М., 1982, и др.

² Вегман В. Д. Как и почему пала в 1918 г. Советская власть в Томске. — Сибирские огни, 1923, № 1—2; Он же. Областнические иллюзии, рассеянные революцией. (К истории возникновения Сибирской областной Думы). — Там же, 1923, № 3; Ансон А. Накануне Красного Октября: Из воспоминания о съезде Советов Восточной Сибири и о I общесибирском съезде Советов в Иркутске в 1917 году. — Известия Енисейского губкома, 1922, № 8; Абов А. Октябрь в Восточной Сибири: Отрывки воспоминаний. — Сибирские огни, 1924, № 4; Ансон А. Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревне. — На ленинском пути, 1931, № 3—4; Парфенов А. (Петр Алтайский). Гражданская война в Сибири в 1918—1920 гг. Изд. 2-е, М., 1925.

контрреволюционной деятельности эсеров, авторы стремились обобщить его, оценить с классовых марксистско-ленинских позиций. Научный уровень тех первых работ для своего времени достаточно высок, а часть их и сейчас имеет значительную научную ценность. Это прежде всего статьи В. Д. Вегмана, содержащие интересные наблюдения и выводы о степени эсеровского влияния в Томской губернии (которое, по его мнению, преувеличивалось), об использовании эсерами в антисоветской борьбе лозунгов областничества. Специально следует подчеркнуть значимость статей, написанных для «Сибирской Советской Энциклопедии»³. Авторами их в большинстве были известные большевики, активные участники революционных событий в Сибири, имевшие личный опыт общения и, естественно, борьбы с деятелями и организациями непролетарских партий. Многие из них (А. Ансон, В. Вегман, Б. Шумяцкий и др.), став профессиональными историками, внесли значительный вклад в становление марксистско-ленинских методологических основ историографии Октября в Сибири.

Деятельность организаций эсеров и других непролетарских партий в Сибири в 1917 г. освещена на страницах ССЭ в специальных статьях, которые явились результатом проводившихся во 2-й половине 20-х годов исследований, и отражали состояние марксистской историографии Октября в Сибири к концу 20-х годов, а также в статьях, посвященных истории Советов, профсоюзов, кооперации, национально-освободительных и националистических течений, отдельных событий (съезды, конференции, массовые выступления, мятежи) и т. д. Из более чем 50 статей деятельности эсеров посвящено 13, меньшевиков — 7, их деятельности в блоке между собой — 8, кадетам — 2, октябристам — 1, народ-

сейского губкома, 1922, № 8; Абов А. Октябрь в Восточной Сибири: Отрывки воспоминаний. — Сибирские огни, 1924, № 4; Ансон А. Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревне. — На ленинском пути, 1931, № 3—4; Парфенов А. (Петр Алтайский). Гражданская война в Сибири в 1918—1920 гг. Изд. 2-е, М., 1925.

³ Ансон А. (Абов А.). Аграрное движение. — Сибирская советская энциклопедия (ССЭ), т. 1; Он же. Белогвардейские организации. ССЭ, т. 1; Он же. Восстания против Советской власти. ССЭ, т. 1; Он же. Временное Сибирское правительство. ССЭ, т. 1; Он же. Классовое расслоение сибирской деревни. ССЭ, т. 11; Он же. Окружное бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири. ССЭ, т. IV; Вегман В. Д. Архивы и архивное дело. ССЭ, т. I; Он же. Истпаротдел Сибкрайкома ВКП(б), ССЭ, т. II и др.

ным социалистам — 2, анархистам — 1, областникам — 3, националистическим антисоветским организациям и выступлениям — 6. Оценочные положения о партии эсеров и их лидерах содержатся и во многих других статьях.

Особенно следует подчеркнуть ценность информации, имеющейся в статьях о деятельности эсеров в общественных организациях, в различного рода объединениях, созданных в течение избирательных кампаний.

Вместе с этим следует заметить, что в литературе вошедшей и бытуют до сих пор некоторые ошибочные или недостаточно обоснованные положения, в которых преувеличивалась организованность, организационная оформленность эсеровских организаций. В качестве примера можно привести утверждение о том, что в конце 1917 — начале 1918 гг. существовал левоэсеровский общесибирский центр в Томске. Никаких свидетельств существования такого центра пока не обнаружено. Длительная жизнь этого и некоторых других ошибочных положений объясняется в значительной мере трудностью выявления источников по теме. Их крайне мало, они разрозненны, поиск их, сопоставление, проверка и анализ требуют и сегодня больших временных затрат. А в 20—30-е годы, когда архивные фонды только создавались, эта задача была во много раз сложнее.

На сегодняшний день историческая наука располагает большим количеством работ, в той или иной мере освещающих историю эсеров Сибири. Источниковая база их достаточно широка и разнообразна: материалы хранящиеся в архивах фондов, периодическая печать, опубликованные отчеты о съездах и конференциях различных общественных организаций и политических партий, многочисленные мемуары. И все же следует отметить, что специальных работ об эсерах Сибири очень мало. Их история рассматривается, как правило, в общих работах по периоду Октября и гражданской войны.

В появившихся в 60-е и особенно в 70-е г. крупных многоплановых исследованиях и статьях затрагиваются отдельные важные элементы истории самих эсеровских организаций в Сибири в 1917 г.: практические действия эсеров по поддержке буржуазных органов власти, их участие в травле большевиков после июльских событий, переход правых эсеров к вооруженной борьбе против Советской власти, их роль в образовании контрреволюционных сибирских

правительств и приходе к власти Колчака, появление левоэсеровских организаций и т. д.

В числе специально посвященных истории эсеров исследований первыми по времени появления стали работы А. Н. Резниченко⁴. Они несколько расширили представления о практических действиях эсеров Сибири в 1917 г. Но в них недостаточно аргументированы выводы, некоторые важные аспекты темы вообще опущены, например, оценка эсерами Сибири февральской революции. Характеризуя социальную базу эсеров Сибири, А. Н. Резниченко считает, что ею являлось сибирское крестьянство в целом, но и этот принципиальный тезис не получил аргументированного доказательства, а ведь существуют и другие точки зрения. В работах А. Н. Резниченко эсеры представляются сплошной массой без различий, разногласий, особенностей. Это приводит к тому, что правые эсеры фактически отождествляются с левыми. И как следствие неверно представляется характер взаимоотношений большевиков с левоэсеровскими группами. Упрощенно трактуется также оценка эсерами Октябрьской революции, как везде и сразу откровенно враждебная. Многие же важные вопросы — время и характер оформления легальных организаций, структура их, численность, эволюция политического облика и др. — вообще не ставились.

Вся историческая литература конца 50 — середины 60-х годов не давала да и не могла дать ответа на эти и на некоторые другие вопросы. Эсеры как самостоятельный объект исследования все еще оставались «вне наблюдений и исследований историков».

Указанные пробелы начали устраняться в работах, появившихся в 1960 — 70-х годах. Прежде всего следует отметить статьи И. М. Разгона, объединенные общей темой — классы и партии в Сибири накануне и в период Октября⁵.

⁴ Резниченко А. Н. Разоблачение большевиками соглашательской деятельности меньшевиков и эсеров в Сибири в условиях развития революции от Февраля к Октябрю 1917 года. — Труды Новосиб. инж.-строит. ин-та, 1959, т. X; Он же. Борьба большевиков Сибири против меньшевиков и эсеров в период установления Советской власти (октябрь 1917 — май 1918 гг.). — Сб. трудов кафедр общественных наук Новосиб. инж.-строит. ин-та, 1970, вып. 12.

⁵ Плотникова М. Е. Октябрьская революция и гражданская война в СССР в трудах И. М. Разгона. — В кн.: Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975.

В них поднимается и в той или иной мере освещается ряд сюжетов, имеющих прямое отношение к истории эсеров Сибири: политические настроения сибирского крестьянства в 1917 г., политические партии и организации в Сибири в 1917 г., в том числе и эсеровские, эволюция сибирского областничества и др. Из выводов, к которым пришел И. М. Разгон, наиболее важными явились следующие: о совпадении политических настроений основной массы крестьянства Сибири с программными заявлениями эсеров в 1917 г.; о расхождении крестьянских представлений с политической практикой эсеров применительно к лозунгу «Земля и Воля». «...Крестьяне, — пишет И. М. Разгон, — именовавшие себя членами партии эсеров или сочувствующими, сами и от лица своих избирателей (речь идет о крестьянах — членах Томского губернского Народного собрания. — Э. Ч.) передавали такие требования и настроения деревни, которые расходились с политической линией эсеров»⁶. Важны выводы И. М. Разгона о массовом отходе крестьян от эсеров в конце 1917 г., о начале «разброда и раскола» в эсеровских организациях Сибири (автор относит его к середине июня 1917 г.), начале отделения левых эсеров в Сибири⁷.

Отмечая особую значимость работ И. М. Разгона, носящих преимущественно обобщающий характер, следует сказать, что они отразили недостаточную изученность темы, трудности выявления фактического материала, в них не затрагивается ряд важных вопросов.

В последнее время появилась возможность уточнить время начала раскола в эсеровских организациях Сибири. Разногласия, зародившиеся в них еще до февраля, на первых же легальных собраниях приняли характер острой конфронтации. Постепенно углубляясь, они вели к обособлению различных группировок, к отделению левозэсеровских организаций. Причем отделение это происходило, как правило, в ходе установления в Сибири Советской власти и было

⁶ Разгон И. М. Политические настроения Сибирского крестьянства (в марте—апреле 1917 г.). — В кн.: Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966.

⁷ Разгон И. М. Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Вып. 4. Томск, 1969.

связано со сближением по многим вопросам левых эсеров с большевиками.

Заметным явлением в историографии эсеров в Сибири стали работы М. Е. Плотниковой⁸. Большинство их посвящено определению роли эсеров в свержении Советской власти, конкретным форм проявления связи правых эсеров с областниками в 1917—1918 гг., их роли в установлении колчаковской диктатуры, и усилению после этого давно начавшегося распада партии эсеров. Один из важных выводов, убедительно обоснованных М. Е. Плотниковой в ряде работ, состоит в том, что в исторической литературе преувеличивается действительное влияние эсеров на крестьянство, их роль на первом этапе гражданской войны. Им казалось, что они проводят свою политику, а на самом деле они служили политическим тараном буржуазии. Подобное преувеличение М. Е. Плотникова ставит в зависимость от недостаточного изучения мелкобуржуазной контрреволюции в Сибири в целом. Этот вывод сохраняет свою актуальность и сегодня.

Проблематика вышеназванных работ получила дальнейшее развитие в статьях А. А. Бондаренко об образовании и деятельности левозэсеровских организаций в Сибири⁹. Этот процесс А. А. Бондаренко рассматривает в связи с динамикой политической ситуации в стране и Сибири как части ее, в связи с постоянно нараставшими разногласиями в среде эсеров, особенно в оценке войны, в отношении к коалиции с буржуазией и ее политическими организациями. Но прежде всего раскол происходил в связи с коренным различием в отношении левых и правых эсеров к партии большевиков, к Советам как органам власти. Автор выявил много нового конкретно-исторического материала, что позволило ему ус-

⁸ Плотникова М. Е. К вопросу об эсеровской контрреволюции в Сибири в 1917—1918 гг. — В кн.: Программа и краткое содержание докладов на объединенной научной сессии по вопросу «Предпосылки социалистической революции и установление Советской власти в Сибири». Томск, 1964; Она же. Колчак и эсеровская оппозиция. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1967, вып. 3; Она же. Из истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1969, вып. 4, и др.

⁹ Бондаренко А. А. Левые эсеры Сибири и Октябрьская революция. — В сб.: 60 лет Великого Октября и Сибирь. Томск, 1979; Она же. Образование левозэсеровских организаций в Сибири. — В сб.: Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982 и др.

тановить время образования левозэсеровских организаций, а в отдельных случаях и состав их руководящих органов.

Кроме специальных работ, а ими являются пока только статьи, история эсеров в Сибири затрагивается в работах, посвященных отдельным проблемам общественно-политической жизни Сибири в послефевральский период революции. Так, отношение эсеров к вопросу о власти, деятельность их в буржуазных органах власти рассматривается в работах Е. Н. Бабиковой¹⁰. Они интересны тем, что содержат анализ конкретных шагов эсеров в осуществлении сотрудничества с буржуазией в органах ее власти, что укрепляло политическое господство буржуазии, тормозило дальнейшее развитие революции, а вместе с этим вело эсеров в стан контрреволюции.

В опубликованных работах Л. С. Деденева о политической борьбе вокруг Учредительного собрания¹¹ содержится анализ приемов агитации, применяемых эсерами, освещается сотрудничество их в ходе избирательной кампании с различными антисоветскими образованиями, в том числе кооперативными объединениями, которые почти полностью обеспечивали все финансовые потребности эсеров. Автор приводит многочисленные факты использования эсерами лозунга Учредительного собрания для развертывания антисоветской борьбы, антибольшевистской истерии.

Необходимо отметить группу исследований¹², объединяющих задачи изучения истории создания и деятельности Советов Сибири в 1917 — начале 1918 гг. Это работы

¹⁰ Бабикова Е. Н. Борьба с контрреволюционным земством в Томской губернии (1917 — апрель 1918 гг.). — В кн.: Вопросы истории Сибири. Вып. 4. Она же. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980.

¹¹ Деденева Л. С. Большевики г. Томска в период подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Вып. 8. Томск, 1974; Она же. Большевики Сибири и роспуск Учредительного собрания. — В кн.: Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Конец XIX в. — 1918 г. Томск, 1976.

¹² Сафронов В. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962; Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963; Кадейкин В. А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов. Кемерово, 1966; Зольников Д. М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969; Сидоренко С. А. Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революционной социалистической в Сибири (март—апрель 1917 г.). Челябинск, 1970; Плотникова М. Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918—вторая половина 1930-х гг.). Томск, 1974; Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск, 1978 и др.

В. Т. Агалакова, В. А. Соловьевой, Д. М. Зольникова, М. Б. Шейнфельда, С. А. Сидоренко, В. Г. Мосолова и др.

В них большое место занимает анализ борьбы большевиков за четкую классовую политику Советов, за разоблачение соглашательства меньшевиков и эсеров, освещается острая политическая борьба в ходе подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание, обеспечения полномочия Советов в ходе осуществления социалистической революции и т. д. Авторы показывают неуклонное падение политического влияния в массах мелкобуржуазных партий, и эсеров прежде всего, приводят значительный фактический материал о практической деятельности эсеров в Советах, в органах местного самоуправления, в крестьянских организациях.

Многогранная проблема — эсеры и крестьянство — получила освещение в многочисленных работах И. М. Разгона, М. Е. Плотниковой, Л. М. Горюшкина, Ю. В. Журова, В. Г. Тюкавкина, Л. И. Боженко, В. А. Соловьевой, Б. В. Иванова, М. Б. Шейнфельда, В. Т. Агалакова¹³ и др.

В их монографиях и статьях рассмотрены такие важные вопросы, как борьба большевиков против эсеров за привлечение крестьянства на сторону пролетариата, возникновение крестьянских организаций, создание Советов в сельской местности, крестьянство и избирательные кампании 1917 г.,

¹³ Боженко Л. И. Крестьянское движение в Западной Сибири (март—апрель 1917 г.). — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1965, вып. 2; Он же. Крестьянские земельные комитеты Западной Сибири в 1917 году. — В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966; Соловьева В. А. Крестьянское революционное движение в Сибири после свержения самодержавия (март—апрель 1917 г.). — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1967, вып. 3; Горюшкин Л. М. Проблемы истории крестьянства Сибири в период Октября и гражданской войны. — В кн.: Известия Сибирского отделения АН СССР, 1970, № 6. Сер. общ. наук. Вып. 2; Шейнфельд М. Б. Из истории организации Советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии в 1917 году. — Учен. зап. Красноярского пед. ин-та, 1964, т. 26, вып. 1. Из истории Красноярского края; Агалаков В. Т. Советизация сибирской деревни в конце 1917 — первой половине 1918 г. — В кн.: Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни. Новосибирск, 1974; Журов Ю. В. Большевицкие организации и первые революционные преобразования в сибирской деревне (1917—1918 гг.). — В кн.: Из истории Красноярской партийной организации в период Октябрьской революции и гражданской войны. Красноярск, 1974; Якимова Т. В. Крестьянство Западной Сибири в период подготовки и проведения Октябрьской революции (политические настроения и позиции). — В кн.: Вопросы истории советской Сибири. Томск, 1980; и др. работы.

эсеры и крестьянство в период гражданской войны в Сибири.

Названные выше исследования позволяют представить в общих чертах историю эсеров Сибири в 1917 г., определить основное направление их политической эволюции как все более тесное смыкание с буржуазией в борьбе против социалистической революции. В то же время есть все основания констатировать, что в них далеко не полностью показаны конкретные формы деятельности мелкобуржуазных партий в Советах и ряд других вопросов, без чего невозможно воссоздать цельную картину практической деятельности и политической эволюции сибирских организаций эсеров в 1917 г.

Из изложенного выше следует вывод о значительном расширении в последние 15 — 20 лет проблематики и количественном росте исследований, освещающих историю эсеров Сибири в 1917 — начале 1918 гг. Расширилась их источниковая база. И как следствие повысилась доказательность выводов, обоснованность оценок. Появилась возможность ставить и исследовать на материалах Сибири новые вопросы истории эсеров, крупнейшей непролетарской партии России. Отметим, что до настоящего времени история эсеров в Сибири в обобщающих работах об этой партии почти не освещается (имеется в виду 1917 г.).

В последние годы опубликован ряд статей, специально посвященных отдельным сторонам деятельности и существования эсеровских организаций в Сибири¹⁴. И все же представляются явно недостаточными исследованными такие вопросы, как состояние эсеровских организаций в Сибири к 1917 г.; организационное оформление их после февральской революции; динамика численности и социального состава органи-

¹⁴ Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в период февральской революции. — В кн.: Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976; Он же. Эсеры Сибири и вопрос о власти. — В кн.: Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977; Он же. Победа Октября и распад эсеровских организаций в Сибири. — В кн.: Вопросы истории советской Сибири, Томск, 1980; Он же. О численности и социальном составе эсеровских организаций Сибири в 1917 году. — В кн.: Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980; Он же. О характере эсеровской агитации и пропаганды в Сибири в 1917 г. — В кн.: Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905—1920 гг.). Томск, 1982; и др.

заций эсеров в 1917 г., потеря ими социальной базы; взаимоотношения с другими политическими партиями; эволюция отношения к перспективам социалистической революции в России; обострение разногласий и развал эсеровских организаций и ряд других. Успешное их разрешение позволит полнее представить сложную картину политической борьбы в Сибири в 1917 г., завершившейся победой Великой Октябрьской социалистической революции.

С. А. КРАСИЛЬНИКОВ

СЪЕЗДЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СИБИРИ 1917 г. В ГАЗЕТНЫХ МАТЕРИАЛАХ (некоторые принципы анализа)

Одной из важнейших форм, в которых проявлялась социальная деятельность интеллигенции в 1917 г., явились съезды, проведенные отдельными профессиональными группами — учителями, медиками, агрономами и др. Они одновременно и показатель степени профессиональной (а для однородных в социальном отношении групп и социальной) консолидации, и инструмент для выработки общей позиции той или иной группы в общественно-политической жизни.

Съезды — неотъемлемый компонент истории российской интеллигенции 1917 г. Только в Сибири за период между Февралем и Октябрем состоялось их несколько десятков. Они различались многими признаками (по составу участников, масштабам организации, социально-политической направленности и т. д.), но объединяло их то, что каждый из них является историческим фактом — событием, выделяющимся из конгломерата исторических явлений, поскольку был порожден условиями предшествующего развития, и направлялся в будущее, т. е. на реализацию принятых решений. Исходя из того, что «явления исторической действительности различаются между собой пространственно-хронологическими характеристиками, объемом массы действующих лиц, характером и сложностью социальных связей, местом в общем ходе исторического развития и т. п...»¹ следует признать, что по совокупности указанных признаков именно съезды интеллигенции способны в наиболее полном и достоверном виде отразить динамику социальной активности и эволюции политической позиции как различных профессиональных и социальных групп работников умственного труда, так и прослойки в целом накануне и в период Октября.

¹ Тартаковский А. Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении. — История СССР, 1973, № 6, с. 69.

Классификация материалов съездов с точки зрения источниковедения весьма сложна, но для задач данного исследования (показать их информационную ценность и значимость) достаточно исходить из тех традиционных приемов классификации, которые учитывают как внешние признаки (местонахождение источника), так и внутренние (степень полноты, достоверность, адекватность отражаемому событию).

Так, в частности, классификационное деление источников по их местонахождению на опубликованные и неопубликованные, при всем весьма критическом к нему отношении со стороны специалистов², имеет определенные основания, потому что позволяет выделить их источниковую базу, на которую опирается исследование.

Характер самих исторических событий, каковыми выступали съезды 1917 г., предполагал широкий общественный интерес к ним в ходе подготовки, проведения и реализации принятых решений, а следовательно, обязательную публикацию материалов съезда от краткой информации в газетах до печатания протоколов и резолюций отдельными изданиями. Иначе говоря, гласность съездов выдвигает на передний план для их характеристики опубликованные источники. В ряду последних число публикаций отдельными изданиями материалов съездов профессиональных групп интеллигенции Сибири исчисляется единицами. Таковыми, в частности, являются резолюции краевого учительского съезда, состоявшегося в Омске с 25 мая по 2 июня 1917 г. (Омск, 1917), уже введенные в исторический оборот³. Это относится к более позднему организационному съезду культурно-просветительного союза Алтайского края, состоявшемуся весной 1918 г.⁴ Есть ряд публикаций, основанных на материалах губернских и областных врачебных съездов⁵. Публикация матери-

² Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС. М., 1973, с. 56.

³ См.: Трофимов П. Л. Педагогический комитет при Омском Совете рабочих и солдатских депутатов. — Народное образование, 1959, № 3, с. 84.

⁴ См.: Соскин В. Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965, с. 103—104; Посадсков А. Л. Сибирская книга и революция, 1917—1918 гг. Новосибирск, 1977, с. 214—242.

⁵ Алексеева А. Первый объединенный. — Медицинская газета, 1967, 11 авг. (о съезде врачей и фельдшеров Якутской области. 8—25 апр. 1917 г.); Тейман Н. С. Из истории первых врачебных съездов Сибири. — Советское здравоохранение, 1973, № 4.

лов съездов интеллигенции, исходя из нужд оперативности и популяризации, чаще всего находила место на страницах периодической печати того времени. Если же исходить из критерия представительности, то в этом количественном отражении значение прессы для сбора и анализа информации и съездах таково, что она занимает бесспорно центральную роль. Весьма характерно признание известного источника — М. А. Варшавчика в том, что для изучения ряда проблем истории накануне и в период Октября, когда документальный материал отлагался не систематически, да и сохранился лишь частично, газеты служат основным источником⁶.

Выдвижение материалов периодической печати в качестве основных источников по теме, связанной с изучением форм социальной, и, в особенности, общественно-политической деятельности, диктуется и тем обстоятельством, что периодика — комплексный, многослойный источник. Он содержит только непосредственную информацию о тех или иных событиях (информационный аспект), но и несет в себе ценностный аспект, поскольку пресса выполняет социальную функцию как орудие идеологического воздействия на массы.

Поскольку же текстовый массив многопланово отражает социальную действительность и в нем, как правило, существуют не раздельно, а слитно информация и оценка, то представляется обоснованной точка зрения ряда исследователей о том, что пресса должна рассматриваться одновременно и аутентичным (совпадающим по времени с тем или иным событием, а также исходящим от непосредственных очевидцев и участников событий) и неаутентичным (то есть несущим в себе итоговую, обобщенную оценку этих событий, как отклики на события, автор которых не прямо связан с ними)⁷.

Классификационное деление такого рода достаточно условно и используется нами только для того, чтобы подчеркнуть различие между источниками пространственно-временного характера, отдавая безусловный приоритет источникам, которые непосредственно отражали события. Ценность прессы как исторического источника в том и заключается, что в ее материалах содержатся не только факты, но и эволюция в их оценках на протяжении любого интересующего нас перио-

⁶ Варшавчик М. А. Указ. соч., с. 302.

⁷ Подробнее см.: Тартаковский А. Г. Указ. соч., с. 70—75; Грунт А. Я. Москва, 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. с. 9.

да времени (если же оценка фактов и событий не изменилась, то это также является аргументом). Другой, не менее значимой стороной периодической печати является возможность сопоставимости фактов и оценок, содержащихся в одних органах по сравнению с другими.

Сказанное выше свидетельствует о большом информационном богатстве печати как исторического источника в пре-ломлении к исследованию съездов интеллигенции Сибири в 1917 году.

Типологически съезды могут быть разделены: по профессиональному составу участников (врачи, учителя, агрономы и т. д.); по месту и масштабам организации (уездные, губернские, красные); по времени проведения; по основной на-

Таблица 1⁸

Съезды интеллигенции Сибири в 1917 г.

№ п/п.	Съезды	Число съездов	В том числе					
			Время проведения		Масштабы		Характер	
			Март — июль 1917 г.	Июль — октябрь 1917 г.	Уездные съезды	Губернские съезды	Узкопрофессиональный	Профессионально-политический
1	Учителей	18	14	4	9	9	1	17
2	Медицинского персонала	6	4	2	—	6	5	1
3	Лесоводов агрономов и др.	6	2	4	2	6	5	1

⁸ Таблица составлена по данным: ГЛОО, ф. 2069, оп. 1, д. 1, л. 7, 11, 11 об; ГАТО, ф. Р-1, оп. 1, д. 325, л. 77; Думы Забайкальского учителя (Чита). 1917, 2 июля; Свободная Сибирь (Новониколаевск). 1917, 9 апр.; Жизнь Алтая (Барнаул). 1917, 20 апр., 16 июня; Голос Труда (Барнаул). 1917, 1 окт.; Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона. 1917, 26 мая; Наш голос (Красноярск). 1917, 18, 19 авг., 3 сент.; Красноярский рабочий. 1917, 4 июля; Сибирь (Иркутск). 1917, 8 апр., 20—24 мая, 3 июня, 14 июня, 19 авг., 3 сент.; Иркутская жизнь, 1917, 12 апр.; Свободный край (Иркутск). 1917, 5 ноября.

правленности, характеру центральных вопросов (узкопрофессиональные или профессионально-политические). Нами проанализированы нашедшие отражение на страницах газет материалы тридцати съездов различных профессиональных групп интеллигенции, которые распределились следующим образом (табл. 1).

Исходя из того, что съезд является безусловным отражением социальной деятельности интеллигенции, а также профессиональной и политической активности, из приведенной табл. 1 выявляется определенная неравномерность по данным показателям у различных профессиональных групп. Так, по степени организованности и «политизации» наиболее деятельной группой в период между Февралем и Октябрем было учительство. Оно стремилось к законченной организационной структуре снизу доверху (уездные — губернные — краевые съезды — всероссийский учительский съезд), наиболее активно включалось в общественно-политическую жизнь страны на первом этапе революции (март—июнь 1917 г.). Затем активность снижалась. В среде учительства, как правило, обсуждались не только узкопрофессиональные вопросы, но и общеполитические моменты. Что же касается медицинских работников, то их съезды носили характер профессиональной консолидации, они созывались, как правило, для решения чисто организационных вопросов (создание губернских организаций при земствах и т. д.). То же наблюдалось и в среде агрономов, лесоводов и других групп специалистов в области производства, с той только разницей, что их организационное оформление в губернские союзы смещено на осень 1917 г.⁹

Соответственно выявленным тенденциям развития профессиональной и политической активности различных отрядов интеллигенции съезды получили неодинаковое отражение на страницах печати: максимальное по возможностям этого источника (прессы) место отводилось съездам учителей, на которых разворачивалась острая идейно-политическая борьба, и, напротив, о большинстве съездов агрономов, лесоводов и медиков информация в печати была самой минимальной.

Исследователи не располагают протоколами съездов интеллигенции, традиционно информация давалась в газетах в виде подневных отчетов со съездов специальных корреспондентов газет (это было характерно практически для всех гу-

⁹ Учтены и проанализированы не все уездные съезды учителей, а наиболее типичные по характеру обсуждаемых вопросов и принятым решениям.

бернских съездов учителей и врачей). Итогом работы съездов являлись принятые резолюции по профессиональным и общеполитическим вопросам (там, где последние ставились и обсуждались)¹⁰.

В печати достаточно основательно представлена и подготовительная, организационная работа, необходимая для проведения крупных губернских съездов. Заранее печаталась программа, наличие которой позволяло затем проследить работу съезда, а также выявить отношение между группой профессиональных и политических вопросов.

Опубликованные программы съездов учительства сами по себе являются оригинальным историческим источником. Так, программа 1-го областного съезда деятелей средней школы Восточно-Сибирского учебного округа (июнь 1917 г.), сопоставленная с программой Учительского съезда Енисейской губернии (август 1917 г.), дает материал для сравнительного анализа как сходства, так и различия между педагогами и низами учительства по вопросам школьного строительства и политическим вопросам¹¹. Напечатанная перед самым началом работы 1-го сибирского метеорологического съезда в Иркутске (конец октября 1917 г.) программа¹², содержавшая список организаций, приславших своих представителей, а также и список докладчиков, существенно дополняет газетные отчеты о работе съезда, так как эта информация более нигде не воспроизводилась.

Весьма значительную информационную ценность представляет собой программа летних курсов для учителей Иркутской губернии по политическим вопросам (1—15 мая 1917 г.)¹³. Будучи небольшим фрагментом газетного материала, помещенном в разделе «Хроника», она позволяет установить, что доминировали представители эсеров, прочитавшие больше всего лекций (И. Якушев, М. Кроль, П. Яковлев, Н. Чичинадзе): о войне, основах социализма, Учредительном собрании, аграрном и национальном вопросах и др. Таким образом, в программе четко отразилось стремление эсеров к установлению идейной гегемонии над сельским

¹⁰ В это число включены съезды учителей и медиков Томской, Алтайской и Забайкальской железных дорог, а также краевой западно-сибирский учительский съезд и первый Сибирский метеорологический съезд.

¹¹ Сибирь (Иркутск). 1917, 19 мая; Наш голос (Красноярск). 1917, 9 июля.

¹² Свободный край (Иркутск). 1917, 5 ноября.

¹³ Сибирь. 1917, 21 мая.

учительством, сделать его носителем эсеровской идеологии в деревне и одновременно нейтрализовать распространение среди сельской интеллигенции большевистских взглядов.

Другим важным моментом источниковедческого анализа является изучение вопроса о том, какие организации в какой форме присылали приветствия съездам интеллигенции. Традиционно представительство так называемых общественных организаций (куда входили и политические партии) было весьма высоким — до 10—15% от состава участников¹⁴. Не менее значимо выяснение качественного состава. Так, сравнение состава представителей от различных политических партий на трех губернских съездах учителей в Иркутске (апрель, май, июнь 1917 г.) показывает, что если на первых двух съездах, где делегатами были сельские и городские низы учительства, кадеты не выступали с приветствиями, тем более не предлагали политических резолюций, то на июльском съезде учителей средних школ Восточной Сибири кадеты, опираясь на родственную социальную среду, сами нейтрализовали эсеров, провалив все их основные резолюции.

Материалы печати содержат уникальные сведения об идейно-политической борьбе при обсуждении общеполитических вопросов. Особенно ожесточенный характер борьба большевиков с непролетарскими партиями за массу работников умственного труда принимает после окончания мирного этапа развития революции. Партийная борьба на съездах интеллигенции в период между Февралем и Октябрем в большинстве случаев приносила победу эсерам и меньшевикам, которым традиционно доверяли социально родственные им мелкобуржуазные группы интеллигенции. Съезд тогда заканчивался принятием резолюций, в которых группы интеллигенции присоединялись к эсеро-меньшевистским взглядам на политику. Так, в решениях общеполитических вопросов по отношению к войне и власти всеми съездами принимались резолюции в духе революционного оборончества и необходимости поддержки Временного правительства (сущность революций, как правило, не меняли отраженные в них момент пацифизма и принцип условного доверия буржуазному правительству с необходимостью контроля за его деятельностью). Это, однако, не означало, что все участники съездов врачей, учителей, агрономов и т. д. думали и мыслили эсеро-меньшевистскими категориями.

¹⁴ Наш голос. 1917, 22 авг.; Свободный край. 1917, 5 ноября и др.

На смену «мартовским» настроениям восторженности и безоговорочного доверия представителям мелкобуржуазных партий у рядовой интеллигенции приходят скептицизм, разочарование в том курсе на соглашательство с буржуазией, которого эсеры и меньшевики упорно добивались. На смену весенним съездам, прошедшим под знаком стремления групп интеллигенции консолидироваться и сыграть роль выразителя интересов всего общества и примирителя классовых антагонизмов, приходят августовско-сентябрьские съезды, несущие обострение классовой борьбы и раскол внутри профессиональных групп интеллигенции на течения, примыкающие к различным политическим партиям. Эсеро-меньшевистской гегемонии на съездах приходит конец, большевики еще не добились принятия предлагаемых ими резолюций, но своими выступлениями и отстаиванием позиций начали влиять на настроения рядовой массы работников умственного труда. Растет пассивное восприятие политики мелкобуржуазных партий, повышается удельный вес воздержавшихся при голосовании за эсеро-меньшевистские резолюции.

Информационные возможности газетных материалов о съездах интеллигенции позволяют осуществить качественный анализ данных явлений, то есть классифицировать и в конечном счете дать им итоговую оценку. По своему содержанию съезды интеллигенции 1917 г. профессионально-политические. Соотношение данных тенденций в профессиональных группах было неодинаковым. Исходя из принципа доминирования либо профессиональных, либо политических вопросов на съезде, можно определить степень социальной активности или пассивности у различных профессий работников умственного труда в период между Февралем и Октябрем, а путем сопоставления по этому показателю ряда съездов — некоторую господствующую позицию в среде интеллигенции на различных этапах этого исторического периода.

Съезды интеллигенции 1917 г. отличались рядом типологических признаков. В первую очередь, это касалось состава участников (было самое широкое представительство не только членов профессиональной группы, но и делегатов от государственных и общественных организаций, политических партий), уровня политической сознательности и активности (который был неодинаковым для рядовой массы работников умственного труда и для лидеров групп), форм и методов борьбы за реализацию принятых решений.

Из сказанного следует, что значение анализа материалов газет о съездах интеллигенции трудно переоценить: появляется реальная возможность исследования границ и направленности общественно-политической активности групп интеллигенции. Одним из центральных пунктов анализа является выявление механизма выработки и принятия решений и деятельности по их реализации. Исследовательская задача требует выяснения того, какие группы участвовали в выработке решений, насколько принятые решения являлись общепризнанными и реалистичными, каковы формы борьбы за их превращение в жизнь.

На основе газетного анализа хода и принятых съездами интеллигенции 1917 г. решений подтверждаются основные закономерности, характеризующие политическое поведение массовых групп интеллигенции на этапе от Февраля к Октябрю: переход от активного включения специалистов и служащих в сферу политической жизни весной 1917 г. к столь же четко обозначившемуся отливу осенью 1917 г. их из сферы политики; переход от бессознательной доверчивости к лидерству мелкобуржуазных партий, к потере меньшевиками и эсерами своих позиций в интеллигентской массе; переход от недифференцированных в политическом плане общедемократических требований весной 1917 г. к резкому идейно-политическому размежеванию осенью 1917 г. и необходимости самоопределения по отношению к основным классам и партиям.

Общая тенденция проявилась и в противоречивости результатов массового и активного включения интеллигенции в политическую жизнь. Так, с одной стороны, рядовая интеллигенция, приобретая собственный политический опыт по мере развития революционного процесса, переставала играть роль статистов в руках буржуазных и мелкобуржуазных партий. Однако это не приводило ее автоматически на позиции пролетариата. Налицо была потеря этими группами исторической перспективы, в результате чего, по словам В. И. Ленина, большевики получили в наследство от старой России «отчаявшуюся интеллигенцию»¹⁵.

Для обоснования приведенных выше общесоциологических закономерностей политического поведения основных прослоек интеллигенции в эпоху социалистической революции необходим анализ не одного, а ряда съездов, выделяя

свою очередь, среди них наиболее типично и полно отражающие позиции тех или иных групп в конкретно-исторической обстановке 1917 г.

Это, во-первых, группа уездных учительских съездов Томской губернии (апрель — середина мая 1917 г.), характеризующихся следующими факторами: социально-профессиональная однородность состава участников; схожесть основного круга обсуждаемых вопросов и характера принятых решений; солидарность в борьбе за их воплощение.

Полоса уездных учительских съездов Томской губернии, начавшаяся в Новониколаевске 5 апреля и завершившаяся съездом в Змеиногорске 17 мая — закономерный подготовительный этап для созыва общегубернского учительского съезда в Томске 21 мая 1917 г.¹⁶ Это были съезды, где впервые в организованном масштабе заявила о себе, своих требованиях и политических оценках рядовая масса учителя.

Съезды имели профессионально-политическую окраску, так как решение даже специфических, профессиональных проблем справедливо мыслилось рядовым сельским и городским учительством лишь в тесной взаимосвязи с общественными интересами.

Более того, обсуждению общеполитических вопросов придавалось первоочередное значение. Отношение к войне и миру, к форме государственного устройства, к Временному правительству и Советам, — в выработке общих позиций по данным вопросам учительство видело залог для прогрессивного развития школы после свержения самодержавия. Выделялась отчетливая взаимосвязь между степенью радикальности в оценке политических явлений с такой же мерой решительности в преобразовании сферы образования. В принятых на уездных учительских съездах резолюциях повсеместно выдвигались требования скорейшего созыва Учредительного собрания и установления в стране демократической республики. Тем самым достигалась та общая,

¹⁶ Иные формы принял процесс профессиональной консолидации учителя в Восточной Сибири, где общегубернский и областной съезды учителей в Иркутске и Чите, прошедшие соответственно 3 и 6 апреля, предшествовали уездным съездам, сделав большинство последних излишними. Поэтому в целом организационное оформление сельского учительства в этих районах осуществлялось не столь интенсивно, как в Западной Сибири, где к концу мая завершилось создание краевого учительского органа.

¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 420—421.

необходимая для консолидации политическая платформа, за пределами которой оказывались монархические элементы. Исходя из этого, на следующем этапе участники съездов выработывали принципы демократизации школы, среди которых основными являлись три: устранить бюрократические органы руководства образованием; учредить новые, демократические органы; установить выборное начало для администрации и преподавателей.

Однако ни один из этих основных принципов не был претворен в жизнь ни весной, ни летом 1917 г.: как и в других сферах, в области школьного строительства Временное правительство по всем вопросам заняло реакционные позиции. Это привело к тому, что к осени 1917 г. значительная масса учительства начальных школ испытывала состояние острой неудовлетворенности действиями Временного правительства. Учитывая, что большинство социальных установок специалистов формируется в преломлении через сферу профессиональных интересов, правомерен вывод о том, что в канун Октября рядовое учительство перешло с позиций безоговорочного, восторженного доверия Временному правительству на позиции недоверия, разочарования. Даже далекий от революционности проэсеровский кооперативный орган «Народные мысли» (Мариинск) отмечал: «В области школьного преподавания почти все остается, как было при старом правительстве. Ни высшая, ни средняя, ни низшая школа не получили ничего, кроме обещаний... Что же касается смены старых администраторов, изъятия школ из рук духовенства, реформы управления школьным делом в духе демократии, то все это до сего времени остается только пожеланиями»¹⁷.

Учительство постепенно приходило к сознанию того, что тормозом для демократизации системы образования является буржуазная власть, но практические выводы из этого различные группы делали далеко не однозначные. В одном случае наметившееся еще весной 1917 г. сближение прогрессивного, передового учительства с трудящимися и их классовыми организациями продолжалось и позднее, накануне Октября. Так, исследователи отмечают, что совместные действия рядового омского учительства и местного Совета позволили добиться значительных результатов в реорганизации управления делом народного образования как в

¹⁷ Народные мысли (Мариинск). 1917, 6 июня.

городе, так и в области. Не случайно и то, что именно омскому учительству удалось создать единственную в своем роде Краевую учительскую организацию на территории Сибири¹⁸.

Понимание невозможности решения коренных вопросов школьной жизни без борьбы за перестройку всего общества привело в ряды активных сторонников Советской власти бывшего инспектора народных училищ Змеиногорского уезда А. М. Шалаева и некоторых других представителей бывшей царской администрации¹⁹.

Однако прогрессивный по своей направленности сдвиг в политических позициях народного учительства осуществлялся и протекал не в виде восходящей линии, а с характерными и типичными спадами. Так, тенденция к спаду общественной активности учительства наметилась осенью 1917 г., когда усилился процесс активизации трудящихся в борьбе против Временного правительства. Для учительства же переход на позиции политической пассивности оказался не случаен, он был обусловлен невозможностью осуществления буржуазным правительством насущных общеполитических и профессиональных преобразований, добиться провозглашенной в февральской революции программы. Из усвоенного политического урока следовал вывод, что учительство как общественная группа в одиночку не в состоянии добиться решения своих групповых установок вне коренного преобразования политической жизни. Однако в значительной своей части учительство как бы остановилось на полпути, проявив стремление при отходе от острых политических вопросов к концентрации усилий на решении профессиональных вопросов. Весьма примечательно в этом отношении сопоставление двух съездов учителей Новоиколаевского уезда, проходивших в начале апреля и в начале сентября 1917 г. Апрельским съездом была намечена подробная программа в области школьного строительства²⁰; сентябрьский съезд проходил под знаком преобладающего внимания учителей

¹⁸ См.: Трофимов П. Л. От общества взаимопомощи учителей до профессионального союза работников просвещения. — В кн.: Из истории советской интеллигенции. Новосибирск, 1974, с. 66—67.

¹⁹ ГАТО. ф. Р-1, оп. 1, д. 325, л. 100; Соскин В. Л. Очерки истории культуры... с. 99, 181.

²⁰ Свободная Сибирь (Новоиколаевск). 1917, 9 апр.

к организации собственных кооперативов, профессиональных союзов и т. д.²¹.

Другая группа съездов сконцентрирована в рамках месяца, с середины мая по середину июня 1917 года, то есть связаны они со временем образования коалиционного правительства первого состава. Их объединяет и место проведения — Иркутск: общегубернский съезд народных учителей (17 — 24 мая), съезд ветеринаров (25 мая), съезд духовенства (29 мая — 11 июня); областной съезд деятелей средней школы Восточно-Сибирского учебного округа (10 — 17 июня).

Соотношение между обсуждением вопросов профессионального и политического характера становится качественным в сравнении со съездами, прошедшими до апрельского кризиса. Если на первых съездах интеллигенции преобладали краткие и весьма недифференцированные общеполитические резолюции, то на майско-июньских классовые противоречия и, соответственно, партийная борьба становятся более отчетливыми, равно как и более определенными становятся резолюции политического характера. В них уже намечаются «точки роста», знаменующие переход от слабо дифференцированных, в классовом отношении восторженных «мартовских» настроений к постановке альтернатив: Временное правительство или Советы, война или немедленное заключение мира.

Месяц, прошедший с момента окончания (7 апреля) первого общегубернского учительского съезда в Иркутске, был использован основными политическими партиями для ориентации массы городского и сельского учительства. С 1 по 15 мая работали учительские курсы, на которых приоритет отдавался лекциям по политическим вопросам. Партийный состав лекторов (из 11 человек — 8 эсеров, 2 социал-демократа и один беспартийный)²² свидетельствовал о том, что эсеры в первые месяцы после Февраля наиболее активно стремились использовать тягу мелкобуржуазных и полупролетарских групп интеллигенции к политике.

Собравшийся 18 мая 1917 г. съезд народных учителей Иркутской губернии уже в первый день работы выявил существенное расхождение по вопросу о том, какая платформа должна быть у учительской организации — чисто профес-

сиональная или профессионально-политическая. Эсеровская часть делегатов, возглавляемая лидером, будущим членом ЦК партии В. Г. Архангельским, предлагала учительству в качестве минимальной платформы «республиканско-демократическую» (признание для России единственно приемлемой формой государства республику и необходимость скорейшего созыва Учредительного собрания). Однако даже эта, по мнению Архангельского, формула «минимума политических требований» вызвала столкновение среди делегатов: часть учительства стояла на стороне аполитичности объединения, а другую уже не устраивали бесконечные декларации эсеров. В результате обсуждения предложения эсеров были приняты, но незначительным большинством²⁴.

Несмотря на выявившееся нежелание учительства слепо следовать за эсерами, последние попытались завоевать другую категорию учительства — педагогов средних школ, используя для этого открывшийся 10 июня 1917 г. губернский съезд этой группы. На нем эсеры стремились представить учительство гармоничной группой. «У нас нет никаких эксцессов, нет забастовок, никаких повышенных требований», — утверждал известный эсер, будущий городской голова Иркутска Н. А. Чичинадзе. Но прокадетские элементы «взорвали» эсеровскую «гармонию», отвергнув как политические резолюции эсеров, так и выработанные ими для всего учительства «профессионально-политическую платформу», которая собрала при голосовании всего около 1/3 голосов²⁵.

В резолюции, принятой по вопросу о войне и мире, противоречиво сочетались пацифизм и оборончество. Начинаясь со слов о том, что мир для России может быть только миром без аннексий и контрибуций, резолюция содержала далее утверждение о том, что в данный момент демократическая общественность воюющих стран еще слаба, и поэтому «съезд считает своей обязанностью способствовать восстановлению боеспособности армии для активной защиты на фронте дела русской революции»²⁶. Не случайно, что кадетский оратор Н. И. Горчаков четко определил то, что

²³ Сибирь. 1917, 20 мая.

²⁴ На апрельском съезде эсеровская политическая платформа собрала 80% голосов. На майском съезде число их сторонников уменьшилось до 60% (Сибирь. 1917, 8 апр., и 20 мая).

²⁵ Сибирь. 1917, 16 июня.

²⁶ Сибирь. 1917, 17 июня.

²¹ Голос Сибири (Новониколаевск). 1917, 6 сент.

²² Сибирь. 1917, 21 мая.

было для буржуазии близким в содержании требований мелкобуржуазной массы учительства: «Только победа русских и союзников позволит заключить мир... Все же призывы к демократии воюющих государств останутся без ответа»²⁷.

В целом съезд учителей средней школы с точки зрения анализа принятых решений по общеполитическим вопросам имел более правую окраску, нежели съезд учителей начальных школ. О том, какой из двух оттенков мелкобуржуазной ориентации преобладал в отмеченный период среди интеллигенции, можно судить, исходя из решений съездов ветеринаров, а также духовенства Иркутской губернии.

Съезд ветеринаров, на своем заседании 25 мая призвавший к продолжению войны вплоть «до торжества идей мелкобуржуазного мира без аннексий и контрибуций», а в вопросе о власти — к выражению полного доверия и поддержке коалиционного правительства, имел, безусловно, про буржуазную ориентацию²⁸. Отчетливо эта тенденция нашла отражение и в решениях съезда духовенства, несмотря на достаточно обтекаемые формулировки, требующих «оказать поддержку представителям той политической мысли, которая находится в большем контакте с пастырской совестью, которая, воплощаясь, принимает характер внеклассового движения в защиту всех...»²⁹. Роль политических наставников духовенства играли иркутские кадеты Д. Кочнев, Н. Горчаков и другие.

Развернутая общеполитическая резолюция, принятая на краевом Западно-Сибирском учительском съезде в начале июня (Омск), несла на себе признаки гораздо большего радикализма. Так, применительно к Временному правительству речь шла не о «полном доверии и всемерной поддержке» вообще, а о необходимости контроля со стороны Советов за его деятельностью. Внешнеполитическую цель съезд видел в «скорейшем восстановлении международного мира без аннексий и контрибуций с правом больших и малых народностей на самоопределение»³⁰. Важно отметить, что в вопросе о войне рядовое учительство Западной Сибири не копировало резолюцию, принятую Всероссийским

²⁷ Там же, 16 июня.

²⁸ Там же, 3 июня.

²⁹ Там же, 3 июня.

³⁰ Свободная Сибирь (Новоиколаевск). 1917, 8 июня; ГАОО, ф. 2069, оп. 1, д. 2, л. 7.

учительским съездом весной 1917 г. и говорившую о войне до победного конца³¹.

Сравнительный анализ подтверждает, таким образом, известный тезис о различиях в революционном потенциале нижней части учительства и преподавателей средней школы (последние переходили на охранительные позиции), а также положение о схожести политических ориентаций учительских низов в различных районах страны. Февральская революция не сгладила, а, напротив, усилила, углубила социальную дистанцию между верхами и низшей прослойкой учительства. В тех же случаях, когда эти прослойки соединялись в рамках одной организации, низы подчинялись политической линии, осуществляемой верхами. Однако полностью те и другие группы никогда не сливались, и по мере дальнейшего развития революционного процесса в стране съезды интеллигенции становились все более конфликтными.

После июльского кризиса съезды в гораздо большей степени становятся местом столкновения и борьбы различных партийных группировок. Политические партии добивались уже не просто политизации работников умственного труда «вообще», а того, чтобы сделать их своими сторонниками. Проблема самоопределения ставится перед интеллигенцией как обязательная. И хотя по-прежнему мелкобуржуазные партии сохраняли свое ведущее положение в учительской среде, их гегемония была уже не столь прочной, безоговорочной, как в условиях весны 1917 г. Преобладающее влияние мелкобуржуазных партий к осени 1917 г. было теперь уже не чем иным, как анахронизмом: на общем фоне полевого не только пролетарских, но и непролетарских слоев трудящихся движение интеллигенции теряло свою цельность, организационное единство, т.е. качества, приобретенные весной 1917 г., и дробилось на отдельные течения, более четко ориентированные на ту или иную классовую позицию.

Отмеченная черта в полной мере отразилась в работе общегубернского учительского съезда в Красноярске (1 — 9 августа 1917 г.), который начался с инцидента политического характера. Во всех местных газетах было напечатано открытое письмо-протест группы учителей-латышей против той обструкции, которую правозсеровская часть учительства устроила большевику А. И. Окулову, обратившемуся с

³¹ ГАОО, ф. 2 069, оп. 1, д. 1, л. 11.

призывом осудить репрессии против пролетарской партии, требовать передачи власти Советам. В начале августа, в обстановке массовой кампании, направленной против большевиков, трудно было ожидать иной реакции от интеллигенции. Однако, как вынуждена была признать проэсеровская газета «Наш голос», выступление А. И. Окулова прерывалось не только криками и свистом, но и аплодисментами³². Резолюция протеста группы латышей из 7 человек была поддержана еще 17-ю делегатами. И хотя съезд прошел под влиянием эсеров и меньшевиков, последним невозможно было уже не считаться с воздействием большевистских оценок текущих событий на рядовое учительство. После речи большевика Я. Е. Бограда, выдвинувшего резолюцию по текущему моменту, выступила целая группа меньшевиков и эсеров, а лидер последних Н. В. Фомин даже дважды с целью нейтрализации большевиков.

Политическая резолюция, продиктованная учительскому съезду эсерами и меньшевиками, содержала все коренные признаки соглашательского курса мелкой буржуазии: оборонческая резолюция в вопросе о войне; одобрение «вступления товарищей социалистов во Временное правительство, признавая право за революционными органами отзываться их...»; убеждение в том, что только учредительное собрание может разрешить переживаемый революционный кризис» и т. д.³³. Однако принятая съездом программа фактически уже не отражала настроений рядового сельского учительства. Своей борьбой против большевиков в печати, на митингах и съездах меньшевики и эсеры объективно пробуждали острый и повышенный интерес аполитично настроенных элементов к большевизму (явление, о котором говорил В. И. Ленин)³⁴. К полной неожиданности устроителей летних педагогических курсов для учительства Енисейской губернии, оно проявило громадный интерес к прочитанной 16 августа видным пропагандистом-большевиком Г. С. Вейнбаумом лекции «О взглядах большевиков», которую даже политические противники были вынуждены признать «обстоятельной»³⁵.

Интеллигенция подвергалась наиболее массовой пропаганде в духе антибольшевизма. И тем более значи-

³² Наш голос (Красноярск). 1917, 8 авг.

³³ Там же, 19 авг.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 85.

³⁵ Наш голос, 3 сент.

тельной представляется деятельность красноярских большевиков, которые не только выдержали идеологические атаки, но в сложнейших условиях использовали всевозможные формы ведения работы среди тружеников умственного труда, преодолевая недоверие и настороженность последних.

Обращение к интеллигенции с предложениями о совместной работе с пролетарскими организациями, исходившими от большевиков и представителей Совета рабочих и солдатских депутатов³⁶, преследовало цель еще до взятия власти Советами создать условия для сближения работников умственного и физического труда. Но сам процесс сближения наталкивался на серьезные трудности, одной из которых были антиинтеллигентские настроения отсталой части рабочих и отсутствие у специалистов традиций совместных действий с пролетариатом.

Вместе с тем следует отметить, что экономическая и политическая борьба пролетариата оказывала на позиции интеллигенции определенное, весьма существенное, хотя и опосредствованное воздействие. Под влиянием действий пролетариата в защиту своих материальных интересов различные категории специалистов и служащих начали активно отстаивать собственные интересы.

Как уже отмечалось, уход в обсуждение вопросов правового и материально-бытового положения нередко сопровождался конфликтами внутри профессиональных групп между социальными слоями. Так, на созданном по инициативе формирующихся земских организаций с целью создания врачебно-санитарного Совета II съезде врачей и фельдшеров Алтайской губернии (5 — 6 октября 1917 г.) произошли серьезные разногласия между высшей и средней группами медицинских работников: последние требовали уравнивания с врачами в правовом положении и уменьшения заработка в заработной плате³⁷.

В конце октября в Иркутске состоялся первый сибирский метеорологический съезд, собравший широкий круг специалистов. В центре съезда стояли научные и научно-организационные вопросы, связанные с оценкой уровня исследователей и необходимостью прикладного их использования³⁸.

Съезд, будучи наиболее значительным организационным событием научной жизни Сибири в 1917 г., был подготов-

³⁶ Голос труда. 1917, 25 окт.

³⁷ Там же, 8 окт.

³⁸ Свободный край. 1917, 25 окт.

лен как логикой развития самой науки, так и желанием специалистов найти пути для существенного улучшения работы метеорологических служб в регионе. Таким образом, в самом факте созыва подобного съезда проявилась заинтересованность кадров науки в более полном использовании их общественно полезного труда. И в то же время важно отметить, что метеорологический съезд (его работа совпала со временем октябрьского восстания в Петрограде) не вышел за узкоакадемические рамки. И дело не только в том, что кадры науки и до революции традиционно «отгораживались» от политики. Напротив, среди организаторов съезда находились весьма политически активные деятели: известный своими правыми ориентациями томский профессор Б. П. Вейберг, руководитель иркутской обсерватории, разделяющий взгляды кадетов С. В. Шимановский, один из членов правления ВСОРГО народный социалист Д. З. Белкин и некоторые другие. Налицо явное несоответствие между тем, что политическая окраска центральных деятелей съезда явно правая, историческая обстановка требует от них активизации по всем направлениям, а съезд вообще не обсуждал общеполитических вопросов. Суть, видимо, отнюдь не в нежелании этой группы направить энергию участников съезда в нужное для буржуазных политиков русло, а в неспособности их вызвать подобную активность в обстановке общенационального кризиса, когда объективно шел процесс, охарактеризованный В. И. Лениным как «вымывание» средних слоев³⁹, когда уход в аполитичность представлялся интеллигенции удачной формой социальной самозащиты в условиях резкого обострения классовой борьбы во всех ее основных формах (экономической, политической, идеологической).

В целом же съезды интеллигенции 1917 г., проанализированные в их динамике, говорят о том, что значительная масса интеллигенции в лице ее мелкобуржуазной и пролетарской прослоек накануне Октября отошла от активной поддержки буржуазного Временного правительства, что явилось одним из факторов, ускоривших его падение и облегчивших тем самым осуществление социалистической революции. Не случайно, выступая уже после Октября с обобщением его исторического опыта и уроков, В. И. Ленин отмечал: «Пролетариат для своей победы должен ...пра-

вильно выбрать момент решающего нападения на буржуазию, учитывая, между прочим, разъединение буржуазии с ее мелкобуржуазными союзниками или непрочность их союза и т. д.»⁴⁰.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 32, с. 430.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 23—24.

А. А. БОНДАРЕНКО

ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ СИБИРИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Летом 1918 г. под объединенным ударом сил внешней и внутренней контрреволюции власть Советов в Сибири временно пала. Конкретный ход этих событий, причины победы сил реакции над сторонниками Советов, а также вопрос о предательской роли в них правых эсеров достаточно полно освещены в 4-том «Истории Сибири», известных работах А. Х. Клеванского, В. А. Кадейкина, М. Е. Плотниковой, В. В. Гармизы, В. С. Познанского и других историков¹. Автор данной статьи ставит перед собой цель остановиться специально на тех вопросах, дальнейшее изучение которых позволит определить роль и место левых эсеров в начальном периоде гражданской войны в крае. Пока эта проблема не получила должной разработки в советской историографии.

Партия левых социалистов-революционеров, хотя и определила начавшееся в конце мая 1918 г. в восточных районах страны выступление белочехов как явно антисоветское и призвала своих сторонников встать на защиту власти трудящихся, фактически превратилась к этому времени в контрреволюционную силу. В конце весны — начале лета 1918 г., когда в деревне, по словам В. И. Ленина, началась социалистическая революция в подлинном смысле этого слова, левые эсеры во главе со своим ЦК, выступив против по-

литики рабоче-крестьянской власти в деревне, прямо встали на защиту интересов сельской буржуазии. Логическим завершением эволюции левых эсеров от сотрудничества с большевиками и Советской властью в лагерь врагов революции явился антисоветский мятеж 6 июля в Москве, подготовленный центральным комитетом этой партии. Мятеж ознаменовал собой окончательный разрыв блока левых эсеров с коммунистами.

Вскоре после этого партия левых эсеров полностью утратила поддержку масс, потерпела сильнейшее политическое банкротство. Левые эсеры превратились, по меткому определению В. И. Ленина, в «социалистов в кавычках», стали пешкой «в руках ярославских белогвардейцев»². Начинается необратимый и быстро прогрессирующий процесс организационного распада левозэсеровской партии³.

Иначе развивались для организаций этого крыла эсеровской партии события в Сибири.

Следует, однако, отметить, что весной 1918 г. в связи с ратификацией Брестского мирного договора, с углублением социалистической революции в деревне амплитуда колебаний сибирских левых эсеров тоже резко возросла, и между ними и коммунистами явно определились и стали углубляться противоречия не только по отношению к Бресту, но и по ряду других вопросов, в первую очередь по вопросу о диктатуре пролетариата. Но к началу чехословацкого мятежа сибирские левые эсеры продолжали в целом оставаться в рядах сторонников Советской власти и сотрудничали с коммунистами.

Сохранению блока большевиков и левых эсеров в Сибири способствовали, на наш взгляд, следующие причины. Во-первых, Брестский мир не привел к таким острым разногласиям между ними, как в Европейской России, в силу того, что, с одной стороны, многие сибирские большевики, особенно на первых порах, по вопросу о Бресте оказались на позициях «левых коммунистов», а, с другой стороны, часть сибирских левых эсеров, хотя и была в принципе не согласна с условиями мирного договора с Германией, вы-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., с. 37, с. 12.

³ Подробнее см.: Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975, с. 244—297; Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968, с. 161—168, 186—205; Шестак Ю. И. Банкротство партии левых эсеров. — Вестник/Московск. ун-т. Сер. ист. 1973, № 2, с. 36—50 и др.

¹ См.: История Сибири. Л., 1968, т. 4, с. 90—99; Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965; Кадейкин В. А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований. Кемерово, 1966; Плотникова М. Е. К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1969, вып. 4, с. 172—188; Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск, 1973.

сказалась за его ратификацию. Во-вторых, и, пожалуй, это главное, классовая борьба в сибирской деревне весной 1918 г. не достигла такой остроты, как в европейской части страны. В Сибири не были введены в действие декреты ВЦИК о продовольственной диктатуре. Здесь не успели провести в жизнь и закон о комбедах. Это сглаживало противоречия между двумя партиями в Сибири. Наконец, сохранению блока между сибирскими большевиками и левыми эсерами способствовало и то обстоятельство, что отдельные левозсеровские организации в Сибири, состоявшие в основном из рабочих, высказывались даже за признание диктатуры пролетариата.

Вышеуказанные причины обусловили то, что, когда рано утром 25 мая 1918 г. вспыхнул подготовленный «союзниками» мятеж чехословацкого корпуса и над властью Советов нависла смертельная опасность, большинство сибирских левых эсеров вместе с коммунистами с оружием в руках выступили на защиту ее завоеваний.

Одним из первых городов, захваченных мятежниками в Сибири, был Мариинск. Это произошло 25 мая 1918 г. 26 мая в Мариинске прошло заседание оставшихся в городе членов Совета, где была избрана революционная коллегия по управлению городом, в состав которой вошли 3 представителя от Совета и по одному от партий большевиков, меньшевиков, правых и левых эсеров. Но вскоре «либерализм» чехов закончился: оставшиеся в городе члены исполкома Совета были арестованы; вместо революционной коллегии был избран временный комитет общественной безопасности, состоявший из меньшевиков и правых эсеров; было намечено провести в ближайшем будущем выборы в городскую думу и восстановить земское самоуправление. Советская власть в Мариинске была ликвидирована⁴.

Отошедшие из Мариинска красногвардейцы и советские работники, среди которых были и левые эсеры, заняли оборону на восточных подступах к городу. К ним на помощь подошли красногвардейский отряд из с. Итат под командованием М. Х. Перевалова и отряд из Красноярска, командиром которого был назначен председатель военного отдела исполкома Красноярского Совета левый эсер М. И. Соловьев. Образовался Мариинский фронт. М. И. Соловьев стал

⁴ Голос народа (Томск). 1918, 6 июня.

командующим этим фронтом. Бои продолжались здесь до середины июня 1918 г.⁵

С запада на Мариинск вели наступление красногвардейские отряды шахтеров Анжерских и Судженских копей, среди которых были и левые эсеры. Отрядом анжерских красногвардейцев под Мариинском командовал левый эсер П. Сашенко. В боях за Мариинск шахтеры-красногвардейцы проявили большое мужество и героизм⁶.

Активное участие в борьбе с начавшимся выступлением чехо-белых принимал лидер красноярских левых эсеров Н. В. Мазурин, с конца января 1918 г. являвшийся членом исполкома Совжелдепа Томской дороги и членом коллегии по ее управлению, а 17 мая избранный комиссаром дороги.

С началом выступления чехов в Мариинске Н. В. Мазурин выехал туда с целью разобраться в причинах конфликта и разрешить его мирным путем. Но чехословаки, естественно, от переговоров отказались⁷. Н. В. Мазурин прибыл в Томск, где осуществил ряд важных мероприятий, направленных на организацию отпора мятежникам (28 мая им, в частности, была объявлена мобилизация всей железнодорожной Красной гвардии), и, как вспоминал хорошо знавший его по совместной работе К. Монастырев, «уехал обратно на фронт». В Тайге и Анжерке Н. В. Мазурин энергично призывал рабочих к организации отпора контрреволюции и как результат этого «можно было видеть, как прямо с собраний рабочие в одиночку и группами отправлялись на фронт против чехов»⁸.

После поражения советских войск Н. В. Мазурин был арестован и заключен в томскую тюрьму⁹. Находясь в тюрьме, он пытался дать анализ происшедшим событиям, о чем свидетельствует его рукопись, начатая 10 сентября 1918 г., т.е. спустя несколько месяцев после переворота. В ней Н. В. Мазурин, в частности, писал, что антисоветское восстание, возглавляемое правыми эсерами и примкнувшими к ним чуждыми «какому-то там народоправству» эле-

⁵ Красноярский Совет (Сб. док.). Красноярск. 1960, с. 492; Познанский В. С. Указ. соч., с. 163, 169—171, 177.

⁶ См.: Кадейкин В. А. Рабочие Сибири..., с. 309—311.

⁷ См.: Познанский В. С. Указ. соч., с. 163.

⁸ Монастырев К. Тов. Мазурин. — В кн.: Томские железнодорожники на путях к Советам. Томск, 1928, с. 87.

⁹ Монастырев К. Указ. соч., с. 87; ГАТО, ф. 1612, оп. 1, д. 128, л. 16.

ментами, было глубоко антинародным и что партия эсеров, «организовывая переворот в подполье, ...привлекала в качестве боевой силы такие элементы, которым ее социализм нужен так же, как самой партии, напр., китайский богдыхан». Поэтому, приходит к выводу Н. В. Мазурин, правые эсеры не могли стать и не стали после переворота хозяевами положения, а их широкообещательные обещания остались пустыми словами. Они просто расчистили реакционному пути к власти¹⁰. Вскоре выводы Н. В. Мазурина были полностью подтверждены историей. Но ему самому быть свидетелем этого не пришлось. В 20-х числах октября 1918 г. Н. В. Мазурин, как представлявший особую опасность для белогвардейцев советский работник, был вывезен из томской тюрьмы и расстрелян, по одним сведениям, в Кольчугино, а по другим — на перегоне Тайга — Яшкино¹¹.

Выступление чехословаков в Новониколаевске в ночь с 25 на 26 мая 1918 г. для местного Совета, как, впрочем, и для многих других Советов Сибири, было неожиданным. Поэтому дать мятежникам организованный отпор не удалось. Белогвардейцами в городе наряду с большевиками были арестованы и советские работники из левых эсеров, в том числе члены исполкома Новониколаевского Совдепа и члены комитета новониколаевской левозэсеровской организации А. И. Храплюков и Д. М. Полковников, заведующий крестьянским отделом исполкома Новониколаевского городского Совета Р. Н. Шаргородский и некоторые другие.

Правые эсеры, занявшие после переворота ключевые посты в органах новой «власти» в Новониколаевске, за месяц до мятежа, характеризуя местных левых эсеров, подчеркивали, что последние «пляшут под дудочку большевиков и ничем своего идейного лица не выявляют... и трудно установить разницу и грань между ними». И поэтому задача выяснить, «где начинается «левый» с. -р. и где кончается большевик», была для правых эсеров «трудной» и «не разрешимой»¹².

Но не все из арестованных в Новониколаевске левых эсеров оказались до конца стойкими и преданными Советской власти. Так, старый большевик С. Шварц впоследствии вспоминал, что начальник новониколаевской милиции ле-

вый эсер Голоборедко, находясь под арестом и будучи вызван на допрос, «плакал и кричал, что не виноват». Правда, здесь же С. Шварц отметил, что Голоборедко попал в партию левых эсеров «по какому-то недоразумению»¹³.

Другие левые эсеры Новониколаевска А. Храплюков, П. Васехо, Р. Шаргородский, оказавшись в тюрьме, остались преданными Советской власти до конца. А Д. М. Полковников 4 июня 1918 г. вместе с тремя другими руководителями Совета был зверски убит белогвардейцами «при попытке к бегству»¹⁴.

В Томске 26 мая 1918 г. общее собрание слушателей Сибирских областных курсов по подготовке инструкторов для проведения в жизнь Закона о социализации земли в присутствии 194 человек, среди которых было немало левых эсеров, обсудив вопрос о текущем моменте, приняло решение о том, что только власть Советов «дает полное освобождение трудящимся от векового гнета капитала», а поэтому «мы, представители волостных Советов почти всей Сибири, требуем применения самых беспощадных мер ко всем врагам трудящихся и заявляем, что в нужную минуту все как один встанем на защиту Советской власти»¹⁵.

Томские левые эсеры, состоявшие членами Красной гвардии, в майские дни 1918 г. приняли непосредственное участие в вооруженной борьбе с белогвардейцами. Они 27 мая участвовали в аресте советскими органами секретаря местной эсеровской организации П. Михайлова и 3 членов Всесибирского краевого комитета партии эсеров, которые на конспиративной квартире обсуждали план антисоветского переворота. Заговорщики, находясь под арестом, как вспоминал активный участник этих событий И. П. Подоплелов, бывший тогда членом томской левозэсеровской организации, вели себя крайне вызывающе: «Михайлов едко подсмеивался над часовыми... указывал на левых эсеров-красногвардейцев, подчеркивая, что на них нужно нажать в первую голову... особенно намекал на более активных, просил запоминать их лица...»¹⁶.

¹³ Шварц С. Работа в Новониколаевске после 1917 года. — Сборник истпарта № 1. Новониколаевск, 1923, с. 70.

¹⁴ Шварц С. Указ. соч., с. 70—71; Шварц Д. Профессиональный союз грузчиков в Новониколаевске. — Сборник истпарта, № 1, с. 43.

¹⁵ Знамя революции (Томск). 1918, 30 мая.

¹⁶ ПАТО. ф. 4204, оп. 1. д. 44, л. 45.

¹⁰ ГАНО, ф. 143, оп. 1, д. 36, л. 8.

¹¹ ПАКК, ф. 42, оп. 6, д. 507, л. 1; Монастырев К. Указ. соч., с. 87.

¹² Верный путь народа (Томск). 1918, 30 апр

Левые эсеры-красногвардейцы участвовали в подавлении в Томске 28 мая 1918 г. вооруженного выступления бело-гвардейцев. Здесь и проявилось истинное отношение левых эсеров Томска к власти Советов. И если наиболее активная их часть, по воспоминаниям того же И. П. Подоплелова, еще теснее сплотилась с большевиками, то некоторые стремились отойти от активной борьбы¹⁷.

Левые эсеры Чистяков, Герасимов, Подоплелов и Ильяшенко присутствовали на совещании Томского военно-революционного штаба, проходившем в ночь с 30 на 31 мая, где решался вопрос о судьбе города.

В. Д. Вегман, излагая события этой ночи в статье, опубликованной уже на 9-й день после белогвардейского переворота, писал, что в некотором смысле решающее значение в принятии совещанием решения об эвакуации Томского Совета имели разъяснения, данные командиром советской батареи левым эсером Е. В. Ильяшенко, который, высказался за то, что «город надо сдать новой власти в полном порядке. Уехать же должны те, которые могли стать жертвами со стороны толпы и новых властей». Доводы Ильяшенко поддержал В. Д. Вегман, и совещанием был принят план эвакуации. Сам Ильяшенко высказал решимость остаться в Томске «до водворения новой власти». Ему и было поручено передать город меньшевикам-интернационалистам. И, как отмечал далее в своей статье В. Д. Вегман, Ильяшенко целиком выполнил возложенные на него обязанности. «Именно ему город должен быть обязан тем, что сдача прошла без крови и сравнительно спокойно»¹⁸.

Сам Е. В. Ильяшенко в тот же день, 31 мая 1918 г., был арестован и находился сначала в томской, а затем в числе 13 заложников Пепеляева, т. е. самых активных советских работников в Томске, — в екатеринбургской тюрьме, откуда вышел только после освобождения Екатеринбурга Красной Армией. Там же летом 1919 г. он вступил в РКП(б)¹⁹.

Решение Совета и Военревштаба оставить Томск без боя оценивается в воспоминаниях и исследовательской литературе неоднозначно. Одни авторы считают его в корне неправильным. Другие, в частности В. С. Познанский, при-

¹⁷ Там же, л. 46—51; д. 35, л. 97.

¹⁸ Вегман В. Последнее совещание старой и первый час новой власти. — Заря (Томск). 1918, 9 июня.

¹⁹ ГАТО, ф. 11, оп. 4, д. 13. л. 36; ф. 521, оп. 1, д. 124, л. 262.

водя убедительные аргументы и оценивая положение на фронте борьбы с мятежниками в целом, полагают, что эвакуация военных сил Томского Совдепа оказалась более полезной, чем рекомендовавшееся сражение за город²⁰. И с этим мнением нельзя не согласиться. Но сам акт передачи власти в Томске меньшевикам с вручением официального документа по этому поводу представляется нам наивным и совершенно неуместным в сложившейся ситуации.

В пролетарском районе Томской губернии — Кузбассе левые эсеры также находились в рядах защитников Советской власти. Анжерские левые эсеры пытались совместно с большевиками организовать отпор белогвардейцам, но 1 июня 1918 г. Советская власть на копы пала²¹. Члены Судженского Совета, а также активные работники организаций большевиков и левых эсеров не смогли противостоять превосходящим силам контрреволюционеров и, уничтожив часть документов и захватив часть оружия, были вынуждены покинуть копи, где власть перешла к белогвардейцам²². Левым эсерам Кемеровского рудника, которых правые эсеры называли не иначе как «подголосками большевизма», удалось отправить на Юргинский фронт около 60 красногвардейцев. Они пытались также организовать сопротивление белогвардейцам непосредственно на руднике, но силы защитников Советов значительно уступали силам контрреволюции²³.

К началу июня 1918 г. Советская власть в Томской губернии пала практически повсеместно.

В других местах Западной и в Средней Сибири чехо-белым пришлось столкнуться с более длительным и упорным сопротивлением защитников власти Советов.

Левые эсеры Омска и представители омской группы эсеров-автономистов входили в состав органов, руководивших борьбой с мятежниками. Лидер омских левых эсеров Н. Е. Ишмаев возглавлял Омский военно-революционный штаб, а члены группы эсеров-автономистов Б. Автономов и В. Охотин вошли в состав созданного в первые же дни мятежа и руководимого большевиками Западно-сибирского во-

²⁰ См.: Познанский В. С. Указ. соч., с. 182—185; Кадейкин В. А. Указ. соч., с. 308—309.

²¹ Заря (Томск), 1918, 5 июня.

²² ГАТО, ф. 1362, оп. 3, д. 3, л. 71—73.

²³ Дело Сибири (Омск). 1918, 20 июня.

енно-оперативного штаба²⁴. По распоряжению этого штаба все левые эсеры и эсеры-автономисты должны были к 11 часам 29 мая 1918 г. явиться на сборный пункт, находившийся в секретариате омской левозэсеровской организации, для образования боевой дружины²⁵. Впоследствии левые эсеры и эсеры-автономисты влились в состав созданной в конце мая по приказу Оперативного штаба объединенной дружины в количестве около 200 человек, которой командовал коммунист Д. К. Чудинов. Бойцы этой дружины, в том числе и эсеры-автономисты, принимали непосредственное участие в боевых действиях за Омск²⁶ и после занятия города чехами и белогвардейцами 7 июня 1918 г., как и большевики, подверглись репрессиям. Газета «Известия ВЦИК» сообщала, что в омской тюрьме (и концентрационных лагерях) находилось вскоре после переворота до 10 000 человек. Были арестованы «все представители социалистических партий, кроме меньшевиков и правых эсеров, красноармейцы, а также все, стоящие на советской платформе»²⁷. Белогвардейцами были арестованы и члены омской группы эсеров-автономистов А. П. Оленич-Гнененко, Б. Н. Автономов и некоторые другие.

Барнаульские левые эсеры, как только стало известно о занятии чехо-белыми Новониколаевска, тоже выступили на защиту Советской власти, влившись в ряды защитников Барнаула²⁸. Барнаульским фронтом, образованным для борьбы с наступающими со стороны Новониколаевска чехословаками, командовал бывший прапорщик левый эсер Иванов. Но после ряда неудач он был отстранен от командования фронтом и отдан под суд ревтрибунала по обвинению в измене. Однако, как считает В. С. Познанский, и с его мнением можно вполне согласиться, обвинять Иванова и его помощника И. М. Царицына, а также весь штаб фронта в измене неправомерно. Здесь скорее всего сказались издержки «партизанщины»²⁹.

Один из лидеров барнаульских левых эсеров Д. Г. Сулим во время боев за Барнаул был в числе руководителей

обороны города. В эти дни он еще более тесно сблизился с большевиками и, по воспоминаниям А. И. Шемелева, фактически перешел на их сторону³⁰. Большую роль сыграл Д. Г. Сулим в героическом рейде красновардейского отряда П. Ф. Сухова, где он занимал должность начальника штаба. Д. Г. Сулим, проявив в этом рейде мужество и героизм, в последнем бою, когда погибли все его товарищи, по преданию, бросился со скалы в Катунь³¹.

Во время выступления белогвардейцев в самом Барнауле в ночь с 10 на 11 июня мятежники были разбиты с помощью вызванного с фронта коммунистического отряда. «Это был отборный отряд, — вспоминал А. И. Шемелев, — около 80 человек коммунистов и левых эсеров, которые хорошо дрались»³². Однако соотношение сил в Барнауле также сложилось не в пользу Советской власти. И 15 июня чехи и белогвардейцы полностью овладели городом. Начался кровавый разгул белогвардейщины: были расстреляны и заключены в тюрьму многие коммунисты. Белогвардейцы сожалели, что им не удалось расправиться с лидером барнаульских левых эсеров К. М. Рычковым, незадолго перед мятежом уехавшим в Москву.

Подвергались репрессиям и левые эсеры уездных городов Алтайской губернии. Так, после белогвардейского переворота был арестован заместитель председателя исполкома Славгородского Совета лидер славгородских левых эсеров Н. И. Горностаев. Его отправили в каинскую тюрьму. А позднее он, больной тифом, был убит белогвардейцами на окраине Барабинска³³.

В начале чехословацкого мятежа комитетом красноярской левозэсеровской организации было выпущено воззвание к рабочим и крестьянам, в котором выступление чехо-белых квалифицировалось как попытка сил реакции уничтожить завоевания Советской власти и восстановить господство буржуазии, а поэтому его необходимо было ликвидировать немедленно путем принятия быстрых и решительных мер. В воззвании содержался призыв: «Под ружье, товари-

²⁴ Известия... (Омск), 1918, 6 июня; Омский вестник, 1918, 8 июня; Оленич-Гнененко А. Суровые дни. — Сибирские огни, 1958, № 10, с. 141.

²⁵ Омский вестник, 1918, 30 мая.

²⁶ См.: Оленич-Гнененко А. Указ. соч., с. 140—141, 143—149.

²⁷ В борьбе с контрреволюцией. (Сб. док. мат-ов). Омск, 1959, с. 52.

²⁸ Сибирская речь (Омск), 1918, 4 июля.

²⁹ Познанский В. С. Указ. соч., с. 197—198.

³⁰ Шемелев А. И. Как это было. — В кн.: Этих дней не смолкнет слава. Барнаул, 1967, с. 38.

³¹ Бородин П., Ельков Ф., Усатых В., Фомина А. Первые испытания. Барнаул, 1966, с. 177.

³² Шемелев А. И. Указ. соч., с. 37.

³³ Кулик М. Н. Люди революции. — В кн.: Этих дней не смолкнет слава, с. 18—26.

щи, все как один для решительного и последовательного отпора врагам трудящегося крестьянства и пролетариата»³⁴. Здесь же объявлялась запись в боевой левозсеровский отряд, которая открылась с 5 июня 1918 г. в бюро группы.

Красноярские левые эсеры, встав в ряды защитников власти Советов, приняли активное участие в боях с чехо-белыми не только на Мариинском фронте, которым, как уже отмечалось выше, командовал один из их лидеров М. И. Соловьев, но и на Ключвинском, образованном на восточных подступах к городу. Здесь одним из руководителей борьбы с белочехами был член ВЦИК левый эсер А. Е. Феофилакт. Он принимал личное участие в боевых действиях. После распада Ключвинского фронта А. Е. Феофилакт был схвачен белогвардейцами под Енисейском. Ему, смертельно раненному пулей, белогвардейцы нанесли еще 17 штыковых ран³⁵.

После падения Советской власти в Красноярске 18 июня 1918 г. некоторые левые эсеры, оставшиеся после переворота в городе, были брошены в тюрьму. Волну возмущения и протестов вызвало зверское убийство казаками в ночь на 27 июля 1918 г. при переводе в тюрьму вместе с большевиками Т. П. Марковским и С. Б. Печерским одного из лидеров красноярских левых эсеров А. П. Лебедевой.

Но некоторые левые эсеры Красноярска, боясь репрессий со стороны властей, стремились отгородиться от Советской власти. Об этом свидетельствуют паническое письмо в Енисейский губкомиссариат бывшего члена исполкома Красноярского Совета левого эсера А. Кузнецова, а также тот факт, что командир красноярской левозсеровской дружины Никифоров, прибыв в Красноярск, добровольно явился к белогвардейским властям³⁶.

Большинство левых эсеров уездных городов Енисейской губернии также находились в рядах советских бойцов и осудили выступление чехо-белогвардейцев. На проходившем 15 — 17 июля 1918 г. в Красноярске совещании представителей партии эсеров Енисейской губернии отмечалось, что канские эсеры, придерживавшиеся левой ориентации, к выступлению чехов отнеслись «отрицательно», а поэтому

³⁴ ПАКК, ф. 64, оп. 10, д. 95, л. 23.

³⁵ Соха и Молот (Минусинск), 1919, 6 ноября.

³⁶ Воля Сибири (Красноярск), 1918, 26, 27 июня; Свободная Сибирь (Красноярск), 1918, 27 июня.

после падения Советской власти в городе были арестованы вместе с большевиками³⁷.

В Минусинске, где власть Советов пала 24 июня под напором наступающих на город кулацко-казацких отрядов, в числе руководителей которых были правые эсеры, сразу же было арестовано около 150 человек, в том числе левые эсеры Е. Л. Фаерман, Бояринцев и некоторые другие³⁸.

Таким образом, к концу июня 1918 г. Советская власть в большинстве районов Западной и Средней Сибири временно пала.

С перенесением основных боевых действий на территорию Восточной Сибири сопротивление советских войск не только не ослабло, но и усилилось. Военными действиями здесь руководила непосредственно Центросибирь во главе с известным большевиком Н. Н. Яковлевым.

С захватом чехо-белыми Нижнеудинска в конце мая 1918 г. к западу от Иркутска образовался Нижнеудинский фронт. С 20-х чисел июня он стал главным для войск Центросибири. От исхода боев здесь зависела судьба Иркутска. Командующим Нижнеудинским фронтом был назначен большевик Канторович, а его заместителем — левый эсер Ф. П. Лавров, имевший большой боевой опыт.

Центросибирь и лично Н. Н. Яковлев с самого начала уделяли этому фронту большое внимание. В глубокий тыл была направлена группа видных работников для формирования новых отрядов. В состав этой группы входил левый эсер В. С. Пучкин³⁹.

В разгар боев за Нижнеудинск на гауптвахте военного городка белогвардейцами были убиты (вместе с большевиками, руководителями Нижнеудинского Совета) арестованные 28 мая члены исполкома левые эсеры Горенский, Петрашкевич и Карелин⁴⁰.

Левые эсеры Иркутска тоже расценили чехословацкий мятеж как попытку сил контрреволюции силой оружия разгромить Советы⁴¹. Более того, они считали, что контрреволюционерам, несмотря на все их усилия, свергнуть власть Советов не удастся, потому что «Советская власть есть власть рабоче-крестьянская не на словах только, но и на

³⁷ Знамя труда (Красноярск), 1918, 5 авг.

³⁸ ГААК, ф. 1800, оп. 2, д. 16, л. 46; Труд (Минусинск), 1918, 18 июля.

³⁹ Познанский В. С. Указ. соч., с. 230.

⁴⁰ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 439, л. 9.

⁴¹ Трудовой народ (Иркутск), 1918, 3 июня.

деле: она выбрана рабочими и крестьянами и делает все возможное для них; она поддерживается рабочими и крестьянами и будет поддерживаться ими, а «против сил рода ничто не устоит...»⁴².

Сторонниками Советской власти на деле иркутские левые эсеры проявили себя в чрезвычайных условиях, когда бело-гвардейцами в ночь с 13 на 14 июня 1918 г. была предпринята попытка антисоветского переворота в городе. В эту ночь члены Центросибири, большевики и левые эсеры, ушли из слабо защищенного здания, где заседал ЦИК Советов Сибири, под защиту левоэсеровской дружины⁴³. А на открывшемся на следующий день в Иркутске губернском съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов левые эсеры по всем вопросам выступили в поддержку большевиков, и съездом была принята резолюция, в которой говорилось о готовности встать на защиту Октября⁴⁴.

После прорыва фронта советских войск под Нижнеудинском в целях организации сопротивления наступавшему противнику Центросибирь 27 июня поручила Сибвоенкомату образовать Сибирское верховное командование с правами военной диктатуры. Сибвоенкомат был пополнен отличившимися на Забайкальском фронте командирами. От левых эсеров в его состав вошел член Центросибири К. С. Кошкин, впоследствии убитый бело-гвардейцами⁴⁵.

Незадолго до эвакуации советских учреждений из Иркутска Центросибирь, продолжая сопротивление врагу организованном фронтом⁴⁶, предприняла меры и по организации партизанской борьбы в тылу врага. С этой целью из Иркутска на пароходе вниз по Ангаре была направлена группа во главе с Н. М. Махочкеевым и левым эсером, членом президиума Центросибири П. Ф. Щелоком, с поручением организовать партизанский отряд из крестьян-бедняков, русских и бурят в районе с. Знаменка на Лене, где в то время существовала Советская власть. Но группа была перехвачена бело-гвардейцами и арестована⁴⁷.

⁴² Свободное слово (Иркутск), 1918, 21 июня.

⁴³ Дело Сибири, 1918, 7 августа.

⁴⁴ Гушин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1978, с. 103.

⁴⁵ Познанский В. С. Указ. соч., с. 235—236, 288.

⁴⁶ Там же, с. 238.

⁴⁷ См.: Посталовская К. С., Телечкина А. И. Иван Семенович Посталовский. — В кн.: Годы огневые, годы боевые. Иркутск, 1961,

После падения Иркутска 11 июля 1918 г. Советская власть в середине августа была свергнута в Бодайбо, где тоже вместе с большевиками в тюрьме оказались и левые эсеры⁴⁸.

Сибирские левые эсеры принимали участие в боях с чехо-белыми на Прибайкальском и Даурском фронтах, которые продолжались до конца августа 1918 г. Следует отметить, что левые эсеры Сибири и после авантюры своего ЦК в центре России, как сообщал приехавший осенью 1918 г. из Сибири в Самару левый эсер А. Е. Арбузов, продолжали сотрудничать с большевиками, «не обращая внимания ни на какие выступления разных авантюристов в центре»⁴⁹. Это сотрудничество продолжалось осуществляться на всех уровнях. Левые эсеры, члены Центросибири, вместе с большевиками руководили борьбой советских войск с чехо-белыми. И последние опубликованные протоколы заседаний Центросибири свидетельствуют о том, что никаких сколько-нибудь серьезных разногласий между ними не возникало⁵⁰. Поэтому после перенесения военных действий в Забайкалье на проходившем 21 августа 1918 г. в Чите соединенном заседании пленумов Центросибири, Забайкальского облизполкома, Читинского Совета и Военного комиссариата с участием представителей фронта и ряда ответственных партийных работников в состав избранного единого распорядительного органа — Сибирского Совета Народных Комиссаров — вошли левые эсеры П. И. Кларк и И. А. Бутин⁵¹.

С. Г. Лазо, будучи левым эсером, до конца июля командовал советскими войсками на Даурском фронте. В ходе боев с контрреволюцией летом 1918 г. С. Г. Лазо, его командиры и многие бойцы из левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, как отмечал В. С. Познанский, быстро «прогрессировали в политическом отношении»⁵². В начале августа 1918 г. С. Г. Лазо и Б. П. Кларк подали заявления с просьбой о приеме в Коммунистическую партию. Во вто-

с. 234; Рябиков В. В. Иркутск — столица революционной Сибири. Иркутск, 1957, с. 150—153.

⁴⁸ Григорьев Ф. С., Шапирштейн-Лерс Я. Е. Ленское «9-ое января» — 4 апреля 1912 года. Бодайбо, 1924, с. 208.

⁴⁹ Цит. по: Шестаков Ю. И. Банкротство партии левых эсеров, с. 40.

⁵⁰ Центросибирь. 1918, 12, 17, 19 июля, 10 авг. и др.

⁵¹ Максиков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири (1917—1918). М.-Л., 1926, с. 82; Рябиков В. В. Указ. соч., с. 184.

⁵² Познанский В. С. Указ. соч., с. 246—247.

рой половине августа С. Г. Лазо был вручен членский билет коммуниста, и его направили на Прибайкальский фронт. Именно август 1918 г., как дату вступления в РКП(б), указал сам С. Г. Лазо в анкете, заполненной незадолго до гибели в 1920 г.⁵³ Б. П. Кларк тоже стал членом большевистской партии. Во время ликвидации белогвардейского выступления в Чите 23 августа 1918 г. он был убит⁵⁴.

Основные боевые действия в июле — августе 1918 г. развернулись на Прибайкальском фронте, главном фронте войск Центросибири после падения Иркутска. Высшие командные должности на этом фронте занимали большевики, но на ряд ответственных постов были назначены левые эсеры. Так, член Центросибири, левый эсер К. С. Кошкин занимал должность начальника штаба фронта, а И. П. Ботко был начальником его строевого отдела⁵⁵.

Благодаря проведению целого ряда мер, направленных на укрепление фронта и наведение порядка в войсках, в конце июля советские части нанесли ряд ощутимых ударов чехо-белым у ст. Мысовой и разъезда Паньковка, где в боях отличились курсанты иркутских ускоренных курсов по подготовке красных командиров, комиссаром которых был левый эсер И. И. Сибиряков. Но в ходе дальнейших ожесточенных боев чехо-белым удалось сломить упорное сопротивление советских войск, вынужденных оставить Верхнеудинск. Отход советских частей на Читу прикрывал арьергардный отряд, созданный С. Г. Лазо из самых надежных бойцов-добровольцев. Костяком его стали курсанты И. И. Сибирякова, которого С. Г. Лазо назначил своим заместителем. В ночь на 26 августа верхнеудинские эшелоны прибыли в Читу, а на рассвете того же дня советские войска оставили город⁵⁶.

Левые эсеры Сибири приняли активное участие в работе последнего легального совещания советских и военных работников, которое состоялось 28 августа 1918 г. на ст. Урульга, в 140 км от Читы.

Принятое на конференции в Урульге решение о прекращении борьбы с контрреволюцией организованным фронтом

⁵³ См.: Сергей Лазо. М., 1974, с. 66—67, 230.

⁵⁴ Познанский В. С. Указ. соч., с. 266.

⁵⁵ Там же, с. 250.

⁵⁶ См.: там же, с. 259—264, 266—268.

не означало отказа от дальнейшей борьбы за власть Советов. Должны были измениться только ее формы и методы. Острые борьбы по-прежнему должно было быть направлено против попыток «наших врагов закрепить в Сибири власть буржуазии и иностранного капитала и разгромить Советскую власть в России»⁵⁷. В этой борьбе должны были использоваться все легальные и нелегальные возможности, в том числе и переход в перспективе к партизанской войне, которая считалась возможной и необходимой⁵⁸. Все эти решения конференции были поддержаны левыми эсерами⁵⁹.

По решению урульгинской конференции был создан военно-революционный комитет, осуществлявший практическое руководство ликвидацией фронтов и советскими учреждениями, переходом сторонников Советской власти на нелегальное положение. В его состав наряду с большевиками входил левый эсер И. А. Бутин. Ревком до конца выполнял свои обязанности.

Итак, в начале сентября 1918 г. организованная борьба советских войск с контрреволюцией в Сибири завершилась. Советская власть в крае временно пала. Начался новый этап борьбы трудящихся Сибири с реакцией за торжество идей социализма. В этой борьбе приняли участие и сибирские левые эсеры. Наиболее активная и преданная делу революции часть их перешла на нелегальное положение. В городском подполье и партизанских отрядах они вместе с коммунистами продолжали бороться за восстановление власти Советов в регионе и внесли положительный вклад в дело разгрома интервентов и белогвардейцев. В ходе гражданской войны лучшие представители левых эсеров Сибири под непосредственным влиянием коммунистов пересмотрели свои прежние взгляды и вскоре после разгрома колчаковщины порвали с левоэсерской партией и вступили в РКП(б). Это означало качественный скачок в их идейном развитии, позволивший определить свое настоящее место в строительстве нового общества.

⁵⁷ Дальнеспарт, кн. 2. Владивосток, 1924, с. 115—116.

⁵⁸ Там же, с. 113—115.

⁵⁹ Там же, с. 115.

В. И. ШИШКИН

ЕЩЕ РАЗ О РОГОВЕ И «РОГОВЩИНЕ»

Вопросы о сущности и содержании «роговщины», о поведении Г. Ф. Рогова, по имени которого названо это социально-политическое явление, довольно широко освещены в советской исторической литературе. Впервые наиболее обстоятельное отражение они нашли в монографии П. Е. Померанцева «Повстанческое движение в Алтайской губернии в 1920 году (1 мая—1 октября 1920)», опубликованной в Новониколаевске в 1922 г. Ее автор — профессиональный историк, большевик с 1918 г. В годы гражданской войны он был политработником 5-й армии, а затем начальником историко-информационного отделения оперативно-разведывательного управления штаба помощника Главнокомандующего вооруженными силами республики по Сибири. Книга П. Е. Померанцева была написана на богатейшей источниковой основе, с использованием широкого круга достоверных документов партийных, советских и военных органов Сибири. «Роговщине» П. Е. Померанцев посвятил две главы, в которых раскрыл ее контрреволюционный характер и показал практическую антисоветскую деятельность самого Рогова.

Кроме П. Е. Померанцева в 20-е годы о Рогове и «роговщине» писали партийный работник Гурьевского завода Э. Лагздин, большевик с 1905 г., активный участник революции в Сибири Н. Н. Авдеев, бывший чумышский партизан В. М. Голев, авторы исторического очерка о революционных событиях в Кузнецком округе, автор статьи «Бандитизм», опубликованной в «Сибирской советской энциклопедии»¹.

¹ Лагздин Э. На Гурьевском заводе. — Сборник испарта, № 1. Новониколаевск, 1923; За десять лет. Кузнецкий округ к десятой годовщине Октябрьской революции. Щегловск, 1927; Голев В. М. Четвертая партизанская группа (Из воспоминаний о партизанском движении в Чумышском районе Барнаульского округа). — Сибирские огни, 1929, № 5; Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929, т. 1, стлб. 213.

В качестве примера приведем точку зрения Н. Н. Авдеева. «...Среди партизанских отрядов, которые вели борьбу против Колчака, были и такие, которые были проникнуты анархическим-махновским духом. К таким отрядам нужно отнести роговцев и новоселовцев, которые действовали в Кузнецком уезде, Томской губернии под руководством Рогова и Новоселова. Рогов и Новоселов собрали вокруг себя в тайгу всех, кто по каким-нибудь причинам должен был скрываться от наказания или суда колчаковской власти. Среди роговцев и новоселовцев были в очень небольшом количестве идейные революционеры, преследующие политические цели, большинство же состояло из людей темных, загнанных в тайгу страхом перед беспощадными расправами колчаковской власти. Всех их объединяла общая ненависть к колчаковской власти. Они были беспощадны в своих расправах не только с колчаковцами, но очень часто и с мирными жителями... Убийства и грабежи были излюбленным делом роговцев и новоселовцев»².

В дальнейшем с таких же позиций указанные вопросы освещались во всех известных нам публикациях. Назовем только часть авторов, работы которых вышли в свет в последние два десятилетия. В их числе книги И. А. Абраменко, Л. И. Боженко, Е. С. Назарова, П. Ф. Николаева³, специальные статьи В. А. Кадейкина, М. Е. Плотниковой и В. И. Шишкина⁴. Несмотря на отдельные разногласия, носящие частный характер, все названные авторы едины в главном, в основном. Они считают, во-первых, что в декабре 1919 г. находившиеся под командой Рогова партизанские отряды совершили многочисленные нарушения революционной законности, за что по рас-

² Пролетарская революция, 1923, № 9 (21), с. 238.

³ См.: Николаев П. Ф. Советская милиция Сибири (1917—1922). Омск, 1967; Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919—1927 гг.). Томск, 1969; Назаров Е. С. Объята пламенем тайга. Барнаул, 1971; Абраменко И. А. Коммунистические формирования — части особого назначения (ЧОН) Западной Сибири (1920—1924 гг.). Томск, 1973.

⁴ Плотникова М. Е. О партизанском отряде Рогова и сущности «роговщины». — В кн.: Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971; Кадейкин В. А. Из истории борьбы Коммунистической партии против анархистских тенденций в партизанском движении. — В кн.: Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975; Шишкин В. И. Из истории борьбы Коммунистической партии и Советской власти против анархизма в Западной Сибири в 1919—1920 гг. — В кн.: Классовая борьба в сибирской деревне в период построения социализма. Новосибирск, 1978.

поряжению советского командования были разоружены, а часть их командиров арестована; во-вторых, что весной — летом 1920 г. Рогов лично участвовал в подготовке и руководстве антисоветским вооруженным мятежом.

Заметим, на такой же точке зрения вначале стоял и В. Т. Щуклецов. Базируясь на документах, известных ему по фонду: Управления 5-й армии (Центральный государственный архив Советской Армии, ф. 185), в 1972 г. В. Т. Щуклецов писал: «В Кузбассе против Советской власти выступил отряд анархистов Рогова и Новоселова. В Мариинском уезде не желал разоружиться Т. К. Лубков»; «Сиббюро ЦК РКП(б) и армейский политаппарат к проискам эсеров и анархистов отнесся с должной серьезностью. Бандитское движение против ревкомов было подавлено силой оружия»; «Следствие и судебные процессы над Роговым, Новоселовым и Лубковым стали школой политического воспитания масс»; «Решительное пресечение анархистско-эсеровских выступлений имело важное значение в преодолении колебаний зажиточной верхушки сибирской деревни»; «...Лубков сформировал полк и выступил против Советской власти. Разбит и расстрелян по суду трибунала. Аналогична судьба у Рогова и Новоселова»⁵.

Десять лет спустя В. Т. Щуклецов кардинально изменил свою точку зрения, подверг резкой критике сложившиеся в литературе взгляды по вопросу о Рогове и «роговщине» как научно несостоятельные⁶.

В основе этих взглядов, считает В. Т. Щуклецов, лежат ошибки методологического и методического порядка: шаблонное распространение ленинских выводов, относящихся к партизанскому движению на Украине, на партизанское движение в Сибири; недооценка особенностей в расстановке классовых сил в сибирской деревне и того, что «классовая основа партизанского движения в Сибирском крае была несколько иной, чем на Украине»; субъективное и преимущественно иллюстративное использование источников; механическое заимство-

вание сибирскими историками, начиная с середины 30-х годов, выводов их украинских коллег о наличии анархо-кулацкого течения в партизанском движении нашло отражение в трудах В. А. Кадейкина, М. Е. Плотниковой и В. И. Шишкина.

Несколько забегаая вперед, отметим, что все эти утверждения имеют одну общую и, можно сказать, результирующую черту: они не только не соответствуют действительности, но и прямо ей противоречат.

Начнем разбор с последнего тезиса В. Т. Щуклецова. Даже из того неполного историографического экскурса, который нами сделан, ясно, что упрекать историков Сибири в слепом копировании выводов украинских исследователей неправомерно. Публикации П. Е. Померанцева, Н. Н. Авдеева, В. М. Голева, Э. Лагздина и др. вышли в свет задолго до середины 30-х годов и, таким образом, не могли, как утверждает В. Т. Щуклецов, испытать на себе влияние историков Украины. Несостоятелен и упрек В. Т. Щуклецова в адрес ряда современных исследователей, якобы без достаточных на то оснований пишущих о наличии в партизанском движении Сибири анархо-кулацких элементов. В монографии М. Е. Плотниковой обстоятельно показано, что этот вывод не недостаток, а, напротив, заслуга советской историографии, но только не современной, а 20-х годов⁷.

Не соответствуют действительности утверждения В. Т. Щуклецова о состоянии источников по дискутируемой проблеме и источниковой базы имеющихся публикаций. Вопрос о Рогове и «роговщине» в литературе всегда решался с использованием широкого круга документов партийных, советских, военных и чекистских органов, воспоминаний руководителей большевистского подполья и партизанского движения на Алтае и в Кузбассе. Как раз иначе обстоит дело с последними публикациями В. Т. Щуклецова. Они выполнены на очень ограниченном и откровенно тенденциозном материале: воспоминаниях нескольких партизан из отряда Рогова, написанных в последние годы. Основной же массив источников, заключающий в себе документы партийных, советских и военных органов Сибири, В. Т. Щуклецов откровенно игнорирует.

Столь же далеки от истины утверждения В. Т. Щуклецова об особенностях расстановки классовых сил и специфике пар-

⁵ Щуклецов В. Т. Из истории объединения партизан Западной Сибири с войсками 5-й армии. — Научные труды Новосибирского гос. пед. ин-та, Новосибирск, 1972, вып. 73, с. 53—54, 64.

⁶ Щуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск, 1981; Он же. Борьба партий за крестьянские массы Западной Сибири в годы революции и гражданской войны (1917—1920). Автореф. дис... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1981; Он же. К вопросу о классовом характере партизанского движения в Причерноморье, оценке деятельности Г. Ф. Рогова и понятию «роговщина». Новосибирск, 1983.

⁷ Плотникова М. Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 — первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974, с. 183—245.

тизанской борьбы в сибирской деревне. В советской литературе давно показано, что здесь — как и в других районах страны, в том числе на Украине,—движущей силой этого процесса были рабочие и трудящееся крестьянство, причем крестьянство прежде всего по численности являлось главной фигурой. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал общность и синхронность определяющих событий, происходивших на Украине и в Сибири в 1918—1919 гг. В декабре 1919 г. он отмечал, что колебания крестьянства как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся в сторону Советской власти решили судьбу и колчаковского режима в Сибири, и денкинского на Украине. В то же время В. И. Ленин писал, что тяжелая борьба за крестьянские массы и мучительные испытания в связи с этой борьбой «не закончены в Сибири и на Украине»⁸.

Не выдерживает проверки на научную достоверность и тезис В. Т. Щуклецова о более узкой в Сибири по сравнению с Украинной социальной базе для развития «партизанщины». Автор пытается доказать данное положение отсутствием противоречий между режимом Колчака и сибирским кулачеством и неучастием последнего в партизанско-повстанческой борьбе. Между тем хорошо известно, что В. И. Ленин дважды прямо указал: Колчак оттолкнул от себя кулаков и часть их приняла участие в восстании против него⁹.

К тому же В. Т. Щуклецов ошибочно связывает возможность возникновения «партизанщины» в Сибири только с участием в антиколчаковском движении кулачества. В действительности социальной основой, объективным носителем стихийного анархизма была вся мелкая буржуазия, в том числе и трудящееся крестьянство.

По многим причинам некорректной является единственная попытка В. Т. Щуклецова подкрепить свои теоретические рассуждения по вопросу о «партизанщине» ссылкой на важный партийный документ. Речь идет о телеграмме Реввоенсовета Восточного фронта (а не 5-й армии, как пишет В. Т. Щуклецов) от 17 июля 1919 г. (В. Т. Щуклецов приводит ее со ссылкой на архив, тогда как она опубликована более 20 лет тому назад). Телеграмму эту необходимо, во-первых, рассматривать в контексте ряда других документов, во-вторых, процитировать более полно. 17 июля 1919 г. В. И. Лениным было дано задание Реввоенсовету Восточного фронта принять срочные

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 17.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 39, 87.

меры для того, чтобы «сибирская партизанщина не разложила наших войск»¹⁰. Реввоенсовет в тот же день ответил: «Сибирскую партизанщину пресечем». Но одновременно в телеграмме утверждалось, что в Сибири «нет тех благоприятных условий, при которых может пышно расцвести махровый цветок партизанщины в духе Украины»¹¹. В. Т. Щуклецов цитирует только последний фрагмент телеграммы, опуская первый, в котором содержится признание Реввоенсоветом факта «партизанщины» в Сибири. Не проанализировал он и реакцию центра на ответ Реввоенсовета Восточного фронта, что в данном случае особенно важно.

Судя по всему, ЦК партии и В. И. Ленин не разделяли оптимизма Реввоенсовета Восточного фронта. Во всяком случае 19 июля 1919 г. на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК партии было принято решение, в котором политработникам Востфронта вменялось в обязанность заранее принять меры для «обезвреживания отрицательных сторон партизанщины»¹². В тот же день В. И. Ленин лично потребовал от Реввоенсовета Восточного фронта «подробно обсудить с политработниками и осуществить конкретные меры против партизанщины»¹³. Нет сомнений, что высшие партийные органы и В. И. Ленин более глубоко и точно представляли положение дел в Сибири, чем руководство Восточного фронта, с выводом которого солидаризировался В. Т. Щуклецов.

Эти возражения относятся к теоретической части публикаций В. Т. Щуклецова о Рогове и «роговищине». Теперь рассмотрим их основное, конкретно-историческое содержание. Оно буквально изобилует фактическими ошибками, неточностями, искажением взглядов оппонентов. Их всесторонний разбор может увести нас в сторону от главной проблемы. Поэтому сосредоточим внимание только на вопросах, новая трактовка которых, как считает В. Т. Щуклецов, позволяет и обязывает историков пересмотреть традиционные представления о Рогове и «роговищине».

По нашему мнению, такой пересмотр был бы необходим в трех случаях. Он стал бы неизбежным, если бы В. Т. Щуклецов доказал, что источники, на которых ранее базировались

¹⁰ Там же, т. 51, с. 15.

¹¹ Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, М., 1961, с. 244.

¹² Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.): Документы и материалы. Новосибирск, 1959, с. 119.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 18.

исследователи, неверно отразили события того времени. Между тем В. Т. Щуклецов соответствующего источниковедческого анализа не только не проделал, но и не видит в нем никакой необходимости. Такая позиция является по меньшей мере странной для исследователя, добивающегося исправления «исторической несправедливости». Переоценка взглядов была бы необходима также в том случае, если бы В. Т. Щуклецов доказал ошибочность отношения партийных, советских, военных и чекистских органов Алтая и Сибири к Рогову и его сторонникам. Прямых утверждений такого порядка В. Т. Щуклецов не делает, но завуалированно эту мысль пытается провести¹⁴, не приводя, однако, в порядке подтверждения своего мнения ни одного факта. Наконец, основанием для отказа от существующей точки зрения могло бы стать обнаружение новых авторитетных и достоверных источников, которые поставили бы под сомнения доминирующие в современной литературе взгляды. Поскольку именно так и пытается главным образом представить дело В. Т. Щуклецов, проанализируем источники и аргументы, которыми он оперирует.

Исходная позиция В. Т. Щуклецова достаточно ясно обнаруживается при рассмотрении вопроса о том, почему в начале декабря 1919 г. отряды Рогова разделились на две основные группы, одна из которых во главе с Роговым пошла из района Сорокино на Кузнецк, а другая во главе с членом барнаульского большевистского подпольного комитета М. И. Ворожцовым («Анагольцем») — в Залесово. В. Т. Щуклецов, ссылаясь на партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ф. 5, оп. 4, д. 1395, л. 27), утверждает, что не позднее 28 ноября 1919 г. командование 5-й советской армии направило П. К. Голикову и Г. Ф. Рогову предписание нанести удары по Барнаулу и Сибирской железнодорожной магистрали на участке Тайга-Маринск. Воспринимая на веру свидетельства трех бывших командиров из отрядов Рогова (В. А. Булгакова, А. А. Конова и М. М. Токарева), В. Т. Щуклецов далее пишет о получении и обсуждении этого приказа в ночь с 4 на 5 декабря 1919 г. на заседании военно-революционного совета Причерного края. На заседании, утверждает В. Т. Щуклецов, было принято решение для выполнения приказа советского командования разделить партизан на две группы,

¹⁴ Щуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов, с. 257.

одна из которых, состоявшая из добровольцев, немедленно выступила на Кузнецк под командой Рогова¹⁵.

Обратим внимание на ряд важных обстоятельств. Во-первых, В. Т. Щуклецов искажил содержание документа, на который сделал ссылку. В действительности советское командование 28 ноября 1919 г. дало П. К. Голикову и Г. Ф. Рогову задание занять Барнаул.

Во-вторых, направление, в котором пошел Рогов (на Кузнецк), не приближало, а, наоборот, отдаляло партизан от Барнаула. Указанный маршрут мог быть избран партизанами Рогова либо по незнанию трассы, что исключено, либо по незнанию приказа, либо вопреки директивам советского командования.

В-третьих, как правильно писал В. А. Кадейкин, командование 5-й армии поставило перед отрядом П. К. Голикова и Г. Ф. Рогова задачу выйти к Транссибирской магистрали на участке Тайга-Маринск не в конце ноября 1919 г., а значительно позднее, 4 декабря 1919 г.¹⁶ Всякому здравомыслящему человеку ясно, что в штабе Рогова, расположенном в глубоком белогвардейском тылу, не могли в тот же день получить приказ Реввоссовета 5-й армии, отданный в Омске. Во всяком случае ставка командующего западно-сибирской партизанской армией Е. М. Мамонтова, имевшая к тому времени через 26-ю советскую дивизию связь со штабом 5-й армии, получила его не ранее 7 декабря 1919 г. Е. М. Мамонтов, в свою очередь, обязал командира 6-й горно-степной партизанской дивизии Ф. И. Архипова передать приказ советского командования Рогову¹⁷.

В-четвертых, нельзя не напомнить о наличии других, хорошо известных исследователям и достоверных источниках, которые В. Т. Щуклецов в угоду своей концепции игнорирует. Среди них прежде всего необходимо назвать воспоминания М. И. Ворожцова «Из истории партизанского движения в Алтайской губернии», которые 9 ноября 1920 г. были опубликованы в органе Алтайского губкома РКП(б) и губисполкома газете «Красный Алтай». В них М. И. Ворожцов писал, что он был вынужден отделиться от Рогова и уйти в другой, Залесовский район из-за антисоветских действий и мародерства

¹⁵ Щуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов, с. 207.

¹⁶ ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 172, л. 1; Кадейкин В. А. Указ. соч., с. 317.

¹⁷ ЦГАСА, ф. 218, оп. 1, д. 1, л. 268.

единомышленников Рогова и Новоселова. Причины раскола в рядах причернских партизан, таким образом, были четко названы и переданы широкой гласности. Существовала реальная возможность публично их опровергнуть. Однако никто из здравствовавшего тогда довольно многочисленного окружения Рогова не протестовал против статьи М. И. Ворожцова. Единственным человеком, в 1919 г. близко примыкавшим к Рогову и Новоселову и отклинувшимся на воспоминания М. И. Ворожцова, был И. М. Дрожжин. Он написал письмо в редакцию, в котором ограничился незначительной фактической поправкой, не высказав никаких принципиальных замечаний¹⁸.

Приведем еще одну хорошо известную В. Т. Шуклецову публикацию, по своей достоверности не вызывающую сомнения, — статью генерал-майора в отставке Г. П. Сокурова «По следам партизан». Статья была написана по итогам экспедиции, осуществленной в 1959 г. военно-научным обществом при Новосибирском окружном Доме офицеров Советской Армии. В состав экспедиции входила группа бывших партизан, в том числе И. М. Дрожжин. Члены экспедиции опросили сотни участников и свидетелей партизанской борьбы в правобережных районах Оби. Членам экспедиции удалось установить, что причиной раскола отряда Рогова явилось нежелание Рогова и Новоселова подчиниться решениям Третьего съезда Советов Причернского края «ни в вопросах объединения партизан в дивизию ни по общему плану борьбы против колчаковцев»¹⁹. Таким образом, предложенная В. Т. Шуклецовым версия обесконфликтном разужении отряда Рогова, продиктованном якобы тактическими соображениями (стремлением выполнить приказ командования 5-й армии с учетом сложившейся обстановки), не выдерживает проверки на достоверность.

Грубо фальсифицирует В. Т. Шуклецов последующие события, связанные с пребыванием отряда Рогова в Кузнецком

¹⁸ Красный Алтай (Барнаул), 1920, 14 ноября. И. М. Дрожжин по своим взглядам был идейным анархистом. В период партизанской борьбы он занимал в отряде Рогова пост начальника пулеметной команды, являлся членом штаба и военно-революционного совета причернских партизан. В 1920 г. И. М. Дрожжин занимал должность военкома 10-го Чумышского кавалерийского полка, в 1921 г. вступил в РКП(б), затем стал профессиональным историком.

¹⁹ Сокуров Г. По следам партизан. — Вестник военно-научного общества при Новосибирском окружном Доме офицеров Советской Армии. Новосибирск, 1962, № 1, с. 74.

и Щегловском уездах, Томской губернии. Они изображены (естественно, без ссылок на какие-либо источники) как героический рейд, вылившийся в ряд ожесточенных боев с превосходящими силами белогвардейцев²⁰. В то же время В. Т. Шуклецов ни словом не обмолвился о главных «деяниях» роговцев: убийствах сотен мирных жителей, насилиях и грабежах по отношению к гражданскому населению. Многочисленные факты, свидетельствующие об этом, приводились в названных статьях В. А. Кадейкина, М. Е. Плотниковой и В. И. Шишкина. Все они почерпнуты из источников не случайного, а достоверного характера: докладов Кузнецкого и Щегловского укомов РКП(б), докладов председателей Кузнецкого и Щегловского уездных ревкомов, сообщений партийных и советских работников того времени²¹. О совершенных роговцами в декабре 1919 г. в Кузнецке злодеяниях 22 января 1920 г. писала хорошо информированная томская газета «Сибирский коммунист».

Напомним также, что принципиальная оценка деятельности Рогова в качестве командира партизанских отрядов Причернского края была дана газетой «Алтайский коммунист» — органом Алтайского губоргбюро РКП(б) и губревкома. «Имя Рогова, — говорится в редакционной статье газеты от 5 мая 1920 г., — известно многим в Алтайской губернии. Рогов во главе значительных партизанских отрядов боролся против колчаковщины, против белогвардейских карательных отрядов золотопогонников. И в этом его крупная заслуга перед революцией. Этой заслуги за ним никто отрицать не может и не станет.

Но есть и другая сторона в деятельности Рогова. И о ней необходимо помнить и знать всем трудящимся Алтая, всем бывшим партизанам, боевым соратникам Рогова.

Рогов не признавал дисциплины и организованности, в его отрядах часто наблюдались случаи грабежей, мародерства и насилий над мирным населением. И этим он причинял громадный вред революции, внося разложение и дезорганизацию в ряды рабочих и крестьян».

В порядке подтверждения этой точки зрения приведем ряд фактов, не известных исследователям. В середине декабря

²⁰ Шуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов, с. 210—213.

²¹ См.: ГАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 194, л. 93; ф. 1349, оп. 1, д. 437, л. 8, 34, 36; ПАКО, ф. 47, оп. 1, д. 2, л. 71; ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 317, л. 63; д. 371, л. 321—322; и др.

1919 г. во исполнение приказа советского командования из 2, 3 и 7-го полков партизанской армии Е. М. Мамонтова была создана Марининская группа войск, которая получила задание выйти в глубокий тыл колчаковцев. Возглавили группу коммунисты Д. Е. Блынский (командир 3-го Бутырского советского полка) и М. А. Игнатов (начальник штаба 1-й партизанской дивизии армии Е. М. Мамонтова)²². Через несколько дней передовые части марининской группы вступили в район, где уже побывали роговцы. Прочитируем фрагмент из первого донесения Д. Е. Блынского и М. А. Игнатова, направленного в штаб Е. М. Мамонтова. «Нам по пути, — сообщали они, — попадается масса партизан тов. Рогова, которые везут целые возы награбленного имущества... Все церкви по пути ограблены, а из риз понашиты кисеты, подседельники и даже брюки. Население страшно возмущено»²³.

21 декабря Д. Е. Блынский и М. А. Игнатов из Салаира вторично донесли: «Население страшно запугано отрядами Рогова, хотя к нам относится доверчиво»²⁴. На следующий день, получив информацию от прибывшего из Кузнецка делегата, Д. Е. Блынский и М. А. Игнатов сообщили штабу Е. М. Мамонтова: в Кузнецке роговцы «производят полный погром, разбивая все и вся, грабят магазины, банки и мирное население...»²⁵. Отсюда становится понятным, почему Е. М. Мамонтов назвал Г. Ф. Рогова в числе «явных негодяев», которые в период тяжелой борьбы партизан против Колчака «далее грабежей, жестокостей и насилия над населением не шли...»²⁶.

Теперь прочитируем политическую сводку 312-го полка 35-й стрелковой дивизии, который составлял правый боевой участок 5-й советской армии и имел задание овладеть Кузнецком. Население вдоль Кузнецкого тракта, говорится в сводке, напугано Роговым, «нет того села, нет той деревни, чтобы в которой хулиган Рогов не наделал безобразий: везде и всюду слышатся стоны и вопли...» И далее: «До прихода нашего полка, 312-го, в город Кузнецк банды Рогова творили всевозможное безобразие, город замирал от ужаса; когда подходили наши красноармейцы к городу Кузнецку, то население со

слезами на глазах бежало навстречу, и тут же мертвый город превратился в живой»²⁷.

Примерно так же вели себя состоявшие из роговцев отряды М. З. Белокобыльского и Гостева, оперировавшие на границе Барнаульского, Бийского и Кузнецкого уездов. В политсводках 26-й советской стрелковой дивизии неоднократно отмечалось, что они отличались от других партизан недисциплинированностью и распушенностью, выступали против назначения командного состава, требовали «красного террора» и т. п.²⁸ Политработник 26-й дивизии Ангаров докладывал военному комиссару дивизии, что эти отряды роговцев вели и ведут себя так, что «все население положительно натравливается против Соввласти»²⁹. Причем из бесед с командирами отрядов Белокобыльским и Гостевым Ангаров выяснил, что такое положение дел они считали нормальным.

Важным документом, как бы подытоживающим результаты деятельности роговцев в конце 1919 г., является приказ № 13, изданный 16 января 1920 г. начальником Барнаульского гарнизона, инспектором пехоты 5-й армии Ф. В. Егоровым. «За последний истекший месяц, — говорится в приказе, — партизанский отряд тов. Рогова своими вызывающими действиями, насилиями, грабежом восстановил против себя трудовое крестьянство Сибири. Крестьянство в районе военных действий его отрядов, поскольку хорошо относилось к Советской власти, постольку начинает восставать и отталкиваться от нее при виде таких недопустимых совершаемых актов насилия и грабежа. Двинулись от сел и деревень крестьянские делегации с жалобами и просьбами воздействия на Рогова и прекращения могущего быть дальнейшего произвола»³⁰.

Чтобы нормализовать обстановку, Д. Е. Блынский и М. А. Игнатов, ударная группа которых первой обнаружила произвол роговцев, 20 декабря 1919 г. обратились к населению с воззванием. В воззвании они просили жителей не отождествлять всю армию Рогова с грабителями, заверили их, что случаи мародерства со стороны роговцев единичны. С получением новых сведений о бесчинствах Д. Е. Блынский и М. А. Игнатов произвели аресты части мародеров из отрядов П. В. Лямпа и Скобелева, подчинявшихся Рогову³¹. Самому Рогову было отдано распоряжение прекратить насилие и произвол,

²² ЦГАСА, ф. 218, оп. 1, д. 10, л. 586; Партизанское движение в Западной Сибири, с. 661—665.

²³ ЦГАСА, ф. 218, оп. 1, д. 17, л. 147.

²⁴ Там же, л. 148.

²⁵ Там же, л. 184.

²⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 23, л. 221.

²⁷ ЦГАСА, ф. 1372, оп. 1, д. 80, л. 71.

²⁸ ЦГАСА, ф. 1317, оп. 1, д. 169, л. 5; д. 346, л. 216.

²⁹ ЦГАСА, ф. 1317, оп. 1, д. 169, л. 184.

³⁰ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 97, л. 8.

на что Рогов никак не отреагировал, а его подчиненные продолжали чинить безобразия³². Тогда советское военное командование было вынуждено принять решительные меры.

23 декабря 1919 г. военный комиссар 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии Тетерин и командир 312-го полка Болонкин отдали распоряжение о разоружении роговских частей, дислоцировавшихся в Кузнецком и Щегловском уездах. Приказ гласил: «Немедленно принять меры к ликвидации банды Рогова, предварительно выслать делегацию с предложением сдать оружие. В случае отказа принять меры вплоть до боя и расстрела сопротивляющихся с оружием в руках. Рогова, Новоселова и других главарей взять живыми и препроводить под сильным конвоем командиру отряда особого назначения в гор. Кузнецк»³³.

Выполняя приказ красного командования, 312-й советский полк, 7-й полк алтайских партизан «Красные орлы», 1-я Томская партизанская советская дивизия произвели разоружение роговских отрядов, находившихся в Кузнецком и Щегловском уездах. Последние сдали оружие без сопротивления, чему во многом способствовали предварительный арест Рогова и десяти его приближенных. 26 декабря за подписями Болонкина и Тетерина было опубликовано объявление для граждан Кузнецкого уезда, в котором сообщалось, что грабители, насильники женщин, поджигатели церквей Рогов, Новоселов и вся их банда обезоружены и препровождаются в город Кузнецк для предания суду. В тот же день начальник 35-й дивизии К. А. Нейман доложил Реввоенсовету 5-й армии о разоружении отрядов Рогова и Новоселова, назвал основные причины, вызвавшие необходимость принятия этой меры: грабежи, насилие, нарушения революционной законности³⁴.

Таковы действительные факты о поведении Рогова и его окружения, которые В. Т. Шуклецов замалчивает. Это, во-первых, позволяет ему представить действия советского командования, предпринятые против «роговщины», как ошибочные, во-

³¹ ЦГАСА, ф. 218, оп. 1, д. 17, л. 149—150.

³² ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 60, л. 39.

³³ ПААК, ф. 1061, оп. 1, д. 213, л. 44; ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 172, л. 55; ф. 218, оп. 1, д. 17, л. 183.

³⁴ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 37, л. 443; оп. 2, д. 257, л. 97; оп. 3, д. 172, л. 55; оп. 4, д. 86, л. 12; Кадейкин В. А. Указ. соч., с. 322. Утверждение В. Т. Шуклецова об аресте вместе с Роговым Е. М. Мамонтова и многих других партизанских командиров (см.: Шуклецов В. Т. К вопросу о классовом характере партизанского движения», с. 18) также не соответствует действительности.

вторых, служит предпосылкой для ряда новых фальсификаций, имеющих своей целью обелить, реабилитировать Рогова. «Бывшие партизаны и повстанческое население известные об арестах встретили с недоумением, — пишет В. Т. Шуклецов. — Развернулась кампания за освобождение арестованных, в которой участвовали партийные и советские организации... Следствие установило непричастность командного состава партизан к погромам в Кузнецке и невозможность после тяжелых боев за Щегловск продолжать наступление на Мариинск. Возникшие обвинения отклонялись без суда. В знак признания заслуг в борьбе за Советскую власть 25 февраля Г. Ф. Рогову из партийной кассы было выдано 10 тысяч рублей»³⁵.

Разберем доводы В. Т. Шуклецова. Начнем с того, что расследование (а не «следствие», конечно, как пишет В. Т. Шуклецов) подтвердило в противоположность тому, что утверждает В. Т. Шуклецов, бесчинства роговцев в Кузнецком и Щегловском уездах. 29 декабря 1919 г., то есть несколько дней спустя после ареста Рогова, член Реввоенсовета 5-й армии, председатель Сибревкома И. Н. Смирнов запросил начальника Щегловского гарнизона И. Хамармера, являвшегося председателем комиссии 35-й дивизии по разоружению партизан, о причинах ареста Рогова и его штаба. И. Хамармер ответил И. Н. Смирнову, что «все сведения относительно насилия и грабежей верны»³⁶. Таковую же информацию 5 января 1920 г. дал в Реввоенсовет-5 из Барнаула инспектор пехоты 5-й армии Ф. В. Егоров³⁷. Факты бесчинств со стороны отрядов Рогова и Новоселова были подтверждены специальным постановлением штаба 1-й Томской партизанской советской дивизии³⁸. Наконец, их признали арестованные роговцы, подав 4 января 1920 г. соответствующее заявление в Новониколаевский (Томский) губернский ревком. Они ходатайствовали перед ревкомом об их освобождении из-под ареста и предоставлении возможности службой в рядах Красной Армии «ценою своей крови смыть позорное пятно»³⁹.

Особо следует сказать о таком важном документе, как постановление Реввоенсовета-5 от 14 января 1920 г., которое

³⁵ Шуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов, с. 253.

³⁶ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 37, л. 443.

³⁷ Там же, оп. 4, д. 86, л. 12.

³⁸ ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1255, л. 5.

³⁹ ГАНО, ф. 1137, оп. 1, д. 37, л. 1—2. Здесь же дополним, что в ноябре 1920 г. И. М. Дрожжин открыто писал о том, что в отрядах Рогова имели место факты «произвола, хулиганств, грабежа, бандитизма и дезорганизации» (Красный Алтай. 1920, 14 ноября).

было принято в ответ на запрос инспектора пехоты 5-й армии Ф. В. Егорова. Его ввел в научный оборот В. А. Кадейкин, а затем без ссылки на предшественника вторично опубликовал В. Т. Шуклецов. В постановлении говорится: «Сообщить через тов. Егорова..., что Рогов арестован Реввоенсоветом-5 за неисполнение боевого приказа...»⁴⁰ В системе доказательств В. Т. Шуклецова указанное постановление является единственным документальным источником и в силу этого — ключевым аргументом в пользу невиновности Рогова в бесчинствах и нарушениях революционной законности. Но процитированная протокольная запись из журнала заседаний Реввоенсовета 5-й армии не совсем полно и точно отразила суть дела и точку зрения Реввоенсовета армии. Как мы показали выше, Реввоенсовет-5, во-первых, не отдавал приказа об аресте Рогова, во-вторых, непосредственной причиной ареста Рогова послужили бесчинства, учиненные его партизанами в Кузнецком и Щегловском уездах. Именно об этом говорит резолюция, 14 января 1920 г. наложенная на телеграфном запросе Ф. В. Егорова членом Реввоенсовета армии К. И. Грюнштейном и отправленная Ф. В. Егорову в Барнаул в качестве официального ответа Реввоенсовета. Резолюция гласит: «Рогов арестован за неисполнение боевого приказа и по жалобам многих крестьян. Рогов предан суду, и один суд справедливый крестьянский решит вопрос, виновен или нет Рогов»⁴¹.

Теперь рассмотрим, насколько соответствует действительности утверждение В. Т. Шуклецова о том, что бывшие партизаны и повстанческое население «с недоумением» встретили арест Рогова и его окружения. На самом деле реакция различных слоев населения на это событие была неоднозначной. Например, бывшие роговцы, к концу декабря 1919 г. доставленные в Щегловск, устроили там откровенный бунт. Они потребовали вернуть им оружие и лошадей, а также освободить Рогова. Начальник Щегловского гарнизона арестовал зачинщика бунта анархиста П. Леонова, а весь отряд под конвоем красноармейцев 30 декабря 1919 г. отправил в Новониколаевск⁴². По данным Ф. В. Егорова от 5 января 1920 г., в дислоцировавшихся в районе Барнаула партизан-

ских частях одновременно отмечалось недовольство и бесчинствами роговцев, и строгими мерами, принятыми против них командованием Красной Армии⁴³. Штаб 1-й Томской партизанской советской дивизии 4 января 1920 г. ходатайствовал перед советскими органами об освобождении Рогова и Новоселова из-под ареста, ссылаясь на их заслуги в борьбе против белогвардейцев⁴⁴. Об этом же, настойчиво доказывая, что Рогов арестован напрасно, 14 января 1920 г. просила председателя Алтайского губернского ревкома В. В. Аристова и инспектора пехоты 5-й армии Ф. В. Егорова специальная делегация, уполномоченная крестьянским съездом 25 волостей Барнаульского и Бийского уездов⁴⁵.

На последнем факте следует остановиться подробнее. Прежде всего необходимо отметить, что съезд крестьян, делегация которого особенно настойчиво ратовала за освобождение Рогова, был инспирирован самим Роговым. Нами обнаружена копия записки Рогова, отправленной сразу же после ареста, в которой Рогов просил своих единомышленников собрать приговоры населения Барнаульского и Бийского уездов, содержащие ходатайства о недопущении над ним суда военно-революционного трибунала. Установлено также, что председатель Марининского волостного исполкома Федотов, выполняя просьбу Рогова, 7 января 1920 г. разослал ряду волисполкомов срочное предписание о созыве районного крестьянского съезда. Делегатам предлагалось 10 января 1920 г. явиться в село Жуланиха, Марининской волости (место жительства Рогова), с приговорами от сельских обществ, в которых бы указывалось, что Рогов сыграл большую роль в освобождении местного населения из-под власти Колчака⁴⁶.

Из протокола съезда, проходившего в назначенный срок в Жуланихе, следует, что на съезде присутствовало 176 представителей от 15 волостей Барнаульского и Бийского уездов. В повестке дня стоял один вопрос: «О причине ареста тов. Рогова, Новоселова и Возилкина и его помощников». Председательствовал на съезде и выступал в качестве докладчика И. Е. Возилкин⁴⁷. Он дезинформировал участников съезда о

⁴⁰ Кадейкин В. А. Указ. соч., с. 322; Шуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. с. 253.

⁴¹ ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 725, л. 5.

⁴² Там же, л. 4; ф. 1372, оп. 2, д. 51, л. 48. В документе П. Леонов ошибочно назван Ломовым.

⁴³ ЦГАСА, ф. 185, оп. 4, д. 86, л. 12.

⁴⁴ ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1255, л. 5.

⁴⁵ ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 725, л. 5.

⁴⁶ ГААК, ф. 60, оп. 1, д. 2, л. 46—47.

⁴⁷ И. Е. Возилкин — родной брат Е. Е. Возилкина, арестованного вместе с Роговым и Новоселовым.

причинах ареста Рогова и разоружении его подчиненных. Например, И. Е. Возилкин заявил, что церкви сжигались только потому, что они являлись опорными пунктами белых. Он категорически отрицал факты насилия и грабежей со стороны роговцев, утверждал, что население давало все партизанам добровольно. Участники съезда, не знавшие о бесчинствах роговцев в Кузнецком и Щегловском уездах, представители которых на съезд приглашены, естественно, не были, пошли на поводу у И. Е. Возилкина, приняли решение послать делегации в Барнаул и в Кузнецк⁴⁸. На результатах съезда, безусловно, сказалось также то обстоятельство, что в его работе участвовали главным образом представители тех волостей, из жителей которых были сформированы отряды Рогова.

Под давлением делегации крестьянского съезда, настойчиво доказывавшей, что Рогов арестован напрасно и это отрицательно сказывается на настроении населения, Ф. В. Егоров 14 января 1920 г. сделал запрос в Реввоенсовет 5-й армии. Мнение Реввоенсовета, наиболее полно и точно изложенное К. И. Грюнштейном, мы уже приводили. Основываясь на директиве Реввоенсовета, Ф. В. Егоров 16 января 1920 г. издал приказ № 13 по Барнаульскому гарнизону, отрывок из которого также уже цитировался. В приказе говорилось: «Дело тов. Рогова передано В (военно)-Р (эволюционный) трибунал 5-армии, где сосредоточатся все материалы как обвинительного, так и оправдательного характера. По собранному материалу будет вынесен определенный справедливый приговор»⁴⁹. Такова была позиция командования 5-й армии в середине января 1920 г.

Достоверных сведений о причинах и обстоятельствах освобождения Рогова из-под ареста немного. Известно только, что 6 февраля 1920 г. Томское губернское бюро РКП(б) рассмотрело заявление красноармейцев 3-го запасного полка 5-й армии (полк находился в Колывани и состоял из бывших партизан), в котором содержалась просьба освободить Рогова и Новоселова (к сожалению, текст письма нами не обнаружен). Губбюро пошло навстречу бывшим партизанам и сочло возможным удовлетворить их ходатайство⁵⁰.

В. Т. Шуклецов установил также, что 25 февраля 1920 г. из кассы Томского губбюро РКП(б) Г. Ф. Рогову было выда-

⁴⁸ ГААК, ф. 60, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁴⁹ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 97, л. 8.

⁵⁰ ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 10.

но 10 тыс. (ПАНО, ф. 13, оп. 1, д. 31, л. 27), однако интерпретировал этот факт произвольно. «В результате расследования, — пишет он, — Г. Ф. Рогов вместо наказания 25 февраля 1920 г. был награжден как командир отличившегося в боях советского партизанского отряда... Выдающаяся роль Г. Ф. Рогова в этой работе была официально признана армейскими и партийными органами. Из партизанских командиров Западной Сибири только он был отмечен их наградой»⁵¹. На самом же деле указанная сумма денег была выдана Рогову не в знак признания его заслуг в борьбе за Советскую власть, а как пособие по оказанию помощи, о чем свидетельствует соответствующая запись, содержащаяся в данном документе. Такой поступок партийного руководства Томской губернии, добивавшегося привлечения Рогова на сторону Советской власти, был вполне естественным.

Из-под ареста Рогова освободили не сразу после принятия решения Томским губбюро РКП(б), а по истечении довольно продолжительного срока. Скорее всего, это время потребовалось на получение разрешения Реввоенсовета и ревтрибунала 5-й армии, за которыми числились арестованные.

Исходя из всей совокупности фактов, по которым советское командование в феврале 1920 г. сочло возможным не предавать Рогова и его приближенных суду ревтрибунала. Во-первых, с разгромом Колчака. Деникина и Юденича улучшилось политическое положение Советской власти, что позволило смягчить политический режим диктатуры пролетариата, ограничить применение чрезвычайных мер подавления контрреволюционных и колеблющихся элементов. Во-вторых, были учтены заслуги Рогова в борьбе с белогвардейцами, ходатайства бывших партизан и населения Причерного края. В-третьих, бесчинства и грабежи, совершенные роговцами, расценивались не только как злой умысел, но и как проявление их политической несознательности, как объективно неизбежный продукт мелкобуржуазной, преимущественно крестьянской стихии. В-четвертых, была надежда, что Рогов осознает и попытается загладить свою вину перед Советской властью, участвуя в работе ее местных органов.

К сожалению, этим предположениям не суждено было оправдаться. Как известно, вернувшись домой в Жулануху,

⁵¹ Шуклецов В. Т. К вопросу о классовом характере партизанского движения..., с. 19—20.

Рогов встал на путь борьбы против Советской власти. Между тем В. Т. Шуклецов пытается «отлучить» Рогова от контрреволюционного мятежа, доказать его непричастность к вооруженной борьбе против Советской власти на Алтае весной—летом 1920 г. Эти тезисы В. Т. Шуклецов постарался обставить внушительными по количеству «аргументами»: многочисленными архивными и опубликованными документами, содержащими информацию о Рогове, «противоречивы и неконкретны»; дальше недовольства Советской властью, в основе которого лежали личные мотивы, Рогов не пошел; Новоселов и его окружение «пытались втянуть Г. Ф. Рогова в вооруженную борьбу и угрожали за отказ расправой»; стремясь запугать Рогова и заставить присоединиться к мятежу, бандиты убили его жену; «в бандах погромщиков его никто не видел»; Рогов был убит «по недоразумению»; Рогов «своих рук кровью коммунистов и советских работников не запятнал»; Рогов «стал жертвой клеветы и шантажа со стороны одних и неосведомленности со стороны других»⁵². Рассмотрим доводы В. Т. Шуклецова.

На самом деле все документы партийных, советских, военных и чекистских органов содержат определенную и конкретную информацию о руководящей роли Рогова в подготовке и проведении мятежа. Значительная часть этих документов со ссылками на источники, которые легко можно проверить на достоверность, приводилась в монографии П. Е. Померанцева и нашей статье. Среди них в первую очередь назовем антисоветское письмо, 14 марта 1920 г. отправленное Роговым в адрес волостных и сельских ревкомов Барнаульского, Бийского и Кузнецкого уездов⁵³. Весной 1920 г. Рогов лично и через своих приближенных П. Леонова, П. Мурзина и И. Новоселова развернул анархическую, противосоветскую и противокommунистическую агитацию, открыто угрожал поднять мятеж⁵⁴. Последствия этой контрреволюционной работы неоднократно фиксировались в документах советских органов. Так, в сводке Алтайского губревкома за 1 апреля 1920 г. говорится, что в районе, где раньше оперировали партизанские отряды Рогова, «отношение к Советской власти враж-

дебное»⁵⁵. Контрреволюционная агитация Рогова, отмечал 6 мая 1920 г. член Алтайского губоргбюро РКП(б) С. П. Усырев, затормозила организацию сельских комячеек в Причерном районе⁵⁶.

Рогов не ограничивался антисоветской агитацией, он активно занимался и подготовкой мятежа. В конце марта 1920 г. по его распоряжению И. Е. Возилкин разослал по селам Причерного края письмо о созыве крестьянского районного съезда, намеченного на 6 апреля 1920 г. в Жуланихе. В письме подчеркивалась желательность присутствия на съезде бывших роговских командиров, подвергавшихся аресту органами Советской власти⁵⁷. Прошедший съезд отрицательно сказался на политических настроениях населения и обстановке в районе роговского влияния. 9 апреля 1920 г. председатель Алтайской губчека И. И. Карклин и член коллегии губчека М. И. Ворожцов доложили об этом Алтайскому губоргбюро РКП(б). Было принято решение активизировать в угрожаемом районе коммунистическую агитацию, направив туда специальную группу сотрудников партийных и советских органов. Со своей стороны губчека произвела аресты ряда сообщников Рогова и Новоселова⁵⁸.

О настроении и поведении Рогова в марте—апреле 1920 г. говорится и во многих других документах того времени. Дополнительно сошлемся лишь на один из них — на доклад политотдела 26-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в то время на Алтае. В докладе, подготовленном в середине апреля 1920 г. В. Г. Бисяриным, прямо указывается, что Рогов и Новоселов встали «в определенную оппозицию к советской политике», ведут противокommунистическую агитацию и организуют вокруг себя бывших партизан, которые и раньше отличались мародерством. Однако, писал В. Г. Бисярин, «попытки привлечь широкие крестьянские массы к активному выступлению против Советов под лозунгом их чистки (от коммунистов, — В. Ш.) у крестьян не пользуются успехом, и крестьяне за Роговым, в особенности за Новоселовым, не идут»⁵⁹.

Итак, партийное и советское руководство Алтая располагало достоверными сведениями о контрреволюционной дея-

⁵² Шуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов, с. 253—258.

⁵³ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 64 а, л. 3.

⁵⁴ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 45, л. 23, 24; ПААК, ф. 1061, оп. 1, д. 520, л. 4, 5; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 35, л. 9; ЦГАСА, ф. 42, оп. 1, д. 910, л. 8; ф. 185, оп. 1, д. 106, л. 110; Алтайский коммунист, 1920, 20 июня.

⁵⁵ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 163, л. 8.

⁵⁶ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 83.

⁵⁷ ГААК, ф. 60, оп. 1, д. 2, л. 292.

⁵⁸ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 75; оп. 2, д. 35, л. 9.

⁵⁹ ЦГАСА, ф. 185, оп. 2, д. 395, л. 36.

тельности Рогова и неоднократно пыталось облагородить его и склонить на сторону Советской власти. Вторично арестовывать Рогова советские органы считали нецелесообразным. В июле 1920 г. на губерниском съезде Советов председатель Алтайского губоргбюро РКП(б) и губревкома В. В. Аристов следующим образом объяснил мотивы такого решения: необходимо было разоблачить его, предоставив возможность раскрыть, показать «свою контрреволюционную сущность»⁶⁰. Когда же Рогов открыто выступил против Советской власти, партийные и государственные органы Алтая немедленно дали четкую оценку его действиям. «Своим позорным, предательским выступлением, — говорилось в редакционной статье «Алтайского коммуниста» от 5 мая 1920 г., — Рогов сводит на нет все свои прошлые революционные заслуги, сам кладет на себя черное пятно и становится на сторону контрреволюции...» 6 мая 1920 г. Алтайское губоргбюро РКП(б), обсудив вопрос о положении в районе роговской агитации, постановило «Рогова назвать белогвардейцем»⁶¹. Руководствуясь постановлением высшего партийного органа губернии, Алтайский губревком 8 мая 1920 г. издал специальный приказ, в котором заклеил Рогова, Новоселова и Леонова как изменников Советской власти, перешедших в лагерь контрреволюции⁶². Его непосредственное присутствие в рядах мятежников с указанием времени и места систематически отмечалось в докладах, донесениях и сводках Алтайской губчека⁶³, частей 26-й стрелковой дивизии⁶⁴ и войск внутренней охраны (ВОХР)⁶⁵.

Достоверность информации, содержащейся в этой группе документов, не вызывает никакого сомнения. Сошлемся, например, на свидетельство начальника 26-й стрелковой дивизии Я. П. Гайлита. Докладывая 30 мая 1920 г. военному отделу Сибревкома о ходе подавления мятежа, Я. П. Гайлит специально указал, что располагает о «роговщине» многочис-

⁶⁰ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 202, л. 5.

⁶¹ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 100.

⁶² Алтайский коммунист, 1920, 9 мая.

⁶³ ГАТО, ф. 521, оп. 1, д. 52, т. 1, л. 443; ПААК, ф. 1061, оп. 1, д. 511, л. 72; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 27, л. 28, 30; ЦГАСА, ф. 42, оп. 1, д. 967, л. 58, 62; д. 1896, л. 10—12, 17; ф. 17529, оп. 1, д. 124, л. 13.

⁶⁴ ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 147, л. 33, 48, 59, 191, 194; д. 237, л. 35; д. 275, л. 135, 161, 170, 204; д. 279, л. 5, 7, 15, 28, 30, 43; д. 938, л. 17, 20, 29, 30, 46, 47; ф. 1319, оп. 1, д. 165, л. 50, 51, 93, 135.

⁶⁵ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 100, л. 30; ЦГАСА, ф. 42, оп. 1, д. 910, л. 8, 9; д. 967, л. 58; д. 1886, л. 5—7, 23, 74, 82, 92.

ленными фактами, но в сводках дает информацию «только строго проверенную»⁶⁶. Столь же показателен другой документ — доклад помощника начальника Западно-Сибирского сектора ВОХР М. В. Васильева от 1 июня 1920 г. члену Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома В. М. Косареву. С 11 мая по 1 июня 1920 г. М. В. Васильев находился в командировке на Алтае, принимал непосредственное участие в разработке военных операций и руководстве боевыми действиями частей ВОХР против роговцев. М. В. Васильев писал: «Рассчитывать на то, что Рогов сдастся «на милость победителей», не приходится, ибо по собранному мною достоверному материалу это человек незаурядный. к смерти относится равнодушно и в своих авантюристических похождениях готовый на все»⁶⁷.

О личном участии Рогова в качестве одного из руководителей мятежа свидетельствуют также сохранившиеся обращения к рабочим и крестьянам, подписанные Роговым от имени «Комиссии Алтайской федерации» и «Боевой комиссии Алтайской федерации анархистов» вместе с Габовым, Леоновым, Новоселовым и Сизиковым, воззвания, письма и другие документы за совместными подписями Рогова, Новоселова, Сизикова и Карманова, захваченные красноармейцами во время боев⁶⁸, показания сдавшихся и взятых в плен мятежников, неоднократно отмечавших идейное руководство повстанцами со стороны самого Рогова (ведение антикоммунистической агитации, распространение ложных слухов и т. п.)⁶⁹.

Особенно важен следующий факт. В конце мая 1920 г. начдив-26 Я. П. Гайлит пришел к выводу, что ликвидация мятежа затягивается из-за неуловимости вожаков движения. 29 мая Я. П. Гайлит возложил на командира 232-го полка А. Н. Баткупова «особую задачу по упорному преследованию самого Рогова с целью захватить его живым или мертвым»⁷⁰. Гайлит приказал Баткупову сформировать конный отряд в 20—30 всадников во главе с опытным боевым начальником. Отряду разрешалось в оперативном отношении действовать совершенно самостоятельно, чтобы неотступно днем и ночью преследовать Рогова. 31 мая комполка-232 сформировал от-

⁶⁶ ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 44, л. 10.

⁶⁷ Там же, ф. 42, оп. 1, д. 910, л. 9.

⁶⁸ ГАТО, ф. 53, оп. 1, д. 2, л. 76; ф. 521, оп. 1, д. 52, т. 1, л. 28, 226, 257; Померанцев П. Е. Указ. соч., с. 15—16.

⁶⁹ ЦГАСА, ф. 1317, оп. 1, д. 354, л. 30; оп. 2, д. 275, л. 161; д. 279, л. 28; ф. 1320, оп. 1, д. 32, л. 114.

⁷⁰ Там же, ф. 1317, оп. 2, д. 147, л. 167.

дельный кавалерийский отряд по поимке Рогова численностью в 65 человек, во главе которого поставил командира батальона А. Г. Шаркова, награжденного за боевые заслуги орденом Красного Знамени⁷¹. В бою у деревни Большая речка (25 верст севернее Тогула) в ночь с 13 на 14 июня 1920 г. был взят в плен сын Рогова Сергей⁷². Настроение в рядах мятежников резко ухудшилось. В сводке 26-й дивизии со слов пленных отмечалось: «Большинство в отряде возбуждено против Рогова и Новоселова, были случаи угрозы оружием»⁷³. 20 июня конники Шаркова в 15 верстах восточнее деревни Бутыриха вновь настигли немногочисленную группу Рогова и полностью рассеяли ее. Во время перестрелки с красноармейцами была убита жена Рогова, а сам он с одним из приближенных скрылся в направлении д. Озерная⁷⁴.

Коротко остановимся на обстоятельствах смерти Рогова. Несмотря на то, что они хорошо известны и освещены в литературе, В. Т. Шуклецов пытается представить гибель Рогова как «трагическое недоразумение», а в последней публикации — даже как злой умысел со стороны председателя Дмитро-Титовской комячейки А. Н. Полетаева⁷⁵. В связи с этим необходимо выяснить, как оценивало данное событие партийное и советское руководство Алтайской губернии. Его точка зрения была официально высказана в статье «Бесславная кончина», написанной членом Алтайского губоргбюро РКП(б) Я. Р. Ельковичем. «Преследуемый нашей пешей и конной разведкой, — говорится в статье, — Рогов при сопротивлении был ранен в ногу. Не имея на этот раз возможности скрыться, он, чтобы не попасть в плен, покончил жизнь самоубийством, застрелив себя из револьвера. Такова бесславная кончина этого бандита и авантюриста, таков жалкий конец его безумной попытки свергнуть рабоче-крестьянскую Советскую власть»⁷⁶.

Столь же определенно и четко писала о Рогове центральная советская печать. Например, газета «Известия ВЦИК» отнесла Рогова и Новоселова к той части сибирских партизан, которая «проделала то же, что и Махно на Украине»,

⁷¹ Там же, л. 190.

⁷² Там же, д. 279, л. 11, 16; ф. 185, оп. 3, д. 626, л. 66.

⁷³ Там же, ф. 185, оп. 3, д. 1063, л. 264.

⁷⁴ Там же, л. 296; ф. 1319, оп. 1, д. 167, л. 531.

⁷⁵ Шуклецов В. Т. К вопросу о классовом характере партизанского движения..., с. 24—25.

⁷⁶ Алтайский коммунист, 1920, 6 июля.

прошла «все махновские этапы». «С ликвидацией отрядов Рогова и Новоселова, — считали «Известия ВЦИК», — «махновщину» в среде сибирской партизанщины можно считать изжитой»⁷⁷.

Мятеж Рогова начался с разгона местных ревкомов, убийств советских сотрудников и милиционеров, провозглашения безвластия и вскоре вылился в типичную анархистскую вакханалию. 12 мая 1920 г. начдив-26 Я. П. Гайлит телеграфировал председателю Сибревкома: «В занятых деревнях роговцы бесчинствуют, терроризируют жителей насилиями и убийствами, в отрядах процветает повальное пьянство»⁷⁸. Точно такая же обстановка повсеместно насаждалась роговцами на протяжении всего мятежа. Приведем для примера свидетельство газеты «Алтайский коммунист». Роговская «мать порядка», писала газета, «выражается только лишь в грабежах и убийствах, бесшабашном пьянстве и насилиии»⁷⁹. Особенно жестоко роговцы расправлялись с захваченными в плен красноармейцами⁸⁰. Квалифицируя объективное значение поднятого Роговым мятежа, Алтайское губоргбюро РКП(б) в обращении к населению Алтая указывало, что роговская «анархия в данный момент ведет к царской монархии»⁸¹.

Таким образом, приведенные документы позволяют утверждать, что весной—летом 1920 г. Рогов вел себя как ярый враг Советской власти. Попытки В. Т. Шуклецова представить Рогова в качестве жертвы клеветы и шантажа контрреволюционных элементов, с одной стороны, неосведомленности советских органов, граничащей с преступной халатностью и равнодушием, — с другой, не имеют под собой никакого основания.

В заключение вполне правомерно поставить вопрос о том, чем же объяснить позицию В. Т. Шуклецова по вопросу о Рогове и «роговщине»? Если ответ на этот вопрос давать в самом общем виде и только в научном плане, то можно ограничиться указанием на низкую профессиональную культуру автора. Если отвечать более широко и конкретно, то в первую очередь необходимо назвать нарушение В. Т. Шуклецовым

⁷⁷ Известия ВЦИК, 1920, 5 ноября.

⁷⁸ ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 147, л. 59.

⁷⁹ Алтайский коммунист, 1920, 10 июня.

⁸⁰ ЦГАСА, ф. 1317, оп. 1, д. 354, л. 9; ф. 1320, оп. 1, д. 32, л. 114; ГАТО, ф. 521, оп. 1, д. 52, т. 1, л. 32.

⁸¹ Заря коммуны (Барнаул). 1920, 6 июня.

основополагающих принципов историко-партийного исследования: историзма, объективности и партийности, выразившихся в фальсификации ряда документов и в прямой ревизии решений партийных органов, считавших Рогова врагом Советской власти.

Н. Г. ЩЕРБИНИНА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОЛЧАКА И ИНТЕРВЕНТОВ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ 50 — НАЧАЛА 80-х гг.

Одной из основных задач советской историографии интервенции в Сибири является изучение взаимоотношений интервентов с внутренней контрреволюцией вообще и с Колчаком в частности. Эта проблема включает в себя ряд основных моментов, а именно: внешний фактор в подготовке и проведении переворота Колчака, комплекс вопросов, связанных с отношением интервентов к колчаковщине (военная и другая помощь Колчаку, вопрос о признании его режима и другие) и, наконец, взаимоотношения Колчака и его зарубежных покровителей в период кризиса и разгрома колчаковщины.

В силу недостаточной историографической изученности требуют подробного исследования все эти вопросы, но в рамках небольшой статьи сделать это невозможно, поэтому автор ограничится в основном рассмотрением в историографическом плане роли империалистических стран в подготовке и проведении переворота Колчака.

На первый взгляд может показаться, что поставленная проблема не заслуживает специального историографического исследования, что вообще никакой проблемы нет; история колчаковского переворота изучена, все в ней устоялось, не вызывает сомнений и споров.

Но при более глубоком знакомстве с темой обнаруживается, что, как правило, в работах по истории интервенции информация о роли «союзников» в перевороте Колчака сводится к общим фразам и одному-двум фактам (к примеру, в монографических сочинениях М. А. Гудошникова, В. А. Боярского, А. В. Березкина, Ф. Д. Волкова и других)¹.

¹ Гудошников М. А. Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959; Боярский В. А. Вторжение империалистов США в Советскую Россию и его провал. М., 1961; Березкин А. В. Октябрьская революция и США. 1917—1922 гг. М., 1967; Волков Ф. Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924). М., 1954.

Специально же вопрос о роли интервентов в подготовке и проведении колчаковского переворота был поставлен лишь в работах трех историков: С. Г. Лившица, Е. С. Белогловского и М. И. Светачева².

Выделим круг основных вопросов, которые позволяют рассмотреть более подробно степень изученности поставленной проблемы в советской историографии 1950-х — начала 1980-х годов.

1. Причины подготовки интервентами военной диктатуры;
2. Центры организации «союзниками» военного переворота в Сибири;
3. Почему интервенты сделали выбор в пользу Колчака;
4. Роль отдельных союзных держав в перевороте;
5. Отношение союзных представителей в Сибири и их представительств к уже свершившемуся перевороту.

Посмотрим теперь, насколько эти вопросы и достаточно ли однозначно освещены в современной советской литературе.

Наибольшее единодушие наблюдается при раскрытии исследователями причин подготовки в Сибири военной диктатуры.

Иная картина вырисовывается при обобщении конкретного материала по остальным проблемам. Возьмем, к примеру, вопрос о том, какая империалистическая держава стояла за спиной Колчака. В советской литературе по истории интервенции утвердилось прочное мнение, что Колчак является ставленником Англии, Франции и США, что его кандидатура на пост диктатора сразу устраивала почти все империалистические державы, участвовавшие в интервенции в Сибири. Так считают Е. И. Попова, Ф. Д. Волков, А. И. Крушанов и многие другие³. Не отвергая активной роли Франции в подготовке переворота, ряд историков подчеркивают особую активность Англии и Америки (М. А. Гудошников, С. С. Григорье-

вич, А. В. Березкин)⁴. В целом этой же точки зрения придерживаются С. Г. Лившиц и Е. С. Белогловский⁵.

На фоне этого довольно единодушного решения вопроса несколько отличается вывод М. И. Светачева о том, что кандидатуру Колчака поддерживали не все интервенты, что именно в вопросе о русском диктаторе особенно четко выявилось отсутствие единства в ориентации «союзников» на различные контрреволюционные группы. Специальная постановка М. И. Светачевым этого, казалось бы, давно решенного вопроса и привлечение им новых фактических материалов в доказательство своей точки зрения дали плодотворные результаты. М. И. Светачев определенно заявляет, и с ним нельзя не согласиться, что Колчак является английским ставленником на пост диктатора в Сибири. Аналогичной точки зрения придерживается Б. С. Жигалов в своей монографии, посвященной дальневосточной политике Англии в 1917—1922 гг.⁶ Материалы статьи С. Г. Лившица по истории английской интервенции свидетельствуют о том же, но, как уже отмечалось, вывод он сделал традиционный.

Остановимся подробнее на статье С. Г. Лившица «К истории английской интервенции в Сибири в 1918 г.», совместной его статье с Е. С. Белогловским «Роль стран Антанты в установлении диктатуры Колчака в Сибири» и работе М. И. Светачева «Интервенты и сибирская контрреволюция (ноябрь 1917—1918 гг.)». Все они характеризуются привлечением нового фактического материала, что позволило авторам раскрыть многие внешне-политические аспекты переворота Колчака. Особенно в этом смысле можно отметить статью М. И. Светачева, ее материалы так называемого «японского заговора» против Колчака, связанные с существованием в Сибири двух центров подготовки диктаторского режима, и другие.

Но выводы авторов не всегда совпадают. М. И. Светачев привлек более широкий круг источников, особенно иностранных, а это немаловажно. Статья М. И. Светачева является и примером того, как можно плодотворно использовать и источники, хорошо известные.

² Лившиц С. Г. К истории английской интервенции в Сибири в 1918 г. — Учен. зап. Барнаульск. пед. ин-та, 1972, т. 19; Лившиц С. Г., Белогловский Е. С. Роль стран Антанты в установлении диктатуры Колчака в Сибири. — В кн.: Вопросы истории, экономики и философии. Челябинск, 1970; Светачев М. И. Интервенты и сибирская контрреволюция (ноябрь 1917—1918 гг.). — В кн.: Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1973, вып. 3.

³ Попова Е. И. Политика США на Дальнем Востоке (1918—1922). М., 1967; Волков Ф. Д. Указ. соч.; Крушанов А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1920). Владивосток, 1972.

⁴ Гудошников М. А. Указ. соч.; Григорьевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром. М., 1957; Березкин А. В. Указ. соч.

⁵ Лившиц С. Г., Белогловский Е. С. Указ. соч.

⁶ Жигалов Б. С. Дальневосточная политика Англии в 1917—1922 гг. Томск, 1981.

С. Г. Лившиц и М. И. Светачев по-разному определяют обстоятельства, приведшие к победе Колчака. С. Г. Лившиц главным считает отсутствие опоры у Колчака в Сибири и его умение маневрировать в сложной обстановке в сочетании с реакционностью взглядов. М. И. Светачев же, напротив, доказывает, что Колчак был в глазах интервентов фигурой довольно значительной.

Еще более четко выступает «особое» мнение Светачева при определении им реакции «союзных представителей» в Сибири и их правительств на переворот Колчака. В целом позиция историков по этому вопросу сводится к тому, что буквально все «союзники» русской контрреволюции приветствовали это событие. Так считают М. А. Гудошников, В. Мазлер, С. Г. Лившиц и другие⁷.

Это, безусловно, верно в том смысле, что интервенты приветствовали установление в Сибири диктаторского режима. Но фигура Колчака устраивала не всех. Более правомерным является вывод М. А. Светачева о том, что больше всех успех Колчака радовал Англию, чьим ставленником был адмирал.

Совершенно очевидно, что отношение Японии к перевороту было враждебным, хотя она это скрывала. Эта враждебность проявилась в антиколчаковской деятельности японского ставленника в Сибири Семенова и других.

Отношение Парижа М. И. Светачев квалифицировал как неотчетливое. Скорее это была позиция дружеского нейтралитета.

Особо надо сказать о реакции на переворот США. Ряд историков считают, что она была восторженной, причем основным аргументом позиции американского правительства служит у них отзыв о Колчаке американского консула в Иркутске Гарриса (В. А. Боярский, С. Г. Лившиц)⁸.

М. И. Светачев же, напротив, приходит к выводу, что донесения американских представителей в Сибири о перевороте были противоречивыми, но в целом свидетельствовали о том, что Америка мало сделала для переворота. Думается, можно вполне определенно отметить, что правительство США в момент переворота и сразу после него заняло выжидательную позицию. Об этом, кстати, свидетельствует тот факт, что пока

⁷ Гудошников М. А. Указ. соч.; Мазлер В. Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак. — Байкал, 1970, № 5; Лившиц С. Г. Указ. соч.

⁸ Боярский В. А. Указ. соч.; Лившиц С. Г. Указ. соч.

известны документы, характеризующие отношение официального Вашингтона к перевороту. Аналогично оценивает реакцию империалистических стран на переворот Б. С. Жигалов⁹.

Таким образом, все вышесказанное свидетельствует о том, что проблема исследования внешнеполитического аспекта становления колчаковской диктатуры в Сибири является интересной, важной и недостаточно изученной.

Несмотря на то, что появились специальные статьи, посвященные ее разрешению, разумеется, нельзя считать, что все обстоятельства этого эпизода интервенции в Сибири выявлены. Не совсем ясна позиция Франции в этом вопросе, да и в позиции Вашингтона много «белых пятен». Но сама постановка вопроса о внешнем факторе в подготовке и проведении переворота Колчака свидетельствует о более углубленном подходе советских историков 50 — начала 80-х годов к проблеме истории интервенции в Сибири в целом.

Несомненно, более изученными являются проблемы взаимоотношений интервентов с Колчаком в период успехов и крушения режима¹⁰. Этот материал намного больше по объему, подробнее рассматриваются специально отдельные аспекты проблемы, такие как признание «правительства» Колчака на различных этапах его существования, размеры военных поставок и экономической «помощи» Колчаку, поездка американского представителя Морриса в Омск, отношения Колчака и интервентов в период его разгрома и другие.

Здесь нет разногласий в оценке взаимоотношений Колчака и интервентов. Ярким примером единодушия является оценка всеми историками роли США в стремлении спасти колчаковский режим, тем более, что почти все названные авторы писали об американской интервенции.

Если в период переворота США занимали выжидательную позицию, то, сделав позднее ставку на Колчака, поддержи-

⁹ Жигалов Б. С. Указ. соч.

¹⁰ Григорцевич С. С. Указ. соч.; Березкин А. В. Указ. соч.; Лившиц С. Г. Из истории империалистической интервенции в Сибири (1918—1919). — В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. Новосибирск, 1966; Он же. К истории американской интервенции в Сибири (1918—1919 гг.). — В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. Новосибирск, 1968; Боярский В. А. Указ. соч.; Жигалов Б. С. Указ. соч.; Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Новосибирск. 1983.

вали его до самого конца и хотели видеть во главе любого правительства в Сибири¹¹.

В самых последних работах Б. С. Жигалова и М. И. Светачева¹² рассматривается и позиция правительств других стран в период разгрома Колчака, попытки дипломатических представителей этих стран во Владивостоке сменить правительство Колчака на более демократичное.

Но все вышесказанное, разумеется, не свидетельствует о том, что история взаимоотношений Колчака и интервентов не требует дальнейшего исследования.

¹¹ Григорьевич С. С. Указ. соч.; Березкин А. В. Указ. соч.; Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922). Новосибирск, 1983.

¹² Жигалов Б. С. Указ. соч.; Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922). Новосибирск, 1983.

Е. И. БАРВЕНКО

«АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В СИБИРИ

Противоборство сил революции и контрреволюции составляет единый социальный процесс, изучение которого на конкретном историческом материале позволяет решать актуальную политическую задачу — уточнение общих принципов и основных условий защиты завоеваний пролетариата в борьбе с буржуазией. На необходимость глубокого и твердого усвоения массами политических уроков российской революции и контрреволюции указывал В. И. Ленин¹.

Советские исследователи провели огромную работу по изучению борьбы трудящихся с силами реакции в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, когда классовая борьба достигла своих крайних, военных форм. Характерной чертой современного этапа исследований, по оценке И. И. Минца и В. П. Наумова, является углубленное изучение сил, представлявших не только революцию, но и лагерь ее политических противников². Заметными вехами в этом направлении стали труды Д. Л. Голинкова, К. В. Гусева, Н. Г. Думовой, Н. Я. Иванова, Г. З. Иоффе, В. Д. Поликарпова, Л. М. Спирина и др.³ В них разработаны проблемы, связанные с изучением классов

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 124.

² Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М.: Наука, 1982, с. 111.

³ Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР, кн. 1—2. М.: Политиздат, 1980; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М.: Наука, 1982; Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М.: Мысль, 1977; Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Мысль, 1977; Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России. М.: Наука, 1976; Спирина Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М.: Мысль, 1968 и др.

и партий, составлявших контрреволюционный лагерь, выявлены важнейшие характеристики политической, социально-экономической, военной деятельности белогвардейских правительств и многие другие аспекты истории контрреволюции.

Успешно продолжаются исследования борьбы с контрреволюцией в отдельных районах нашей страны, в том числе в Сибири. Дальнейшее, еще более углубленное исследование истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на территории Сибири предполагает всестороннее изучение существующей источниковой базы.

Среди исторических источников заметное положение занимают документальные материалы и мемуары, являвшиеся результатом деятельности представителей контрреволюционного лагеря. Они рисуют картину формирования антисоветских сил, демонстрируют беспощадность и изощренность белогвардейцев и интервентов, направленную на ликвидацию завоеваний социалистической революции. Наряду с конкретными историческими фактами, научная достоверность которых может быть проверена другими источниками, данные материалы несут мощный политический заряд — они показывают, как велики были цена и значение победы трудящихся России над врагами Советской власти.

Одним из наиболее обширных опубликованных источников по истории российской контрреволюции является белоэмигрантский «Архив русской революции». Более двух десятков томов этого издания были выпущены в свет берлинской группой правых кадетов во главе с И. В. Гессеном, В. Д. Набоковым, А. И. Каминкой в 1921 — 1937 гг. «Архив» представляет собой сборники документов, воспоминаний, дневников и писем активных участников так называемого белого движения. Особенностью данного источника является его комплексность, позволяющая проследить зарождение и этапы развития контрреволюционного лагеря в различных районах, в том числе на востоке России.

Материалы «Архива русской революции» уже использовались советскими историками. Однако исследователи оперировали часто не публикациями самого «Архива», а позднейшими сокращенными перепечатками из него. В большинстве случаев цитированные мемуары или документы рассматривались как источник иллюстративного, вспомогательного характера. Приводимые факты и оценки нередко воспроизводились вне контекста, несущего следы очевидной классово-политической пристрастности. Некоторые совре-

менные исследователи используют «Архив» лишь в том объеме, в каком он цитировался предшественниками. Все это связано с практически полным отсутствием научной критики названных источников, как, впрочем, и многих других материалов, генерированных контрреволюционным лагерем.

В данной статье предпринята попытка дать источниковедческую оценку наиболее значительных материалов, опубликованных «Архивом русской революции» по истории гражданской войны в Сибири, — «Отчета о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году», «Записок белогвардейца лейтенанта NN» и «Дневника» А. Будберга⁴.

Важнейшей источниковедческой характеристикой анализируемых материалов является установление личности авторов. «Отчет» был написан генералом В. Е. Флугом. В конце августа 1917 г. он предложил свои услуги Корнилову, однако активно проявить себя не успел, так как контрреволюционный мятеж был быстро подавлен. В первой половине ноября 1917 г. Флуг уехал на Дон, где вошел в состав создававшейся М. Алексеевым «добровольческой армии». Отсюда в начале 1918 г. Флуг был направлен со специальной миссией в Сибирь, откуда возвратился летом 1919 г. В феврале следующего года вместе с остатками разгромленных денкинцев эмигрировал.

Пехотный генерал барон А. Будберг в 1917 г. командовал корпусом в районе Двинска. Оставив фронт в середине ноября 1917 г., жил в Петрограде, откуда, получив фиктивное назначение военным агентом в Токио, отбыл на Дальний Восток. До весны 1919 г. находился в Харбине, Владивостоке. 26 марта 1919 г. был назначен главным начальником снабжения при ставке Колчака. Позднее являлся управляющим военным министерством, военным министром в колчаковском правительстве. Вышел в отставку в октябре 1919 г., заявив о несогласии с существующей в «колчаковин» системой управления. С 1920 г. Будберг находился в эмиграции.

Об авторе «Записок белогвардейца», именуемом в «Архиве русской революции» «лейтенантом NN», известно, что к началу февральской революции этот флотский офицер служил в одном из штабов в Петрограде. При Временном правительстве выступал в качестве его комиссара в одной из

⁴ Архив русской революции, тт. 9, 10, 12—15. Берлин: Изд-во «Слово», 1923—1924.

губерний средней России. После Октябрьской революции включился в контрреволюционную деятельность — вначале в Поволжье, затем в Москве являлся участником военной организации «Правого центра». Служил в войсках комуча, затем — в колчаковской армии. По тексту «Записок» можно предположить, что с весны 1919 г. «лейтенант NN» находился в армии Юденича, после разгрома которой оказался в эмиграции.

Таким образом, все вышеперечисленные лица являлись кадровыми царскими офицерами. Они покинули армию, отказавшись признать Октябрьскую революцию, и немедленно включились в активную антисоветскую деятельность. Последнее диктовалось их убеждениями, сложившимися политическими взглядами, приверженностью идее реставрации монархии в России. В своем «Дневнике» Будберг прямо писал, что считает нужным восстановить «то здоровое и неизбежное для государственности, что разрушено революцией и ее последствиями»⁵. Правда, он, как и многие другие монархисты, считал, что в годы гражданской войны следует «спрятать свои чувства и работать идейно для тех времен, когда реставрация станет естественно неизбежной»⁶. Неудивительно поэтому, что даже П. Милюков относил барона Будберга к числу генералов с «очень правыми убеждениями»⁷.

С точки зрения источниковедения важно отметить, что анализируемые материалы различны по форме (деловой отчет Флуга, дневниковые записи Будберга, типичные воспоминания «NN»), что обусловило различную степень регрессивности и воссоздания действительности.

Однако в большей мере следует подчеркнуть то общее, что сближает все три анализируемые публикации «Архива». Необходимо, во-первых, указать на близость отчета Флуга по форме к воспоминаниям. Основные события, описываемые им, довольно далеко соотнесены во времени с моментом подготовки самого документа — разрыв составлял около года. Следовательно, отчет Флуга можно рассматривать как воспоминания. Это допущение тем более возможно, что отчет довольно свободен по форме изложения; автор избежал прозаической сухости и канцеляризм.

⁵ Там же, т. 13, с. 204.

⁶ Там же, с. 228.

⁷ Милюков П. Россия на переломе, т. 2. Париж, 1927, с. 129.

Во-вторых, следует напомнить, что «в своем реальном историческом бытовании мемуары ни с одним иным видом источников... не соприкасаются так тесно, как с дневниками»⁸. По определению С. С. Дмитриева, эти источники постоянно «переходят, преобразуются из одного в другой»⁹. Нередко дневниковые записи служат основой для последующих воспоминаний. Не исключено, что отчет Флуга был также подготовлен на основе ранее сделанных записей. Что касается «Дневника» Будберга, то он далеко не всегда сохраняет жанровую «чистоту». Наряду с ежедневными записями в него вошли воспоминания автора.

Все это, конечно, не может служить основанием для отказа от сложившегося в исследовательской литературе воззрения на дневники и мемуары как на различные виды источников — синхронный и ретроспективный¹⁰. В данном случае средствами известной формализации осуществляется попытка найти те компоненты в изучаемых публикациях «Архива», которые облегчают их совместную критику.

Источниковедческая оценка предполагает не только содержательный анализ, но и вычленение стилистических особенностей, характерных приемов, использованных авторами документов. В связи с этим важно подчеркнуть одну из особенностей дневника Будберга — особую резкость оценок и мнений, превосходившую даже типичный для белогвардейских офицеров глобальный нигилизм. Исследователям следует принять в расчет не только правые политические взгляды Будберга, но его психологический склад, крайнюю раздражительность, желчность.

Критическое отношение Будберга к действительности оказывается полезным для советского историка, ибо таким образом в дневнике отразилась далеко не апологетическая картина «белого движения». Однако не во всех случаях исследователь должен идти за Будбергом в его негативных оценках и восприятии окружающих людей и явлений, как это ни бывает соблазнительно. Увлеченность таким источником, как «Дневник» Будберга, способна привести к упрощенному,

⁸ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980, с. 37.

⁹ Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М.: Высш. школа, 1970, с. 350.

¹⁰ Левицкий Л. Где предел субъективности? — Вопросы литературы, 1974, № 4, с. 107—108; Тартаковский А. Г. Указ. соч., с. 35—37.

облегченному пониманию процесса борьбы с российской контрреволюцией.

Специфика «Дневника» обусловлена и целевой установкой автора — привычным систематическим самоанализом. Сомнительно, чтобы свои дневниковые записи Будберг предполагал к публикации в будущем. Совершенно другими были задачи, достигавшиеся лейтенантом «NN» и В. Флугом. Первый стремился восстановить по памяти события, в которых ему пришлось участвовать, и определить причины конечного крушения «белого дела», что сделало «Записки» типичными воспоминаниями битого белогвардейца. Второй добивался достижения более узкой, но от этого не ставшей для автора «Отчета» более близкой цели — доказать, что его поездка в Сибирь не была совершенно бесполезной.

Перед отъездом Флуг получил от генерала Корнилова задание «сгруппировать и организовать на местах элементы, одушевленные идеей борьбы с германо-большевизмом, произвести учет живой силы, могущей принять вооруженное участие в этой борьбе, разрешить вопросы ее снабжения, а также действия ее в тесной связи с политическими группами, которые в случае свержения советской власти могли бы принять на себя задачи управления»¹¹. Как явствует из «Отчета», Флугу не удалось решить все поставленные перед ним задачи; недостигнутой оказалась и главная цель — обеспечить координацию действий сибирской контрреволюции и добровольческой армии. Причины этого следует, видимо, искать в следующем: затянувшийся характер поездки; отсутствие связи с добровольческой армией; резко изменившаяся в период поездки политическая и военная обстановка в Сибири.

Недостаточная результативность миссии заставляла Флуга акцентировать внимание на своей организаторской деятельности, на усилиях достичь желаемых результатов и одновременно на демонстрации тех фактов, которые мешали достигнуть значительных итогов.

Фиксирование маршрута поездки Флуга и сроков его пребывания в различных районах Сибири и Дальнего Востока позволяет сделать следующие выводы: во-первых, Флуг побывал во всех крупнейших центрах региона, в которых сосредоточивалось контрреволюционное подполье — в Омске, Томске, Иркутске и др. городах; во-вторых, в некоторых из этих центров он находился достаточно большое время, чтобы деталь-

но ознакомиться с обстановкой; в-третьих, время пребывания Флуга в пути, с конца марта до середины июня 1918 г., совпало с периодом активной подготовки контрреволюционных сил к свержению Советской власти в Сибири; на завершающем этапе поездки он наблюдал начало белочешского мятежа; в-четвертых, Флуг более полугода — до февраля 1919 г., находился в Харбине, являвшемся одним из основных опорных пунктов белогвардейского движения на востоке. Таким образом, автор «Отчета» оказался участником или, по меньшей мере, наблюдателем важных событий, имеющих место в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918 году.

Миссия Флуга имела военно-политический характер, поэтому значительное место в «Отчете» занимает характеристика тайных офицерских организаций в Сибири. В Омске, указывал автор, существовало несколько подпольных групп, отрядов. Часть из них местные кадеты называли «социалистическими», но, по мнению Флуга, безосновательно. По признанию руководителя крупнейшего отряда, «социалистическая» окраска была вызвана уступкой деятелям кооперации — эсерам, финансировавшим организацию¹².

В период кратковременного пребывания в Томске Флуг также познакомился с представителями ряда подпольных организаций, основной частью которых являлись бывшие царские офицеры¹³. В «Отчете» он утверждал, что разобщенные на первых порах офицерские отряды удалось быстро поставить на путь объединения, поскольку большинство членов «эсеровской организации не являлись правверными социалистами, а в организацию попали случайно, ища какой-нибудь точки опоры»¹⁴.

Точно такую же картину, заявлял Флуг, он наблюдал в Иркутске. Военные организации, именовавшиеся эсеровскими, немедленно отказывались от такого наименования, как только на них оказывался нажим со стороны торгово-промышленных кругов, обещавших денежную поддержку¹⁵. Подобные сведения подтверждают вывод о существовавшем в Сибири

¹² Там же, с. 253.

¹³ Дополнением к «Отчету» Флуга о пребывании его в Томске служат доклады и письма подполковника В. Глухарева, сопровождавшего генерала в поездке по Сибири. См.: Красная летопись. Л., 1922, № 5, с. 356 — 370.

¹⁴ Архив русской революции, т. 9, с. 259.

¹⁵ Там же, с. 262.

¹⁶ Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., Наука, 1977, с. 125—126.

¹¹ Архив русской революции, т. 9, с. 244.

своеобразном симбиозе эсеров с монархическим офицерством¹⁶. Первые рассчитывали на знания, боевой опыт кадровых военных, вторые — учитывали известную популярность «социалистов» в массах, их лучшую первоначально организованность. Следует также принимать в расчет известное тяготение руководства сибирских эсеров к кадетско-монархическим кругам. Пробуржуазная сущность взглядов и деятельности «социалистов» быстро обнаружилась с приходом их к власти летом 1918 г.¹⁷

Представляет интерес характеристика избранного сибирскими контрреволюционерами плана действий. Флуг писал, что предполагалось одновременное выступление во всех крупнейших городах с нанесением ударов по заранее намеченным стратегическим пунктам и объектам. Особая ставка делалась на внезапность. Из замечаний Флуга ясно, что большой уверенности в успехе дела заговорщики не имели¹⁸. Контрреволюционеры сознавали ограниченность своих сил, отсутствие прочной опоры в массах и поэтому рассчитывали на помощь извне. Указание Флуга на последнее совпадает с признанием председателя Сибирской областной думы И. Якушева о том, что трудно было сказать, как скоро смог бы быть реализован контрреволюционный заговор, «если бы на помощь не пришли доблестные братья чехословаки...»¹⁹

Отчет Флуга зарегистрировал и те действия, которые предпринимала делегация «добровольцев» в Сибири. Флуг подчеркивал, что именно он содействовал укреплению связей кадетских кругов в Омске с офицерскими организациями, что под его личным влиянием они объединялись с казачьими отрядами под командованием П. Иванова-Ринова²⁰, что именно

¹⁷ См. подробнее: Плотникова М. Е. Роль Временного сибирского правительства в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири. — Труды Томского ун-та, т. 167. Томск, 1964; Разгон И. М. Плотникова М. Е. Г. Н. Потанин в годы социалистической революции и гражданской войны в Сибири. — Вопросы истории Сибири. Томск, вып. 2, 1965, с. 147—149.

¹⁸ Архив русской революции, т. 9, с. 254—255.

¹⁹ Вольная Сибирь, т. IV. Прага, 1928, с. 30.

²⁰ Внимательное изучение «Отчета» позволяет указать на допущенную В. С. Познанским неточность: он утверждает, что Флугу кандидатуру П. Иванова-Ринова рекомендовали эсеры (Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1973, с. 75). В «Отчете» же говорится, что рекомендация произошла по представлению кадетской организации. (Архив русской революции, т. 9, с. 253). Этот факт становится понятным, если учесть, что П. Иванов-Ринов принадлежал к числу мо-

он установил связь с томскими «областниками», с представителями «правительства» Дербера в Западной Сибири и т. п.²¹ В этих и ряде других подобных заявлениях Флуга наряду с реальностью, очевидно, присутствует и определенная доля преувеличения собственной роли. Отчет Флуга свидетельствует, конечно, не о руководстве военного антисоветского подполья в Сибири со стороны южной контрреволюции, а о настоятельных попытках установить прочную, взаимовыгодную связь.

На завершающем этапе своего пребывания на востоке России В. Флуг и В. Глухарев включились в работу «Делового кабинета», созданного как правительственное учреждение при генерале Хорвате — управляющем КВЖД. Разгоравшееся пламя гражданской войны на Дальнем Востоке явилось тем историческим фоном, на котором пересеклись пути В. Флуга и А. Будберга. Они неоднократно встречались и беседовали в Харбине, и Будберг отмечал общность их политических взглядов²². Однако эта общность не мешала им излагать свои впечатления об одних и тех же событиях весьма неодинаково.

Общая характеристика «белого движения» на КВЖД в дневнике Будберга явно негативная. Генералу Хорвату, в отличие от апологета Флуга, Будберг дает уничтожающую оценку. Называя его «двуликим Янусом», автор дневника упрекает его в зангрявании с местными «социалистами», с атаманами²³. Будберг писал, что Хорват «совершенно заблудился в разных комбинациях и компромиссах», вплоть до желания осуществить самые реакционные планы, сохранив видимость демократии. Вероятно, автор имел в виду постоянное стремление управляющего КВЖД сгладить «острые углы»

нархистов-черносотенцев, к которым тяготели в разгар гражданской войны сибирские правые кадеты (См.: Поффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983, с. 65; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М.: Мысль, 1982, с. 194).

²¹ Некоторое преувеличение роли Флуга допущено М. И. Светачевым, утверждавшим, что эмиссары генерала Корнилова создали «объединенный штаб сибирских контрреволюционных организаций». (Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке. 1918—1920 гг. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1983, с. 66). Сравнение отчета Флуга, доклада Глухарева и др. источников позволяет говорить самое большее о влиянии «добровольцев» на складывание городских штабов контрреволюции в Омске и Томске.

²² Архив русской революции, т. 13, с. 225, 228.

²³ Там же, т. 12, с. 278.

в отношениях с атаманом Семеновым переговоры Хорвата с «социалистом» Дербером и т. п.²⁴

Более общими, близкими оказались взгляды Будберга, Флуга и лейтенанта «NN» на совершившийся в ноябре 1918 г. колчаковский переворот и следовавшие за ним события.

В своем «Отчете» Флуг в целом избегал четких выводов и определений, стремясь сохранить маску мнимой беспристрастности и беспартийности. Но в оценке причин развития сибирской контрреволюции к военной диктатуре он был достаточно откровенен. Главное, что, по его мнению, привело к колчаковскому перевороту—позиция правых, буржуазных группировок, не испытывавших «доверия» к «социалистическим» партиям, к Директории. Последняя, писал Флуг, действовала по «рецептам 1917 года», не обеспечивала «влиятельным кругам» условий для реставрации прежних порядков и создания предпосылок для «плодотворной работы» торгово-промышленных кругов в будущем²⁵.

Сходную оценку Директории давал и лейтенант «NN». Он считал ее «вымученной, неестественной» поскольку родилась она как результат вынужденного компромисса правых и «левых» сил в контрреволюционном лагере²⁶. Почти в таких же формулировках писал о Директории Будберг; новое правительство, отмечал он, рождается «в муках соглашательства, а такие роды в себе таят спелые зародыши новых ссор и разрыва...»²⁷ Рассуждая о возможности возрождения на востоке России «новой власти», Будберг считал, что участие в ней эсеров, меньшевиков и борьба против нее будут одинаково опасны²⁸. Именно поэтому авторы всех трех анализируемых источников считали естественным и разумным передачу власти в руки диктатора.

Интересно отметить, что позитивное отношение к самому перевороту сочетается в исследуемых документах с одинаково отрицательной оценкой сложившегося колчаковского режима. Показательно немногословным в описании деятельности колчаковской администрации оказался лейтенант «NN», работавший в одном из омских министерств. Он отмечал, что центральные органы действовали «хорошо, конституционные гара-

²⁴ Иоффе Г. З. Указ. соч., с. 32.

²⁵ Архив русской революции, т. 9, с. 280.

²⁶ Там же, т. 10, с. 91.

²⁷ Там же, т. 13, с. 253.

²⁸ Там же, с. 226.

итип были налицо, но на местах влияние центра чувствовалось слабо; там царил произвол и дело особенно налажено не было»²⁹. Оставив на совести мемуариста утверждения о «конституционных гарантиях», которые были фикцией в условиях кровавой военной диктатуры, следует признать близкими к истине утверждения об ограниченности влияния центральных колчаковских органов. Описывая быстро разрастающуюся в «колчаковиц» спекуляцию, распадение хозяйственных связей, «NN» отметил: «...восстановить экономическую жизнь в полном смысле этого слова не удалось, и надо в этом искать одну из причин неустойчивости правительства»³⁰.

Показательна осторожность, которую в своем «Отчете» продемонстрировал Флуг в ответе на вопрос, каковы возможности колчаковцев в оказании помощи добровольческой армии. С одной стороны, он писал о благоприятных последствиях захвата Колчаком золотого запаса, об активности союзников, о довольно многочисленной и «относительно дисциплинированной» колчаковской армии. Но, с другой стороны, не забыл упомянуть о существовавших материальных затруднениях, о приверженности союзников системе осторожных подачек, о «растущей силе» Красной Армии. Автор «Отчета» считал, что борьба с Советской властью на востоке «может принять упорный и затяжной характер». В официальном документе он отказался от решительных выводов относительно совместных успешных действий «добровольцев» и колчаковцев. В частной беседе Флуг оказался более откровенным. В дневнике Будберга сохранилась запись, датированная 4 февраля 1919 года: «Видел Флуга, ...он направляется к Деникину и говорит, что в Омске еще хуже, чем во Владивостоке; власть в руках кучки темных дельцов, авантюристов и военной атаманщины...» Колчак, по мнению Флуга, бессилен был что-либо с этим сделать³¹.

Появление этой записи на страницах «Дневника» симптоматично, поскольку отношение самого Будберга к Колчаку и колчаковщине было весьма критичным. Оказавшись в Омске в качестве высшего военного чиновника, он писал: «Политиканство и интриги глушат здесь, как бурьян, всю созидательную работу; все рвется к власти»³². Будберг работал непос-

²⁹ Там же, т. 10, с. 94.

³⁰ Там же, с. 97.

³¹ Там же, т. 13, с. 284.

³² Там же, т. 14, с. 279.

редственно рядом с Колчаком, и следует довериться его свидетельствам о слабоволии диктатора, о неумении подбирать нужных людей, о незнании Колчаком армейского дела и т. п. Как типичный представитель гибнущего класса барон Будберг был заинтересован в сильном властителе. Он был готов простить ему самодурство, но не прощал промахов в деле.

Некомпетентность руководства в колчаковской Сибири подчеркивалась Будбергом при описании деятельности Совета министров, который был «фиктивной властью, исполняя все то, что было угодно Михайлову, Сукину и К°». Все дела, отмечалось в «Дневнике», решались узким кругом членов Совета Верховного правителя. «...Это была настоящая дворцовая камарилья, имевшая представителя верховной власти, помыкавшая им по своему желанию и управлявшая его именем»³³. В «Дневнике» содержатся уничтожающие характеристики людей, окружавших Колчака, — Лебедева, Михайлова, Дитерихса и др. На них прежде всего Будберг возлагал ответственность за провалы политики Колчака, всячески подчеркивал их полную несостоятельность как государственных и военных деятелей³⁴.

В подобного рода заключениях прослеживается типичная ограниченность кругозора, классовая близорукость белогвардейцев. Любое правительство действительно не может устоять, не организовав соответствующим образом функционирование государственного аппарата, хозяйственной системы и т. д. Однако никто не может утверждать, что колчаковское правительство не осуществляло подобной деятельности. Дело в другом: социально-экономическая политика колчаковцев, по поводу которой авторы анализируемых источников были весьма немногословны, оказалась целиком направленной на реставрацию дореволюционных порядков, на установление всевластия буржуазии. Антинародный характер колчаковщины был причиной широкого развертывания борьбы народных масс за восстановление Советской власти. Возглавляемая Коммунистической партией, эта борьба привела к закономерному падению контрреволюционного режима.

«Архив русской революции» предлагает историкам сложные, но содержательные источники по истории гражданской войны в Сибири. Их исследование помогает полно представить деятельность контрреволюционных сил, разгром которых открыл дорогу для строительства социализма в СССР.

³³ Там же, т. 15, с. 267.

³⁴ Там же, с. 259, 266, 267, 269 и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Разумов О. Н. Проблема иностранного капитала в Сибири накануне Октябрьской революции в советской историографии (исследование конца 50 — начала 80-х гг.)	3
Зыкова В. Г. Некоторые вопросы истории крестьянских организаций Сибири в период борьбы за установление власти Советов в советской историографии 60—80-х гг.	17
Якимова Т. В. Материалы уездных крестьянских съездов как источник по истории общественно-политической жизни крестьянства Западной Сибири в 1917 г.	34
Черняк Э. И. О современном состоянии изученности эсеровских организаций Сибири в 1917 — начале 1918 гг.	56
Красильников С. А. Съезды интеллигенции Сибири 1917 г. в газетных материалах (некоторые принципы анализа)	66
Бондаренко А. А. Левые эсеры Сибири в начальный период гражданской войны	86
Шиншкин В. И. Еще раз о Рогове и «роговщине»	102
Щербинина Н. Г. Некоторые вопросы взаимоотношений Колчака и интервентов в работах советских историков 50 — начала 80-х годов	127
Барвенко Е. И. «Архив русской революции» как источник по истории контрреволюции в Сибири	133

ОКтябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение

ИБ 1442.

Редактор М. И. Сваровская
Технический редактор Г. Н. Грдина
Корректор Н. Л. Егорова

Сдано в набор 4.10.84 г. Подписано к печати 11.06.85 г. К30293.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура.
Высокая печать. П. л. 9; уч.-изд. л. 7,7; усл. п. л. 8,37.
Тираж 500 экз. Заказ 6222. Цена 1 р. 20 к.

Издательство ТГУ, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4.
Типография издательства «Красное знамя»,
634050, ГСН г. Томск, пр. Фрунзе, 103.